

Страсть слишком хороша,
чтобы забыть...

Искушение слишком сильно,
чтобы сопротивляться...

Вспомни меня

Серия
«Преследуя пламя»

Энн Мари Уолкер и
Эми К. Роджерс

Первая книга новой соблазнительной трилогии о том, как пробуждается давно забытое желание... Наследницу медиа-империи Алессандру Синклер с детства приучали ставить семейные обязательства на первое место. Но все меняется в ночь, когда ее первая любовь вновь входит в ее жизнь и переворачивает мир с ног на уши. Одержимая воспоминаниями о тайном романе с парнем-бедняком, она не может выбросить Хадсона Чейза из своей головы. Вновь разрываясь между двумя разными мирами, Алли должна решить, насколько она хочет рискнуть ради любви, которую всегда хотела иметь. Десять лет — это долгий срок ожидания, но миллиардер Хадсон Чейз стал генеральным директором одной из самых быстро растущих компаний в стране потому, что не отказывается от желаемого. Теперь он вновь нацелился на Алли, решив заставить ее пожалеть о том, что она разбила его сердце. И в этот раз он, черт побери, постарается, чтобы его непросто было забыть.

Вспомни меня

Энн Мари Уолкер, Эми К. Роджерс

В своей жизни Хадсон Чейз не мог контролировать всего несколько вещей. Он покорила Уолл-стрит, доминировал в мире бизнеса и владел чистыми активами на сумму, делающую его регулярным гостем на страницах Форбс. Но властью поторопить женщину, собиравшуюся на официальный ужин, не обладал даже он.

— Сократите накладные расходы на двадцать процентов, — зажав телефон между ухом и плечом, Хадсон свободной рукой закатывал рукав. Он мельком глянул на платиновые часы, выглядывавшие из-под отложной манжеты, прежде чем вернуться к наемному сотруднику, висевшему на другом конце линии. Ублюдку хватало смелости кормить его бесконечным потоком оправданий.

— "Как" — это не моя проблема, — тон Хадсона был острее бритвы. — За это я плачу вашей адвокатской конторе бешеные деньги.

Он изогнул палец, завязывая галстук-бабочку. Неужели чтобы нанести блеск для губ и надеть туфли, нужно столько времени?

Как раз когда он исчерпал все запасы терпения, дверь лимузина распахнулась, открывая его взору красное платье и пару ножек, меж которыми крылась щель в рай. Будь он проклят, если не планировал поддаться соблазну и полетать в облаках.

София скользнула на сиденье рядом с ним и поправила платье, лениво скрестив ноги и обеспечив ему лучший обзор. Платье льнуло к ней как вторая кожа, подчеркивая пышные изгибы, поддерживаемые лучшими тренерами в Чикаго. Взгляд Хадсона проследил их каждый дюйм и остановился на украшении от Harry Winston, покоившемся на ее груди.

Лимузин тронулся, отъезжая от обочины, и Хадсон немедленно нажал кнопку, поднимающую экран, который отделял их от водителя.

— Избавьтесь от активов, которые мы обсуждали, — сказал он, прерывая клерка, явно наслаждавшегося звуками собственного голоса. Рука его легла на колено Софии. — Ничего личного, только бизнес. Начните увольнять людей с понедельника.

По мере того, как лимузин набирал скорость, двигаясь вниз по Мичиган Авеню, рука Хадсона ползла вверх. Он поглаживал ладонью ногу Софии, слушая, как адвокат тараторит, пытаясь вернуть его благосклонность. Хадсон представил, как над бровью этого паренька собирают капли пота, и скривился в удовлетворенной ухмылке.

— Нет, завтра. Сегодня я посещаю мероприятие.

И черта с два по доброй воле. Хадсон предпочел бы просто выписать чек на благотворительность и избавил себя от необходимости улыбаться куче незнакомых людей. Он был тише воды, ниже травы с момента прибытия в Чикаго, но учитывая, что его имя будет на этом здании, его пиар-отдел решил, что пора бы начать посещать мероприятия. И их настойчивость была единственной причиной, по которой он сидел в этом богом забытом лимузине, а его шею душил гребаный галстук-бабочка.

Хадсон глянул на Софию, когда та умышленно раздвинула ноги. Глаза его расширились, когда он увидел, что она не надела белье.

— Держи меня в курсе, — сказал он, резко сбрасывая звонок.

Лимузин повернул, чтобы припарковаться, как раз тогда, когда его рука скользнула меж бедер Софии.

Ну, дерьмово.

Филдовский музей естественной истории взмывал перед ними величественными колоннами, подсвеченными снизу, и вывесками о новых выставках, хлопающими на позднем сентябрьском бризе. Хадсон вылез из машины, как только привратник открыл дверь, желая покончить с этой хренью. Внести пожертвование, пара рукопожатий и убираться отсюда. Он застегнул пуговицы смокинга и предложил Софии руку. Она вложила ладонь в его руку, оперативно выбираясь из лимузина и не сверкая перед ждущими фотографами. Хадсон привлек ее к себе, коснувшись губами виска.

— Мы не останемся надолго.

Она провела пальцем по его подбородку.

— Надеюсь, что нет.

Хадсон улыбнулся, скорее натянуто, чем искренне. Он знал, София хотела большего, чем просто неспешный секс. Она хотела стать миссис Хадсон Чейз, а этому, черт побери, не бывать никогда. Он не желал идти к пресловутому алтарю. Ни с кем. Никогда.

София была лишь текущим способом отвлечься.

Они ступили на красную дорожку, и вспышки камер засверкали как на проклятое Четвертое Июля. София прислонилась к нему, демонстрируя соблазнительную улыбку каждому фотографу, называвшему их имена.

Она была в своей стихии. Хадсон действовал на автопилоте.

Такие вещи выводили его из себя. Но он приложил усилия и для того, чтобы быть здесь, и для того, чтобы быть замеченным. Он позволил им сделать несколько снимков, пару раз коротко кивнул и затем двинулся дальше.

Держа руку на ее поясице, Хадсон направил Софию вверх по ступеням, усыпанным гостями, входившими в здание. Очутившись внутри, он осмотрел комнату на предмет ближайшего бара. Он ожидал увидеть бесконечные ряды столиков на десятерых, где застреваешь на несколько часов, беседуя с ближайшими соседями за ужином из резиновой курицы с неведомым соусом. Но комната, оказавшаяся перед ним, была далека от его ожиданий.

Просторное помещение с красиво задрапированными стенами, сводчатыми арочными проемами, через которые проникало наружное освещение, плюшевые ковры образовывали места для сидения, где кофейные столики заменили обеденные столы, а вместо стульев с прямой спинкой стояли мягкие диванчики. Все помещение вибрировало атмосферой первоклассного клуба.

— Мистер Чейз.

Услышав свое имя, Хадсон повернулся. Пожилой джентльмен прокладывал дорогу в его направлении. Руку он уже вытянул и, судя по выражению лица, рассчитывал на ответ.

София коснулась предплечья Хадсона, но внимание ее было приковано к комнате.

— Я пойду в бар, — сказала она, глазами уже сканируя толпу. — Заказать тебе скотч?

На мгновение он задумался, а не последовать ли за ней, просто чтобы избежать заранее нежелательного разговора. — Blue Label. Закажи двойной.

— Эллиот Шоу, — сказал мужчина, немного запыхавшись. — Главный редактор журнала "Чикаго". Безумно рад встрече. Я оставил вашему ассистенту несколько сообщений.

Хадсон пожал его руку.

— Чем могу помочь, мистер Шоу?

— Я бы хотел, чтобы вы появились в нашем выпуске "Могучая сотня".

— Такие решения принимаются моим пиар-отделом. Предлагаю вам пообщаться с ними.

— Я с ними говорил, — вежливо настаивал Шоу, — но мы хотим нечто большее, чем стандартный пакет для прессы. Мы бы хотели получить эксклюзивное интервью.

Хадсон уже собирался оборвать его, но Шоу выбросил козыря.

— Взамен мы с радостью разместим ваше фото на обложке журнала и отдадим первое место в этом списке. Не каждый день кто-то приезжает в город и скидывает Опру с ее трона, — Шоу хихикнул над собственной шуткой, затем завел прекрасно отрепетированную речь: — На местном рынке наш охват аудитории больше, чем у People...

Хадсон перестал его слушать. Он осматривал комнату, ища в толпе свою подружку, и что важнее, его скотч.

И тогда-то он увидел ее.

Его сердце колотилось так, что он только что пробежал Чикагский марафон.

Консервативное черное платье до колена, скромное декольте, но проклятье, она была самой сексуальной женщиной в этом зале. Утонченная и элегантная.

Она повернулась к симпатичной рыжей девушке, открывая ему глубокий вырез на спине и изрядное количество своей идеальной кожи.

Твою ж мать.

Хадсон прерывисто вздохнул. Он не мог не фантазировать о том, что было надето под этим платьем. Или о том, как упадут ее светлые волосы, освобожденные от шпилек, свободными локонами обрамляя лицо. Мягкие волны, которые скользили бы по ее голым плечам... по его груди... по его...

— Конечно же, средства массовой информации нельзя недооценивать, — голос Шоу выдернул Хадсона из фантазий.

— Вы знаете эту женщину? — он кивком головы указал в направлении блондинки. — Ту, что говорит с рыжей?

Шоу проследил за его взглядом.

— Да, это Алессандра Синклер, организатор мероприятия. Ее семья...

— Благодарю, мистер Шоу. Прощу прощения, — Хадсон уверенно направился через комнату, приближаясь к Софии, как раз когда она отходила от бара с двумя стаканами в руках.

Он схватил ее за локоть, не сбавляя шагу.

— Осторожнее, — предупредила она. — Это платье стоит целое состояние.

Хадсон выхватил у нее свой скотч, залпом выпил и оставил стакан на одном из столиков по пути. Он быстро тащил их обоих по направлению к блондинке, с каждым шагом все сильнее узнавая ее. Стоя прямо позади нее, он сделал глубокий вдох, готовясь к ее реакции.

— Прощу прощения. С кем я могу переговорить по поводу внесения более значительного пожертвования?

Значительное пожертвование? Эти слова были музыкой для ушей Алессандры. Уверенная улыбка осветила ее лицо. Убеждать жирных котов делиться своими денежками было ее специальностью. Этот парень еще не знает, с чем имеет дело.

Она повернулась, готовая одарить мистера Потенциального Благотворителя полным арсеналом своего очарования, и застыла.

Этого не может быть.

Ее отрепетированная улыбка сползла с лица. Алессандра уставилась на него с изумлением и недоверием. Он определенно стал старше, одет в смокинг от Армани вместо потрепанного Levi's. Его темные волнистые волосы подстрижены более коротко, а некогда угловатая худоба сменилась мускулистым телосложением мужчины, хорошо знакомого со спортзалом. Парнишка, которого она когда-то знала, теперь стал мужчиной, источавшим ошеломительную мужественность и мощь.

Столь многое в нем изменилось, и все же его глаза, эти изумительные голубые глаза были точь-в-точь такими, какими она их запомнила.

— С нами, — отозвался голос справа от нее. Алессандра едва разобрала слова из-за шума крови в ушах. — Мое имя Харпер Хейз, а это организатор мероприятия, Алессандра Синклер.

— Алессандра, — сказал мужчина, едва заметно усмехаясь уголком рта и протягивая руку. — Хадсон Чейз.

На мгновение ее взгляд задержался на его полных, чувственных губах. Его мощной, грубоватой челюсти. Стильная щетина, которую он теперь носил, делала его облик еще более темным и загадочным, чем при их первой встрече. Алессандра невольно подумала, каково было бы ощущать ее кончиками пальцев, своей щекой, между своих бедер...

Локоть Харпер толкнул ее в бок, выдергивая из заплутавших мыслей.

Святой ад, как это случилось?

Алессандра подняла взгляд и обнаружила, что Хадсон наблюдает за ней, выгнув одну бровь, и легкий румянец залил ее щеки. Она вложила руку в его ладонь, надеясь, что он не заметит дрожи ее пальцев.

— Так что вы говорили о пожертвовании? — спросила Харпер.

Хадсон держал руку Алессандры, глядя ей в глаза, и ответил: — Возможно, этот вопрос я смогу обсудить с мисс Синклер за танцем?

На секунду атмосфера между ними изменилась, наполнившись предвкушением от повисшего в воздухе вопроса. Затем женщина, державшая Хадсона под руку, преувеличенно громко вздохнула. Она изобразила безразличие, разглядывая идеальный маникюр и переступая ножками, облаченными в шпильки. Алессандра окинула ее взглядом. Фигуристая в нужных местах, с чуть ли не бесконечными ногами. Пухлые красные губы были почти того же оттенка, что и платье, темные кудри обрамляли лицо с изяществом, достойным обложки журнала. Естественно, журнала типа "Максим". Но все же она была сногсшибательной.

Алессандра быстро отдернула руку, но взгляд остался невозмутимым.

— Этим вечером я рассчитываю выписать солидный чек, — сказал он. — Меньшее, что вы можете сделать — это потанцевать со мной.

— Она с удовольствием, — поспешно выпалила Харпер.

Алессандра резко глянула на нее, ее нахмуренный взгляд встретился с широкой улыбкой Харпер.

— Обработай его, — одними губами произнесла Харпер, подталкивая ее вперед.

Хадсон ждал, не отводя от нее своих голубых глаз. Она знала, что должна вежливо отклонить приглашение. Она могла отказать ему, и так было бы правильнее всего. В конце концов, она организатор. Немалое количество обязанностей и проблем, требующих внимания, могло служить прекрасным оправданием. Но в данный момент она не могла ничего придумать.

— После вас, — он жестом указал на паркет танцплощадки, как только его спутница ударилась в торопливое отступление к бару. Оркестр заиграл "Summer Wind" Фрэнка Синатры. Хадсон скользнул рукой по ее талии, бережно прижимая девушку к себе. — Ты как всегда прекрасна, — сказал он ей на ухо, обжигая горячим дыханием, медленно кружа в танце посреди толпы.

Алессандра чувствовала, как по позвоночнику пробежала дрожь. Она отстранилась, чтобы встретиться с его пронзительным взглядом, и между ними пронеслась сильная, почти осязаемая искра. Девушка с трудом сглотнула, пытаясь обрести дар речи, и когда ей это удалось, выпалила единственный вопрос, крутившийся в ее голове с тех пор, как она его увидела: — Что ты делаешь в Чикаго?

Его бровь выгнулась.

— Реализую свое право как гражданина Америки путешествовать по этой стране.

Холодный ответ удивил ее.

— У меня бизнес здесь, — Хадсон оборвал их танец и кивнул фотографу, готовому сделать снимок. — Улыбнись в камеру, Алессандра.

Стремительно замелькали вспышки.

— Благодарю вас, мистер Чейз, — сказал фотограф, прежде чем стремительно ретироваться с танцпола.

Она воспользовалась этой краткой передышкой, чтобы восстановить спокойствие.

— И каким бизнесом ты занимаешься?

— Приобретаю вещи, — в его голосе не прослеживалось ни капли веселья.

Слишком много для светского разговора. Пока они танцевали, Алессандра смотрела поверх его плеча, наблюдая, как кружатся другие пары. Мисс Девушка-с-обложки-Максим стояла под гигантским тиранозавром, хмурясь поверх фужера с шампанским.

Черт, если бы взглядом можно было убить...

— Вы не очень-то убеждаете меня расстаться с моими денежками, мисс Синклер.

Алессандра отодвинулась, что посмотреть на него.

— Так ты серьезно насчет чека?

Хадсон перевел на нее взгляд, столь напряженный, что она едва сумела его выдержать.

— Я не шучу насчет миллиона долларов.

— Миллиона долларов? — у нее вырвалось подобие взвизга. Она прочистила горло и понизила голос: — Ты хочешь пожертвовать миллион долларов?

— Да, — ответил он будничным тоном.

Будучи сбитой с толку, Алессандра удивленно уставилась на него. Он только что предложил миллион долларов так, будто сказал, что купил бутылку вина на негласном аукционе. Миллион долларов — это более чем "значительное" пожертвование. Это в четыре раза больше, чем она когда-либо получала от одного дарителя. Естественно, он шутит. Разве мог он быть серьезен?

Как будто читая ее мысли, Хадсон дал неопределенное пояснение.

— Много может измениться за десять лет, Алессандра. Хотя я смотрю, ты все еще предпочитаешь полное имя.

— Ты единственный, кто называл меня Алли, — прошептала она. Их глаза встретились, она искала в его взгляде хоть проблеск того парня, которого знала когда-то. Выражение его лица смягчилось, и на какое-то мгновение она вновь ощутила ту связь, которая даже сейчас заставляла ее колени подкашиваться.

Их танец сократился лишь до мягкого покачивания, между ними проносилось столько всего невысказанного. Алли даже не осознавала, что перестала дышать, пока вдруг чья-то рука не тронула ее за плечо.

Хадсон резко осекся, челюсть напряглась. Он был готов разукрасить лицо этому парню просто за вмешательство.

Густой французский акцент скользнул между ними.

— Могу я вклиниться?

Светло-ореховые глаза Алессандры расширились от шока. Когда ей удалось вернуть спокойствие, Хадсон увидел в них нечто, напоминавшее чувство вины. Как будто она внезапно осознала, чья рука обнимала ее талию. Девушка выпрямилась, и Хадсон ощутил, как она убрала руку с его плеча.

— Конечно, — сказала она. — Джулиан, это мистер Хадсон Чейз. Мистер Чейз, это Джулиан Лорен.

Миловидный парень протянул ему руку, перед этим тряхнув волосами так, будто только что вышел из рекламы шампуня.

— Маркиз Джулиан Лорен, — сказал он, подчеркивая титул, который был не более чем куском элегантного дерьма.

Прищурившись, Хадсон рассматривал этого самодовольного придурка. Парень смерил его таким взглядом, точно на нем был костюм из масс-маркета, а не Армани, сшитый на заказ.

"Есть два варианта, — решил он про себя, — высмеять этого чопорного сукина сына или выдать ему набор "отвали нахрен"".

Вариант N2, вероятно, был не такой уж плохой идеей.

Но вместо этого он убрал руку с талии Алессандры и протянул руку.

— Мистер Лорен.

— Мистер Чейз великодушно пообещал пожертвовать миллион долларов, — сказала Алессандра.

Джулиан резко перевел взгляд на Хадсона с выражением чистого высокомерия.

— Люди жертвуют столько, сколько могут.

Вариант N2 начинал казаться все более привлекательным. "На то, чтобы уделать этого парня, — подумал он, — ушла бы максимум минута".

Джулиан отвел взгляд от Хадсона и улыбнулся.

— Алессандра, кое-кто из гостей хочет поговорить с тобой.

Хадсон скривился в усмешке, неспособный подавить веселье от того, что его отвергли. Решив не устраивать своему пиар-отделу кучу проблем с прессой, он лишь вежливо кивнул.

— Благодарю за танец, Алессандра, — сказал он, отчетливо произнося ее имя.

Он развернулся, и перемена была ошутимой. Одна встреча с ней, и контроль, который он столь тщательно вырабатывал, трещал по швам. Каждый мускул напрягся, борясь с желанием пойти за ней, прижать ее к стене где-нибудь в темном уголке музея и вытрахать

десять лет неутоленного желания, скопившиеся в его организме. Вместо этого он принялся искать в толпе завсегдатаев вечеринок свою спутницу. Подойдя к ней, Хадсон схватил девушку за запястье.

— Мы уходим.

София поставила полупустой фужер с шампанским на столик, а он уже тащил ее к выходу.

— Мы только пришли, и я...

Глянув через плечо, Хадсон успешно заткнул ее. Достав телефон из нагрудного кармана пиджака, он отдал приказ, четко разделяя слова:

— Подгоните машину.

Он едва не волоком стащил ее по каменным ступеням музея. Стук ее небоскребических шпилек, которые бы отрахуительно смотрелись на его плечах, эхом раздавался вокруг. К тому моменту, как они достигли нижних ступенек, идеально обтекаемая черная машина уже ждала своих пассажиров. Хадсон торопливо подтолкнул Софию к открытой двери лимузина, удостоив водителя лишь беглым взглядом.

— Езжай и не останавливайся, пока я не скажу, — приказал он, развязывая галстук и садясь в машину.

Алли толкнула двери музея, приветствуя порыв прохладного ветра. Эта ночь была великим успехом. Окончательные цифры подсчитают только к утру понедельника, но все указывало на то, что своей цели они достигли. Она сделала глубокий вдох и втянула... дым?

Она повернулась к Джулиану и увидела, что тот прикуривает, прикрыв зажигалку рукой.

— Не курить ближе 15 футов (4,5 метра, — прим. пер.) к зданию, — напомнила она.

— Чертовы американцы, — сказал он с сигаретой в зубах, болтающейся так, будто она неподвластна гравитации. — Нелепые законы.

— Они созданы, чтобы защищать людей и не делать их пассивными курильщиками.

Джулиан раскинул руки в стороны.

— Здесь никого нет, Алессандра.

— Я правда хочу, чтоб ты бросил, — мягко предложила она.

Между ними за клубилась струйка дыма.

— Брошу, когда умру.

— Необязательно быть таким грубым, — она начала спускаться, и Джулиан пошел вслед за ней.

— Ладно. Я выброшу, — он звучал точно раздраженный подросток.

— Я говорю не о сигарете. Я имею в виду ранее, с тем благотворителем.

— Каким благотворителем?

— Тем, который пообещал внести миллион долларов, — она не могла заставить себя произнести его имя вслух.

Джулиан резко остановился.

— Я думал, я был очень даже вежливым, учитывая, что он лапал мою девушку.

— Мы просто танцевали.

Он издал резкий смешок и продолжил спускаться по бетонным ступенькам к привратнику. Алли присоединилась к нему несколько секунд спустя. Стоя рядом друг с другом, они ждали свой лимузин. С озера Мичиган дул легкий бриз, сдувая облачко

сигаретного дыма прямо на Алли. Она отвернулась и подошла ближе к воде. Чикагское колесо обозрения Ferris Wheel на Неви Пир мигало красным и золотым. И пока Алесандра наблюдала за его плавным вращением, мысли ее уплыли куда-то в сторону. Неужели действительно прошло десять лет? Когда она закрывала глаза, воспоминания всплывали с такой четкостью, будто это было вчера.

Вновь налетел ветер, и она задрожала.

— Холодно? — спросил Хадсон.

— Все нормально, — она улыбнулась. *Вовсе не летний ветерок был причиной ее дрожи.*

Это Хадсон, который сидел так близко, это он заставлял ее трепетать.

— Давай я тебя согрею, — он обхватил ее рукой, крепче прижимая к себе. — Думаю, отсюда можно увидеть весь город.

Алли не заметила. Их кабинка на несколько минут застыла на самой вершине Ferris Wheel, пока внизу садились новые пассажиры, но она едва замечала вид, раскинувшийся перед ними. Она не могла отвести взгляд от Хадсона Чейза. В черной футболке, выцветших джинсах и мотоциклетных ботинках Хадсон был воплощением того, что ее мать назвала бы бандитом. Но Алли знала лучше. И здесь, высоко над городом, никакое другое мнение не имело значения.

Она хотела остаться на вершине этого колеса обозрения навечно.

— Знаешь, — сказал он с дьявольской улыбкой, — если мы тут пробудем какое-то время... — сердце Алли забилось с бешеной скоростью, когда Хадсон наклонился ближе, его губы зависли в считанных дюймах от ее рта. — Мы могли бы провести его с пользой.

Кабинка дернулась, возобновляя движение, и Хадсон выругался себе под нос, пока они медленно снижались к платформе выхода. Алли изо всех сил старалась не хихикнуть.

— О, так тебе смешно? — спросил Хадсон. Он выбрался из кабинки первым и предложил ей руку.

— Вообще-то да, — ответила она, расплываясь в улыбке до ушей.

Он крепко сжал ее руку, резко притянув ее к себе. У Алли перехватило дыхание, когда она встретила взглядом с его голубыми глазами.

— Хадсон! — раздался голос позади.

Хадсон опустил подбородок.

— Сегодня точно не мой вечер, — пробормотал он.

Алли прикрыла рот, пытаясь скрыть улыбку. Тем временем к ним подбежал братишка Хадсона, Ник, совсем запыхавшийся.

— Вот ты где. Я тебя везде ищу.

Хадсон переплел свои пальцы с ее.

— Что случилось, малыш?

— Можно мне доллар?

— И зачем тебе нужен доллар? — спросил Хадсон, свободной рукой проводя по непослушным каштановым волосам.

Ник подпрыгивал на месте точно мячик.

— Хочу поиграть в дартс.

— Дартс?

— Ага. Если лопнешь три воздушных шарика, выиграешь крутейшую машинку с дистанционным управлением. Пожа-а-а-алуйста, — упрашивал он, тараторя. — Она просто суперкрутая. У нее на боку нарисован огонь, и крышки хромированные. Она умеет

разворачиваться на двух колесах и может прыгнуть вот на столько, — Ник развел руки так широко, как только мог.

Хадсон рассмеялся.

— Ладно, ладно, я понял, — он повернулся к Алли. — Не возражаешь?

— Ничуть, — Алли не могла отказать Нику, как не могла и сопротивляться его очаровательному старшему брату.

Хадсон одарил ее сияющей улыбкой, прежде чем повернуться к Нику.

— Показывай дорогу.

Первые три дротика упали на землю. Большие карие глаза Ника увлажнились, но он отмахнулся.

— Наверняка, просто очередной кусок дерьма.

— Эй, следи за языком, парень.

Лицо Ника вытянулось.

— Прости.

Хадсон потянулся в задний карман за бумажником, который держал на серебряной цепочке.

— Дай-ка я попробую.

Алли наблюдала, как Хадсон достает купюру одну за одной. В лучшем случае он спустил целую смену с чаевыми к тому моменту, когда наконец лопнул три зеленых шарика в ряд.

— Какого цвета хочешь, Ники?

Ник подошел к стеклянному прилавку. Он сосал палец, бродя глазами от одной машинки к другой. Несколько минут спустя он поманил Хадсона нагнуться и прошептал что-то ему на ухо. Алли не разобрала все, что он сказал, но определенно расслышала слово "твоя девушка", сказанное с таким преувеличением, с каким обычно дразнят старших братьев и сестер. Алли пришлось прикусить губу, чтобы не рассмеяться, глядя на выражение лица Хадсона, но он тотчас же посерьезнел.

— А как же супер-крутая гоночная машинка? — спросил он.

Ник прошептал ответ, глядя на Алли.

— Уверен? — спросил Хадсон.

Ник ответил широкой улыбкой и кивком. Два брата прилипли к стеклянной витрине. Алли видела, как Хадсон на что-то указал, затем повернулся к ней. В руках у него был ножной браслет из ракушек.

— Ник отказался от своего приза, — губы Хадсона сложились в смущенную улыбку. — Захотел, чтобы я выбрал что-нибудь для тебя.

— Оооу, спасибо, Ник. Очень мило с твоей стороны, — она наклонилась и поцеловала Ника в щеку. — Он мне очень нравится.

— Вот, — Хадсон протянул ему пару баксов. Ник схватил деньги и удрал, щеки его пылали.

— Окажешь мне честь?

Хадсон опустился на одно колено. Он обернул тонкую нить из ракушек вокруг лодыжки Алли и застегнул замочек. Закончив, он не спешил убирать руку. Ее кожа горела от его прикосновений, когда он медленными движениями кончиков пальцев проследил путь до подола ее бело-желтого сарафана.

— А что насчет меня, Алли? — спросил он, глядя на нее из-под длинных темных ресниц. — Я тоже заслужил поцелуй?

— Чего ты ждешь, Алессандра? — спросил голос позади.

Алли вздрогнула от звука своего имени, возвращаясь в настоящее. Она повернулась и увидела, что Джулиан стоит у открытой двери лимузина. Он нетерпеливо махнул рукой с горячей сигаретой, точно указывал дорогу садящемуся самолету.

— В машину, *s'il vous plaît*.

Алли забралась в лимузин. Джулиан бросил сигарету на тротуар и уселся рядом.

— Отель Пенинсула, — сказал он водителю.

— Если ты не возражаешь, я бы хотела отправиться к себе.

Он глянул на нее, прежде чем изменить свои указания.

— Все равно одно место назначения. Север Астор стрит. 1400-й квартал.

— Я правда очень устала, Джулиан. Все, что я хочу — лечь в постель. Одна, — она посмотрела в зеркало заднего вида, встретившись взглядом с водителем, и показала два пальца. — Две остановки, пожалуйста.

Джулиан испустил резкий вздох.

— Ты целый вечер работала с толпой, болтала со всеми.

Когда лимузин тронулся, он наклонился к ней, проводя костяшками пальцев вверх-вниз по ее руке. Он низко опустил подбородок, глядя на нее из-под взъерошенных светло-каштановых волос, которые в сексуальном беспорядке упали на лицо, прикрывая один глаз.

— Может, уделишь немного времени мне? — прошептал он, его акцент ласкал точно так же, как и прикосновения. Обычно это заставляло ее растекаться на все согласной лужицей. Но не сегодня.

Воздух в лимузине казался густым, жарким, ее виски пульсировали.

— Это был долгий вечер, и у меня раскалывается голова. Думаю, весь этот стресс, связанный с мероприятием, меня-таки доконал.

Выражение лица Джулиана ужесточилось. Он опустил руку и выпрямился на сиденье.

Алли вздохнула. Она не хотела его обидеть. Но время было уже позднее, а она едва спала в последние несколько дней. Выспавшись как следует, она будет больше похожа на саму себя.

— Прости, — она потянулась через сиденье и накрыла его ладонь рукой, слегка сжав. Когда он посмотрел на нее, она ободряюще улыбнулась. — В другой раз, окей?

Он высвободил руку и потянулся в нагрудный карман за пачкой сигарет.

— Ладно. В другой раз, — вспыхнула зажигалка, и Джулиан сделал глубокую затяжку, тихо выругавшись на выдохе. — *C'est des conneries*. (Чушь собачья — франц.)

Открыв окно, Алли смотрела, как вдалеке, над темным озером мерцали огоньки колеса обозрения.

Алли не верила своим ушам. Она напряженно слушала, прижимая телефон к уху, точно старалась зафиксировать каждое слово в памяти. Ее внимание привлек всполох рыжих волос — Харпер пронеслась мимо. И тут же развернулась на 180 градусов, когда Алли жестом позвала ее в свой офис.

— Вы очень добры, но это действительно командная заслуга, — сказала Алли в трубку.

Плиссированная мини-юбка Харпер задралась на коленях, когда она плюхнулась на один из небольших стульчиков с мягкой обивкой, стоявших перед столом Алли. Яркая ткань в горошек перекликалась с разноцветными браслетами на запястье девушки. И хотя сама она такое ни за что не надела бы, Алли любила причудливый стиль Харпер, нечто среднее между Фиби из "Друзей" и Джесс из "Новенькой", с небольшой примесью Джоан из "Безумцев".

— Так и сделаю. И еще раз спасибо, что думаете обо мне.

Харпер подняла одну бровь.

— Что это было? — спросила она, как только Алли положила трубку.

Алли обошла стол и закрыла дверь офиса.

— Это был Оливер Харрис.

Харпер недоумевала.

— Из "Харрис Групп".

Лампочка над ее головой загорелась.

— Из пиар-фирмы?

Алли кивнула.

— Видимо, мистер Харрис был в музее в субботу вечером. И сегодня утром позвонил мне, чтобы сообщить, как ему понравилось мероприятие, — она поправила несколько бумажек на столе, стараясь выглядеть важно. — И предложил мне работу.

Глаза Харпер расширились от удивления.

— Да ладно!

Алли не выдержала и широко улыбнулась.

— Он предложил присоединиться к его некоммерческому отделению и контролировать процесс планирования всех мероприятий.

— Дерьмо, вот это успех. Это они организовали тот масштабный сбор средств в Линкольн-парке прошлым летом.

— В зоопарке?

— Ага. И я слышала, это было потрясно. У них даже были "Неоновые деревья".

— Что такое неоновые деревья?

— Они не "что", Алессандра, они "кто". Это музыкальная группа.

Алессандра, не имевшая ни малейшего понятия, пожала плечами.

Взгляд, которым одарила ее Харпер, только убедил Алессандру в том, что когда дело

касалось музыкального вкуса, подруга считала ее полной занудой.

— О да ладно, их-то ты должна знать, — и чтобы подтвердить свои слова, Харпер напела пару строчек: — Эй, детка, не посмотришь на меня? Я могу стать твоим новым увлечением...

Алли рассмеялась над жалким вокалом Харпер, сопровождавшимся энергичным покачиванием головой.

— Ладно, ладно... да, я слышала эту песню.

Харпер прекратила свой импровизированный концерт.

— Так когда ты приступаешь?

Алли опустилась в кресло.

— Я не приступаю.

— Еще раз?

— Я поблагодарила мистера Харриса, что он думает обо мне, и сказала, насколько я польщена, но не могу оставить свое место в "Лучшем начале".

Меньше месяца прошло с открытия первой чартерной школы, и начало строительства второй планировалось на весну. Нет, она не могла даже рассматривать вариант ухода.

— Слушай, никто здесь не станет скучать по тебе больше меня, но я не понимаю, как ты можешь такое упускать. Это все равно что мечта, ставшая явью.

В нормальных обстоятельствах это могло быть так, но жизнь Алесандры Синклер была далека от нормальности. Будучи дочерью Виктории Ингрэм, она родилась в семье, чье имя упоминалось в одном ряду с Вандербильтами, Рокфеллерами и Херстами. Вместе с такими привилегиями приходят и определенные обязательства, список которых возглавляла семья. Практически каждая сторона жизни Алли была как-то связана с "Ингрэм Медиа". Всегда Империя ее дедушки так или иначе затронула весь город, и с самого раннего возраста ее обучали тому, чего ждали от его наследников. Вовлеченность в семейный бизнес рассматривалась как аксиома.

После колледжа Алли провела два года, изучая различные филиалы "Ингрэм". Но то время, что она провела в благотворительном фонде своей семьи, принесло ей наибольшее удовлетворение, и с тех пор она трудилась над их новейшим проектом. И не так, как ее мать — разрезая ленточки и планируя встречи между утренним теннисом и послеобеденным чаепитием. Нет, последние три года Алли долгими часами трудилась в "Лучшем начале" и гордилась тем, чего им удалось достичь.

— Я счастлива там, где я есть сейчас, — сказала она Харпер. И поскольку это было правдой, признание ее заслуг кем-то вроде Оливера Харриса значило многое, особенно когда маленькая часть ее все еще сомневалась, а не держат ли ее исключительно из-за фамилии. Возможность собственными заслугами доказать, чего она стоит, была заманчивой, но для Алли фраза "семья на первом месте" не обсуждалась.

— Ну, если ты так говоришь, — улыбка Харпер не коснулась ее глаз.

— Так чего ты так носишься с утра пораньше в понедельник? — спросила Алли, переводя тему. — Когда ты только что вошла в дверь, ты выглядела, будто женщина на задании.

— Божечки, я чуть не забыла! — Харпер вытащила газету из кучи заявок, которую несла с собой, и положила на стол Алли. — Страница шесть.

Алли переворачивала страницы, пока не наткнулась на фотографию, которая почти заставила ее сердце пропустить удар. Это был снимок, сделанный в Филдовском музее.

Она. В руках Хадсона.

Организатор мероприятия Алессандра Синклер с новоиспеченным самым завидным холостяком Чикаго, бизнес-магнатом Хадсоном Чейзом.

У нее слюнки потекли, пока глаза ее блуждали от его довольной улыбки к руке, собственнически обвившей ее талию. Это было нечто большее, чем обычный снимок для прессы на каком-то благотворительном вечере. Это было их первое совместное фото. Ее сердце было разбито, когда их летний роман закончился так внезапно, и не осталось ни единой фотографии, отчего потеря казалась еще более острой. Но теперь они были в официальных костюмах. Она уставилась на фото, впитывая каждую деталь, пока звонок телефона не разрушил эту магию.

— Ну разве ты не на пике популярности сегодня утром? — сказал Хадсон.

Алли нахмурилась и выхватила телефон из гнезда.

— Алессандра Синклер.

— Мисс Синклер, замечательное фото в газете этим утром. Весьма фотогенично.

От звука его голоса ее дыхание прервалось.

— Мистер Чейз.

Брови Харпер взметнулись вверх. Она наклонилась вперед, браслеты на ее руке звякнули, когда она оперлась локтями на край стола Алли и подперла руками подбородок.

— Рада, что вы позвонили. Мне не удалось поблагодарить вас тем вечером в субботу.

— За деньги или за танец?

Алли даже по телефону могла различить его самодовольную улыбку. Она помедлила, затем предпочла проигнорировать вопрос.

— Ваше пожертвование было очень щедрым.

— Что подводит меня к цели этого звонка, вместе с недоверием к уважаемой почтовой службе Соединенных Штатов, — сказал Хадсон. — Я уверен, вы с нетерпением ждете получить мою... щедрость.

На последнем слове его голос изменился. Тон стал ниже, почти обольщающим.

Харпер наклонилась ближе.

— Что он говорит? — прошептала она. Боже правый, она вела себя как подросток на ночевке. Алли почти ожидала, что она включит громкоговоритель или хуже того, обежит стол и прижмет ухом к трубке.

— Очень мило с вашей стороны проявить такую заботу, — сказала Алли. — Я с радостью пришлю за чеком курьера.

— Нет, я настаиваю на передаче чека в знакомые руки.

Алли едва не задохнулась.

— Вы хотите, чтобы я забрала чек лично? — она знала, что ее голос прозвучал на несколько октав выше нормального, но черт подери, она не могла этого сделать. Она запаниковала, не зная, как реагировать на его необычную просьбу. С одной стороны, ее обязанность перед работодателем заключается в сборе пожертвований. С другой стороны, она меньше всего хотела снова встречаться с Хадсоном. Ее глаза опустились на фото в газете. Ну, может быть, и *не меньше* всего.

Его низкий голос прервал ее внутренние дебаты.

— Да или нет, мисс Синклер?

Харпер изумленно таращилась на Алли, раскрыв рот.

— Если ты не пойдешь, пойду я, — предложила она. Как щедро.

— Ладно, — она потянулась за бумагой и ручкой. — Где?

— Мой офис. Сегодня вечером.

Алли быстро нацарапала адрес, пытаясь уложить в голове тот факт, что через несколько часов ей опять придется очутиться в одной комнате с Хадсоном Чейзом.

На южном берегу реки Чикаго, возвышавшемся над остальной частью города, Хадсон, склонившись над столом, вывел подпись на чеке на миллион долларов.

Офисы "Чейз Индастриз" занимали шесть верхних этажей того, что раньше было известно как здание "Лео Бёрнетт". Выполненное из гранита, стекла и стали, постмодернистское сооружение источало власть, силу и было столь же мужественным, как и мужчина, возглавлявший его командный центр.

Хадсон поставил ручку Montblanc на подставку из красного дерева и нажал на кнопку прямой связи с личным ассистентом.

— Я ожидаю визита мисс Алессандры Синклер. Как только она подойдет, проводите ко мне.

Выпрямившись, он повернулся к окнам во всю стену от пола до потолка, демонстрировавшим потрясающий вид. Солнце опускалось за горизонт, превращая урбанистический пейзаж в вереницы мерцающих огней. Хадсон думал о том, как еще десять лет назад он был не в состоянии выписать чек и на десять долларов, дерьмовые апартаменты обеспечивали вид с первого этажа, а будущее, к которому он был приговорен, было жалким.

Теперь же он являлся владельцем черной карты Американ Экспресс, водил роскошные спортивные машины с кучей лошадиных сил под капотом и жил в трехэтажном пентхаусе, который раньше был штаб-квартирой одного журнала, с которым большинство подростков проводило часы, запершись в ванной.

Он определенно предпочитал такую жизнь и контроль, который она принесла с собой. Кровью и потом он пробился в этот мир, и тяжелая работа окупилась. Он имел все, что желал, за исключением женщины, которая пинком отшвырнула его сердце и ушла, толком не попрощавшись.

Хадсон глянул на LeCoultre на своем запястье — прошло десять минут. Он оставил эту хрень в прошлом.

Но некоторые вещи стоили ожидания.

И как раз, когда он хотел опять бросить нетерпеливый взгляд на часы, в дверь постучали, затем раздался мужской голос:

— Мистер Чейз, пришла Алессандра Синклер.

Хадсон посмотрел через безупречно опрятный офис на своего ассистента. Внешний вид его олицетворял вечную борьбу между хипстерско-фриковым стилем и одеждой в духе гребаного JCrew. Очки в роговой оправе, на которые у него даже не было рецепта от окулиста, и галстук-бабочка. Этот чертов галстук-бабочка. Но парень был хороший ассистентом и не лажал со своими обязанностями.

— Спасибо, Даррен. На сегодня это все.

Брови ассистента взлетели вверх.

— О, благодарю вас, мистер Чейз. Хорошего вечера.

Удивление на лице Даррена было очевидным, по опыту многочисленных часов, что он проработал под началом Хадсона. И за которые неплохо получал, к тому же.

Всякий, кто говорит, будто быть генеральным директором — это сказка, очевидно, засунули голову себе в задницу. Да, конечно, ты можешь владеть замком в облаках и забраться туда по гребаному бобовому ростку, но к полуночи ты, скорее всего, захочешь забыться непробудным сном, нежели развлекаться с проснувшейся Спящей Красавицей, готовой вонзить шпильки тебе в задницу.

Даррен вышел из офиса, сияя, будто выиграл в лотерею. Секунду спустя сквозь арочный проем вошла Алессандра.

Проклятье. Она была еще прекраснее, чем ему помнилось.

— Добрый вечер, Алессандра, — он вышел из-за стола. — Пальто?

— Нет, спасибо, — по ее тону он понял, что это не было визитом ради удовольствия. Она делала свою работу, ничего более.

— Хороший офис, — сказала она. — Внизу я видела рабочих, вешающих новую вывеску. Вы приобрели все здание?

— Не все здание, нет, — самодовольная улыбка появилась на его лице. — Но достаточно, чтобы они позволили мне повесить на нем свое имя.

Хадсон лениво скрестил руки на груди, наблюдая за ней горящими глазами. Ее взгляд скользнул по черному кожаному дивану, затем перескочил на многочисленные плоские экраны, установленные на стенах. И пока Алессандра осматривала интерьер, в офисе воцарилась тишина. Когда ее взгляд остановился на баре с коллекцией хрустальных графинов, он опустил руки и изменил позу.

— Может, выпивки?

Золотистые искорки в ее глазах блеснули вызовом.

— Нет, благодарю.

Хадсон издал короткий смешок.

— Алессандра, ты убиваешь все мои попытки быть джентльменом.

Она убрала прядку волос за ухо. Ее светлые локоны в этот раз были распущены, спадая мягкими волнами на плечи. Наблюдая за ней, Хадсон поймал себя на желании запустить пальцы в ее волосы.

— Надеюсь, вы подготовили чек, мистер Чейз?

— Ах, да. Моя щедрость, — он повернулся и взял все эти нули со стола.

— Благодарю вас. Пришлось пройти долгий путь, чтобы сделать новую школу реальностью, — она взяла чек и убрала в сумочку, затем помедлила и посмотрела на него: — Зачем вы настояли, чтобы я пришла сюда? Вы с легкостью могли отправить почтой.

— Как я уже сказал по телефону, я не очень-то доверяю Почтовой службе США.

Лжец. Гребаный лжец.

— Я предложила прислать курьера, — парировала она.

— Я хотел увидеть твоё лицо, когда ты получишь деньги, Алессандра, — Хадсон смотрел в ее изумительные глаза. — Я знаю, как это для тебя важно.

Небольшая морщинка собралась меж ее бровей.

— О чем вы говорите?

— Ты отдаешь предпочтение мужчинам, которые становятся выше, встав на свой бумажник.

К черту это хождение на цыпочках по минному полю. Он ринулся в спринт на полной

скорости.

— Вы ничего не знаете о моих предпочтениях.

— Я знаю, что десять лет назад ты хорошо, основательно присматривалась, но удрала, как только тот пидор из Лиги Плюща помахал перед тобой своим трастовым фондом, — его слова были резкими и обрывистыми.

— Все было не так, — ее голос подскочил на пару октав.

— А как тогда? — Хадсон наблюдал за ней жестким взглядом, за ее покрасневшим лицом, раскрывшимся ртом. — Ты определенно не испытывала никаких проблем с тем, чтобы отказать мне. Что наводит меня на мысль, что ты склонна раздвигать ноги, если цена того стоит.

Зрачки Алесандры расширились. На целую секунду она застыла молча.

Тогда он это уже предвидел.

Ее ладонь раскрылась, рука взметнулась в воздух. Хадсон задействовал все тело — перенес вес с одной ноги на другую, в то же мгновение он поймал ее за запястье и резко привлек к себе.

Она уставилась на него, грудь вздымалась и опускалась. Он знал, что должен ее оттолкнуть, отправить за дверь и больше никогда не беспокоиться о ней. Но она оставалась в его руках, яростным взглядом почти подталкивая его сделать следующий шаг.

Хадсон накрыл ее губы своими, врываясь языком в ее рот, и низкий, примитивный звук зародился в глубине его горла. Поступая с ней так, он вел себя как эгоистичный ублюдок, но он не мог отпустить ее, не ощутив ее вкуса. Ее дыхание было сладким, а ее запах отразился прямо на его затвердевавшем члене.

Алессандра уперлась руками в его плечи, но Хадсон удержал ее на месте, крепче стискивая объятия, удерживая за талию, а другой рукой зарывшись в ее волосы. И со вздохом облегчения ее сопротивление исчезло. Сумочка упала на пол с глухим стуком, руки сами нашли дорогу к его шее, в его волосы, дернув темные кудри.

Он застонал ей в рот. Проклятье, он хотел прижать ее еще ближе.

Хадсон углубил поцелуй, исследуя ее рот мощными плавными ударами. Сердце колотилось, каждый мускул напрягся, удерживая контроль. Она была столь изящной и хрупкой по сравнению с его крепким телосложением, он всем телом ощущал каждый ее мягкий изгиб. Контрасты между ними не ограничивались физической разницей. Если она была жарким летом, то он был скорее пятибалльным ураганом, сносящим все на своем пути.

Его рука сдвинулась, пальцы обхватили ее ягодицы, прижимая ее еще ближе. Боже, он желал ее так, как не хотел ни одну женщину, его член пульсировал, готовый взять ее.

Завладеть ею.

После стольких лет неизвестности и желания, он собирался обладать ею, и это не будет нежно или медленно.

Со всей мощью, ревевшей в его теле, Хадсон поднял ее и, не прерывая поцелуя, опустил на диван. Упершись коленом в дорогую кожу дивана, локтем сбросив диванные подушки на пол, он опустился, нависая над ней. Одной рукой подхватив ее под колено, он забросил ее ногу себе на пояс. Разрез ее бордового платья распахнулся, и Хадсон вжался меж ее бедер, зашипев от контакта с тем, чего так жаждал. Чувствовать ее под собой было так же, как и десять лет назад — горячо, чувственно, и охрененно хорошо.

Он вновь набросился на ее рот долгими и глубокими поцелуями. Когда ее язык встретился с его, бедра Хадсона плавно задвигались, массируя ее плоть бугром

внушительной эрекции в неумолимом, неторопливом ритме.

Алли застонала, приподнимая бедра ему навстречу, отзываясь на каждое движение.

— Господи... ты меня убиваешь, — он скользнул открытым ртом по горлу Алессандры к глубокому треугольному вырезу, губы неустанно ласкали ее кожу. Одежда внезапно начала раздражать. И не желая тратить время на раздевание, он рванул ткань, обнажая идеальные груди, прикрытые черным кружевом.

У него перехватило дыхание.

— Гребаный ад. Ты прекрасна, — он провел кончиками пальцев по краю кружева бюстгальтера, затем накрыл грудь ладонями. Их тяжесть идеально заполняла его руки. Опустив голову, он накрыл губами шершавое кружево и прикусил напрягшийся сосок. С ее губ сорвался мягкий вздох.

Руки ее вцепились в его спину, притягивая его ближе, пока он продолжал атаковать ее пронзительными ощущениями.

Он оттянул в сторону кружевную чашечку и пососал напряженную вершинку груди. Дерьмо, на вкус она была просто фантастической. И он готов был поспорить, что будет еще лучше, когда однажды его язык будет проникать в нее, пока она не разлетится на кусочки от прикосновений его губ и языка.

Раздавшийся звонок телефона был подобен удару грома.

Алессандра напряглась.

— Не обращай внимания, — он вновь захватил ее рот медленными, дразнящими, лижущими движениями, и она раскрыла губы, приглашая его проникнуть глубже. Она была здесь, с ним. Она принадлежала ему.

Второй звонок.

О, ради гребаного Бога.

— Прекрати, — Алессандра выгнулась, отворачиваясь. Она запыхалась, губы опухли от его безжалостных поцелуев.

— Собираешься заставить меня умолять, как тогда? Ибо я буду умолять.

К черту гордость. Он должен выбросить эту женщину из головы раз и навсегда. Он переключился на другую грудь, резко втягивая сосок между зубами.

— Я не могу, — она сильно толкнула его в грудь и выбралась из-под его тела.

Хадсон встал и, выругавшись, оправил одежду.

— Мне надо идти, — Алессандра запахнула платье, обошла диван и схватила сумочку, в которой все еще надрылся телефон.

Он запустил обе руки в волосы, в ожидании, пока его эрекция немного спадет.

— Скажи мне, что это не тот высокомерный болван с хреновым титулом?

Ее ореховые глаза встретились с ним взглядом, когда она уже открыла дверь.

— Этот высокомерный болван — мой жених.

Весь воздух вылетел из комнаты, как будто он оказался в вакууме.

Хадсон смотрел, как она спешит убраться отсюда восвояси. Еще долго он тупо таранился на дверь, все еще осмысливая перенесенный шок.

Ему лучше отпустить ее.

Он должен отпустить ее.

Но он уже знал, что не собирался этого делать.

Алли задавалась вопросом, почему вдруг ее отец предложил встретиться за ужином в его загородном клубе Норд Шор вечером в среду. Ричард едва обмолвился с ней парой слов... и с ее матерью тоже, если уже на то пошло. Вместо этого он весь вечер обсуждал с Джулианом бизнес.

Виктория, кажется, не возражала. Она была слишком занята, посвящая Алли в свежие сплетни, чтобы уделять внимание своему мужу или будущему зятю. Алли надеялась обсудить распределение прибыли, но ее мать была в клубном настроении, не говоря уж о том, что выпила три бокала вина, а это означало, что любой разговор, касающийся мира благотворительности, придется отложить до утра.

Алли смотрела, как мать осматривает столовую, зеленые глаза скользят от одного столика с льняной скатертью к другому. Она знала, что очередной скандал или сплетня, которыми захочет поделиться ее мать, не заставят себя ждать, хоть и не представляла, что еще осталось необсужденным. Она уже выслушала про каждую пластическую операцию на носу и подтяжку лица. Она знала, чьи дети собирались отправиться в Лигу Плюща, и чьи были бы в тюрьме, если бы не команда дорогущих адвокатов. Ее ввели в курс каждого назревающего развода и сообщили, кто собирается ложиться в клинику на реабилитацию, хоть они и называли это "восстановление".

Когда официант убирал со стола тарелки, Виктория наклонилась к Алли.

— Позор какой.

— Какой позор, мама? — Алли презирала сплетни, но знала, что игнорирование комментария не остановит ее мать. Только рассердит. Иногда было проще подыгрывать.

— То, что случилось с Дженнифер.

Алли мысленно пробежалась по списку так называемых друзей матери и выбросила белый флаг.

— Дженнифер?

— Дженнифер Ларсон, — Виктория выгнула идеально очерченную бровь. — Наша официантка.

— Дженни Ларсон? — Алли повернулась, чтобы глянуть через спинку своего удобного кожаного кресла и заметила молодую блондинку, несущую стопку грязной посуды по направлению к клубной кухне. — Дженни здесь работает? — спросила она, повернувшись обратно к столику.

— Ты, наверно, думаешь, что ее мать могла бы проявить гордость, — Виктория цокнула языком. — Но их активы заморожены...

— Что? — спросила Алли чуть громче, чем намеревалась. Джулиан и отец оторвались от своего разговора. Отец нахмурился, прежде чем вернуться к тому, что они так увлеченно обсуждали.

— Алессандра, в самом деле, ты вообще слушаешь, о чем я говорю?

— Конечно. — Ну, иногда. — Я просто не помню, чтобы ты говорила о том, что активы Ларсонов заморожены.

— Этим они обязаны Берни Мэддофу, — усмехнулась ее мать. — Теперь сначала замораживают, а потом уже проводят расследование.

Алли откинулась в огромном кресле. Дженни Ларсон, ее партнер по лабораторным работам на химии в старших классах, теперь обслуживала столики в клубе. Ее столик. И она даже не заметила.

Виктория потянула за бокалом мерло и кивнула сногсшибательной блондинке, проходившей через столовую.

— Спорю на свой Мерседес, что это ожерелье — подделка, — пробормотала она, делая глоток вина.

Алли слышала достаточно. Она мысленно приглушила мать, обращая свое внимание на другой конец стола.

Ее отец все ближе склонялся к Джулиану.

— Мы передвинем расписание, — сказал он.

— Мы знаем, кто это? — Джулиан не отводил взгляда от ножки бокала для вина, которую крутил между пальцев.

— Нет, очевидно, оффшорные компании, — отец допил джин с тоником. Обычно он выпивал одну порцию и затем переключался на вино, подаваемое с ужином. Впрочем, не сегодня. Сегодня это был уже третий его коктейль. — Нам придется закрыть сделку раньше, чем ожидалось.

— Это потребует ликвидации дополнительных активов. Я могу обсудить это со своими адвокатами, когда буду в Нью-Йорке на восьмое.

Восьмое? Они строили планы на восьмое. По крайней мере, Алли так показалось. Она собиралась спросить, когда заметила глубокую складку между бровей отца.

— Я не уверен, что этот трюк сейчас будет мудрым решением, Джулиан, — Ричард ослабил узел галстука. — Времена критичные.

— Неизбежно, — ответил Джулиан, слегка покачав головой. — Лорен — это семейный бизнес, — он поднял бокал, поиграв вином, прежде чем сделать глоток. — Все в норме, Ричард, нет причин паниковать.

В разговоре возникла пауза, и Алли воспользовалась ей, чтобы задать жениху вопрос.

— Ты собираешься в Нью-Йорк?

— Всего на одну ночь, *ma chérie*, — Джулиан накрыл руку Алли своей ладонью.

— Я думала, девятого мы идем слушать симфонию. Четвертая симфония Чайковского, помнишь?

— Вылетело из головы. Простишь меня? — он поднес ее руку к губам, целуя костяшки.

Виктория коснулась предплечья Джулиана.

— Ну конечно же она тебя простит, Джулиан, — она одарила его сияющей улыбкой и снова переключилась на Алли. — Лучше привыкай к этому, Алессандра. Как только Джулиан возглавит бизнес, он вечно будет в разъездах и работать допоздна. Разве не помнишь, как было, когда ты была маленькой? Думаю, твой отец провел больше ночей в офисе, чем в собственной постели.

— Не то чтобы твой отец давал мне выбор, Виктория. Этот мужчина был столь же непреклонен, сколь безжалостен, когда дело казалось его компании.

— И посмотри, куда это его привело, Ричард. Куда это привело тебя, если уж на то

пошло, — Алли уловила в голосе матери резкость, которая тут же смягчилась, когда она повернулась к Джулиану. — Как бы мне хотелось, чтобы дедушка Алессандры был жив и мог присутствовать на вашей свадьбе. Он бы так гордился, зная, что его компания перейдет в руки королевской семьи.

Алли поправила ее, хоть и знала, что это пролетит мимо ее ушей.

— Он не принадлежит к королевской семье, мама.

Далек от нее, на самом деле. Хотя титул Джулиана все еще передавался в его семье, это была честь лишь на словах. Французы больше не признавали классов дворянства.

— Достаточно близок. Он практически принц, — рассмеялась Виктория. — Хотя, осмелюсь сказать, твое кольцо затмит безделушку Кейт Миддлтон. Дай еще раз на него взглянуть.

Алли протянула левую руку, давая матери возможность восхититься ее помолвочным кольцом.

Обычно она бы с радостью продемонстрировала фамильную драгоценность Джулиана, но когда Дженни вернулась, чтобы подать десерт, Алли вдруг стало совестно. Она попыталась убрать руку, но мать усилила хватку.

— Это кольцо принадлежало твоей матери, Джулиан? — спросила Виктория, когда Дженни поставила перед ней блюдо с охлажденным лимонным сорбетом.

— Оуи, — улыбнулся Джулиан, очевидно, наслаждаясь вниманием. — Бриллиант передавался из поколения в поколение с тех пор, как им завладел первый маркиз Лорен при Луи XIV.

Глаза Виктории расширились.

— Луи XIV? Люди тех времен знали, как надо жить.

Алли с изумлением уставилась на мать. Очевидно, она позабыла судьбу французских монархов.

— Я ходила на экскурсию в Версаль, когда в прошлый раз была во Франции, — Виктория вздохнула и прижала руку к груди. — О, его совершеннейшая роскошь! Ты знал, что я вдохновлялась Зеркальной галереей при декорировании нашей гостиной?

— О да, — промурлыкал Джулиан. — Но все в особняке Мэйфлауэр по-своему изысканно. Как и женщины этого дома.

Если что-то ее мать любила обсуждать больше, чем родословную Джулиана, так это грядущие изменения в их доме в Лейк Форест. Учитывая, что там было более тридцати комнат, Виктория никогда не испытывала недостатка в проектах. И она всегда была рада обсудить их. В подробностях.

Алли воспользовалась временным отвлечением матери, убрала руку и скромно положила на колени. Она улыбнулась Дженни, когда ее бывшая одноклассница поставила перед ней порцию шоколадного торта "Захер".

— Спасибо.

Дженни улыбнулась и быстро обошла стол, поставив тарелки перед Ричардом и Джулианом, и удалилась на кухню.

— Когда Швепсы владели недвижимостью, они открывали двери для Уоллиса Симпсона и герцога Виндзорского, — похвасталась Виктория. — А у Лоренов они гостили когда-нибудь?

Алли знала, к чему она ведет. Всякий раз, когда речь заходила о родине Джулиана, Виктория в итоге сводила все к упоминанию своего желания вернуться во Францию. Она

столько раз напрашивалась на приглашение в фамильный особняк Джулиана, что Алли сбилась со счета, и ей совсем не хотелось выслушивать это еще раз.

— У меня есть кое-какие новости, — сказал Алли. Ее заявление казалось идеальным отвлечением внимания, но заметив уставившиеся на нее три пары пытливых глаз, она уже не была так уверена. Она глубоко вдохнула.

— В понедельник мне звонили из "Харрис Групп".

— Вот как? — спросила Виктория. Голос ее не выдавал никакой реакции.

— Похоже, кто-то из их партнеров был на субботнем мероприятии, — Алли выпрямилась. — Он был так впечатлен, что предложил мне работу по надзору над их благотворительными мероприятиями.

Отец застыл, не донеся до рта вилку с изрядным куском яблочного пирога.

— У тебя есть работа, Алессандра, в "Лучшем начале".

— Конечно. И я сказала мистеру Харрису, что я ни за что...

— И как только ты выйдешь замуж, ты присоединишься к своей матери и другим леди в его составе, нет нужды наниматься в другую благотворительную организацию.

Присоединиться к другим леди в его составе? Это еще откуда взялось? Отец всегда поддерживал ее интерес к деловой стороне работы "Ингрэм медиа", даже поощрял. Это была его идея, чтобы она провела два года, знакомясь изнутри с работой филиалов.

Она не собиралась присоединиться к нему в совете директоров, но после свадьбы планировала заняться благотворительностью в более крупном масштабе, а не становиться лишь номинальным лицом.

— И кстати о свадьбе, — начала Виктория. Алли почувствовала себя спущенным колесом, когда ее мать взялась за свою коронную тему. — У нас есть прекрасные новости. — Она помедлила, одарив сияющей улыбкой мужа. — Ричард, ты хочешь сам им сказать?

Отец положил столовые приборы на тарелку, протер рот салфеткой и откинулся в кресле.

— Я подергал за кое-какие ниточки...

Виктория подпрыгнула, не в состоянии сдержать возбуждение.

— Ему удалось арендовать Дрейк!

— Отель Дрейк? — Алли не могла поверить. — Когда я звонила, они сказали, что все занято на ближайшие восемнадцать месяцев. Они даже не добавляли в лист ожидания.

Ричард косо глянул на жену.

— Была отмена. Почти в последнюю минуту, — его тон заставил Алли напрячься.

— Насколько в последнюю? — спросила она.

— Свадьба будет шестого декабря, — объявил он.

— *Что?* — Алли не могла скрыть шок. Ее взгляд метался между отцом и Джулианом. Где-то на закоулках разума она отметила, что ее жених вовсе не удивился новой дате свадьбы. — Это всего через два месяца, — бессвязно пролепетала она, прежде чем выпалить первое, что пришло на ум: — Люди подумают, что я беременна.

Взгляд Виктории опустился на шоколадный торт на тарелке Алли.

— Вот тебе еще одна причина пропустить десерт, я бы сказала.

Алли побледнела, но изо всех сил постаралась проигнорировать комментарий матери. У нее были проблемы поважнее. Все еще ошарашенная новой датой свадьбы, она повернулась к Джулиану.

— Ты не возражаешь против такого расклада?

Он вновь дотянулся до ее руки, в этот раз пальцами поглаживая запястье.

— Я бы женился на тебе хоть сегодня, Алессандра.

Она даже не осознавала, что смертельной хваткой вцепилась в вилку, пока не посмотрела на пальцы Джулиана, поглаживавшие ее ладонь. Когда их взгляды встретились, он успокаивающе улыбнулся, но она могла поклясться, что один его палец оттолкнул вилку подальше.

Комната начала кружиться, а может, это лишь голова Алли пошла кругом. Она едва смирилась с мыслью, что помолвлена. Черт, да они даже еще не запланировали вечеринку в честь помолвки, а до свадьбы всего десять недель? Столько деталей нужно решить. Меню, платье, цветы.

— Как мы все успеем вовремя?

— Не беспокойся, Алессандра, оставь планирование мне, — мать заверила ее, поглаживая свободную руку. — Зал Голд-Кост в Дрейке, — зеленые глаза Виктории сверкнули восхищением.

— Мы представляли твою свадьбу, еще когда ты была маленькой девочкой. Я брала тебя в "Принцессу Чая" по выходным.

Мать продолжала болтать, но Алли ее не слушала. Их реакция на предложение работы, неслабый тычок по поводу ее веса, и теперь новая дата свадьбы. Все это слишком. Но даже будучи столь ошеломленной, Алли знала, что это лишь верхушка айсберга.

Последние сорок восемь часов она пыталась заблокировать то, что произошло в офисе Хадсона.

Но теперь одна лишь мысль об его имени заставила ее пульс участиться. Она знала, что влипнет по уши, если позволит мыслям унести ее дальше по этой дорожке. Она не позволяла себе представлять потемневший взгляд его глаз за секунду до поцелуя. Она не могла закрыть глаза и представить его руки, его губы, его зубы. Она не могла позволить себе фантазировать о том, как его тело будет двигаться поверх ее...

Прекрати.

Она покачала головой. Это была ошибка. Кратковременное отклонение от курса. Ничего более.

Алли посмотрела на нетронутый десерт и отодвинула тарелку. Мама будет довольна. Благодаря узлу, свернувшемуся в животе, Алли не смогла бы съесть ни кусочка своего любимого торта, даже если от этого зависела бы ее жизнь.

Хадсон прислонился к барной стойке из красного дерева, тянувшейся во всю длину комнаты, которая выглядела так, будто застыла в 1920-х. Частный клуб, несмотря на свои размеры, обладал удушающей атмосферой с темными панелями и деревянными полами, отполированными до идеального блеска. Роскошные индивидуальные кабинки располагались по углам помещения, удобные кожаные кресла вокруг столиков обозначали его центр, а свет ламп Тиффани задавал настроение всему интерьеру.

Это было одно из тех мест, где мужчины пьют чистый солодовый скотч, курят сигары и обсуждают современное состояние рынка.

Что касается клубной культуры, здесь мало что поменялось, хотя женщины теперь допускались. И из-за законов против курения больше не приходилось пробираться сквозь густую дымку сигаретного дыма. Хотя Хадсон был уверен, что встретит одного-двух старомодных ворчунов, сетующих о былых днях.

Его пригласили присоединиться к каждому частному клубу Чикаго, включая и этот. Все они хотели похвастаться очередным миллиардером, примкнувшим к их учреждению. Вот только Хадсон не горел желанием вступать ни в какую организацию или участвовать в раздражающем соревновании типа "моя яхта больше твоей". Нет, единственное, что его интересовало — это женщина, сидевшая в одном из кожаных кресел.

Хадсон немного сдвинулся влево, чтобы лучше видеть Алессандру Синклер. Он смотрел, как она скрестила ноги, и думал, как прекрасно было бы ощущать их вокруг своей талии. Однако эти мысли вскоре были прерваны — на идеальной картинке откуда ни возьмись появилась рука.

Он перевел взгляд на придурка в Прада, чьи пальцы ласкали ее запястье. Хадсон уже пребывал в отвратном настроении, и чем манернее становился мистер Манерность, тем сильнее ему хотелось отрезать ему голову ножом для масла.

Медленно. И болезненно.

Тело Хадсона разгорячилось, и он едва удерживался, чтобы не устроить забег с препятствиями через столики и наконец сделать это. Господи, он ведет себя как ревнивый бойфренд.

Крутя бокал в руках, он наблюдал, как перед ним разворачивается знакомая сцена. Кубики льда бились о края стакана и болтались в янтарной жидкости, которая только и делала, что выжигала ее вкус из его рта. Он сделал еще один глоток, подтверждая свою невменяемость. Какого черта, в результате его язык онемевает, но ничто не могло приглушить воспоминаний, вцепившихся в него безжалостной хваткой. И они всегда находили путь на поверхность. Особенно сейчас.

Часы тянулись медленно, и водное такси, которое он водил, не могло развивать достаточную скорость.

С каждой переправой его волнение росло. Смена скоро заканчивалась, а она всегда

ждала его с таким выражением лица, будто видит его впервые. Одна ее улыбка, и он пропал.

Он "позаимствовал" эту самую лодку прошлой ночью, чтобы устроить Алли небольшую экскурсию по острову. Но они сумели увидеть лишь друг друга. Его тело было тверже камня по сравнению с ее мягкими изгибами, и весь мир свелся к касанию языков, рук и желанию, от которого перехватывает дыхание. Она обвила его шею, жадно, с силой зарываясь пальцами в его волосы. И когда он скользнул руками под ее рубашку, расстегнул лифчик и накрыл ладонями груди, она мягко застонала ему в губы. Он доводил ее до предела, умоляя впустить его внутрь, но ответ всегда был "нет".

Хадсон направил лодку к доку. Он засунул руку в карман и сомкнул пальцы на браслете из ракушек, другой рукой показывая средний палец коллеге, который решил, будто Хадсон играет со своим дружком через карман. В какой-то момент их свидания браслет потерялся, и после долгих поисков они решили, что уж больше не найдут его. Он губами собирал ее слезы и обещал купить новый. Однако сегодня, когда он запрыгнул в лодку, готовый к новому рабочему дню, металлическая застежка блеснула на солнце.

Он не мог дожидаться момента, когда вновь застегнет браслет на ее лодыжке. Когда люди выходили и садились на последний рейс на сегодня, он был уверен, что на лице его расплывалась широкая идиотская улыбка.

Но когда сели последние пассажиры, его лицо скисло. Это была она. Она шагнула в лодку вместе с родителями и каким-то парнем, одетым будто для игры в крокет. Она прошла прямо мимо него, не выказав ни проблеска узнавания. Ни улыбки, ни маленького кивка. Ничего. Ноль. Вообще. Абсолютно. Он ясно понял намек. Он был обслугой, а она принадлежала к тому самому одному проценту. Хадсон отпустил браслет и направил лодку через озеро.

Он закрыл глаза, погрузившись в воспоминания, но открыв их, в реальности увидел все то же самое, только в большем объеме: Алессандра сидит со своими корыстными родителями, бросая горделивые улыбки прямо на этого первоклассного недоумка. И Хадсон был там же, где был всегда. Ничего не изменилось. Он все еще был парнем, который смотрит со стороны.

Но будь оно все проклято, он изменился, а с ним изменились и правила игры.

Хадсон увидел, как она извинилась и встала из-за столика, поджав губы. Он нахмурился, гадая, не эти ли трое были причиной ее недовольства.

Он допил остаток скотча и бросил пару купюр, которые покроют и двухсотпроцентную наценку на выпивку, и солидные чаевые. Хадсон дал ей фору, затем быстро прошел через весь бар, отслеживая ее петляющие перемещения между столиками. Добравшись до лобби, он заметил, как каблук ее туфли скрылся за углом, и поспешил догнать.

Она остановилась на мгновение. Он замер на полушаге.

Две старые перечницы, одетые в униформу всех светских львиц — Шанель, направлялись к двери с надписью "Дамы", каблочки их звонко стучали по мраморному полу. Алессандра опустила голову, точно не желала быть узнаваемой, и продолжила идти вниз по коридору.

Хадсон бесшумно следовал за ней, не обращая внимания на черно-белые фотографии, развешанные на стенах. Его взгляд был прикован к Алессандре, тогда как глаза бесцеремонно задерживались на изгибе ее бедер. И наблюдая за ней, он чувствовал, как его достоинство твердеет.

Когда он еще раз свернул куда-то в глубину клуба, Алессандра исчезла. Это место было чертовым лабиринтом с акулами в центре. Захлопнулась дверь. Он толкнул ее ладонью и вошел в раздевалку, наплевав, что та предназначалась для женщин. Он закрыл за собой дверь и повернул защелку замка.

Алессандра резко развернулась, изумленная.

— Что ты здесь делаешь?

— Мне надо с тобой поговорить, — он пересек комнату нарочито широкими шагами. — И не думаю, что тебе понравилось бы, подойди я к столику твоих родителей.

— И поэтому ты решил пойти за мной в раздевалку?

Хадсон остановился прямо перед ней.

— Все, что угодно, Алессандра. — Он глубоко вдохнул. Боже, он обожал ее запах. Свежий, чистый, с легкой цветочной ноткой.

Она изумленно моргнула.

— Ради чего?

— Ради того, чтобы ты признала, что между нами что-то есть.

Он не мог выбросить их поцелуй из головы. Ее губы оказались невероятно сладкими и такими мягкими. Мягче, чем он помнил.

Алессандра открыла рот, чтобы ответить, и тут же закрыла обратно. Глаза ее прищурились.

— Как ты вообще попал в здание? Это частный клуб.

— Я подумываю о членстве.

— Серьезно? В клубе Норд Шор?

Он усмехнулся.

— Я слышал, у них первоклассное поле для гольфа.

— Ты играешь в гольф? — спросила она с нервным смешком.

— Вполне недурно. Мягкий захват на клюшке, осторожный удар, — произнес он низким звучным голосом. — Возможно, я смогу продемонстрировать тебе, Алессандра, как я хорош.

Она глянула поверх его плеча на дверь, затем снова на него.

— Тебе нужно уйти, Хадсон.

— Ты не можешь игнорировать случившееся. Не в этот раз, — он коснулся пальцами ее щеки.

— Это была всего лишь ошибка, ничего больше.

— Твое тело говорит обратное, — он подошел ближе, заметив, как прервалось ее дыхание.

— Едва ли сейчас подходящее время и место, чтобы обсуждать это, — голос Алессандры дрогнул.

— Тогда когда?

— Не знаю.

Ни за что на этом гребаном свете он не позволит ей отшить себя.

— Если хочешь, чтобы я ушел, придумай ответ получше, — его губы изогнулись в чувственной улыбке. — Ну, разве что ты хочешь, чтобы я остался...

— На следующей неделе, — выпалила она.

— Нет. Попробуй еще раз.

— Ладно, завтра. Просто уйди.

— Где?

— Зоопарк "Линкольн парк", — сердито ответила Алессандра.

Хадсон сделал небольшой шаг назад и посмотрел на Алли с выражением "какого хрена".

— Зоопарк?

— Да, я буду ждать тебя в полдень, сразу за главными воротами.

— Ты боишься оставаться со мной наедине, не так ли? — его указательный палец проследил венку, бешено пульсирующую на ее шее.

— Не глупи, — она снова глянула через его плечо. — А теперь, пожалуйста, уйди, пока никто не зашел? — Алли снова посмотрела на него, но взгляд ее не соответствовал ледяному тону голоса.

Губы Хадсона остановились в дюйме от ее рта. Алли облизала губы, и он подумал, может, она права и им не стоит оставаться наедине. Он чувствовал себя так, будто просто обязан воспользоваться тем, что ее губы приоткрылись. И он знал, что она не прервет поцелуй, если он все же состоится.

И он хотел этого поцелуя сильнее, чем дышать.

Он должен остановиться.

Да разве он когда-то останавливался...

— До завтра, — он погладил ее нижнюю губу большим пальцем, а затем неспешно вышел, не оглянувшись.

Хадсон прошел до половины коридора и остановился. Он провел рукой по непокорным волосам и застегнул пиджак, чтобы скрыть эрекцию, угрожающую целостности его брюк от Тома Форда.

О да, ему надо было убираться отсюда.

Вновь быстро зашагав, он направился к выходу. Дверь дамской комнаты распахнулась, как раз когда он проходил мимо, и оттуда вышли те две старушки, с головы до ног одетые в Шанель. Хадсон одарил их широкой улыбкой.

— Леди, — сказал он с легким кивком головы.

Протянув служащему клуба билет, Хадсон почувствовал, как завибрировал его телефон. Достав его из нагрудного кармана, он сразу узнал номер дерьмового местечка на другом конце города. Его хозяин, должно быть, вбил его номер на быстрый набор.

— Чейз, — рыкнул Хадсон в трубку.

— Тебе лучше заглянуть сюда, — прохрипел мужчина голосом, прокуренным насквозь за тридцать или сорок лет вредной привычки.

Хадсон покорно выдохнул.

— Уже еду, — он сбросил звонок резким нажатием кнопки и убрал телефон обратно в карман.

Служащий подогнал его машину, темно-серый Aston Martin DB9. На самой высокой скорости этот автомобиль выглядел точно пуля, выпущенная из пистолета. Хадсон протянул парню чаевые, расстегнул пиджак и сел за руль.

Вливаясь в насыщенный трафик Чикаго, он гадал, что ждет его на этот раз.

Через тридцать минут DB9 припарковался перед "Якорями". Бар был еще дерьмовее, чем помнилось Хадсону.

Он знал, кто ждал его внутри, в каком состоянии находится этот "кто", и какое дерьмо сейчас состоится. Единственное, что менялось — это "где".

Кондиционер DV9 тикал и шипел, нарушая тишину в автомобиле.

Дерьмо.

Меньше всего он хотел быть здесь.

Хадсон взялся за ручку машины, дернул за рычаг и вышел из этого произведения искусства. Брелок с ключами он закинул в карман, не потрудившись активировать сигнализацию. Это займет минуту. Кроме того, любой, кто посмеет взять его машину "покататься", должен иметь стальные яйца. В машине стояла одна из самых мощных противоугонных систем и GPS. Моргающая синяя лампочка передавала сигнал "ну давай, рискни".

Хадсон подошел к двери, которая, казалось, когда-то была темно-зеленой, и взялся за ручку, после контакта с которой ему явно понадобится прививка от столбняка.

В баре владелец глянул на него, не переставая наливать какой-то крепкий напиток. Ему не было нужды смотреть на стакан — парень просто знал. Навык того, кто зарабатывает на жизнь, наливая выпивку.

Поставив бутылку на место, владелец взял сигарету, которую держал во рту, и выдохнул. Дым вырвался из обеих ноздрей и за клубился к потолку. Хадсон кивнул ему, затем бегло окинул комнату и увидел Ника, сгорбившегося над столом. В отключке.

Выругавшись себе под нос, он пересек бак, пнув пару стульев, валявшихся на дороге возле музыкального автомата, мычавшего песенку Джонни Кэша. Подойдя ближе, Хадсон различил край бумажника Ника, выглядывающий из его кармана. Того самого кожаного бумажника, который он подарил ему на Рождество. Ну, кому-то хотя бы хватило приличия запихнуть бумажник обратно и не грабить парня подчистую.

Тихий храп был ему приветствием. Дерьмо, да он вообще никакой.

— Эй, Ник, — ладонь Хадсона стиснула его плечо и осторожно потрясла. — Давай, пойдём.

Ник поднял голову, приоткрыв глаза, и улыбнулся.

— Хадсон, мой любимый братишка.

— Твой единственный брат. Твое приветствие устарело, — он подхватил Ника за подмышки и вытащил из-за стола. — Пора домой.

— В тот дом на дороге? — Ник невнятно лепетал, точно язык стал слишком большим для его рта. Он высвободил руку из хватки Хадсона.

— Мы заедем туда. — Да хрена с два.

Лицо Хадсона исказили мрачные морщины, пока он наблюдал, как его брат делает два шага и начинает шататься из стороны в сторону. Он поймал Ника за бицепс, едва ощущая его вес.

Он отвел Ника к двери, тот шагал так, будто ноги его стали резиновыми, и Хадсон чудом удержал его от падения лицом в грязь. Достав из кармана сотню долларов, Хадсон хлопнул ею по барной стойке и подтолкнул к бармену.

— Спасибо, приятель. Этого должно хватить.

Владелец вытер руки тряпкой, бросил ее под прилавок и взял сотню.

— Не вопрос.

Хадсон толкнул дверь бедром и поволок Ника к машине. Он запихнул его на пассажирское сиденье и пристегнул ремнем безопасности.

Ник открыл глаза.

— Дерьмо, ты купил крутую тачку.

Проигнорировав Ника, Хадсон, не теряя времени, уселся за руль. Тишину нарушало лишь тихое урчание двигателя, пока он вел машину. Глянув на брата, Хадсон увидел, что он то роняет голову, то снова поднимает в вертикальное положение.

— Я видел ее, Ники, — сказал он наконец. Черт, как же много времени прошло с тех пор, как он говорил о ней. Как будто и не говорил вовсе.

Голова Ника дернулась.

— Бреешь?

Он снова уронил голову. Этот парень начинал походить на китайского болванчика.

— У тебя было столько кисок, а ты все никак ту не забудешь, а?

Снова тишина.

— Она мне нравилась, — голос Ника так тихо звучал в темноте салона. — Она хорошо ко мне относилась.

Свет фар встречных машин накатывал и снова исчезал. Они миновали аллеи. Затем высотки.

— И ты... — Ник захлебнулся дразнящим хохотом. — Ты так был помешан на этой цыпочке.

Его голова перекатывалась по мягкому подголовнику. — Как там ее звали?

Хадсон бегло глянул на Ника.

— Алессандра Синклер, — он помедлил, затем перевел взгляд на дорогу. — Алли.

Ник хлопнул в ладоши, точно его озарило.

— Алли, точно. Какую только херню ты не вытворял, пытаясь ее впечатлить.

Челюсть Хадсона напряглась.

— Кископомешанный ублюдок. Скажи хоть, ты ее трахнул?

— Заткнись, Ник, — прорычал Хадсон. — И не блюй в моей машине. В прошлый раз у меня ушла целая вечность, чтобы избавиться от запаха.

Алли не помнила, когда в последний раз бывала в зоопарке "Линкольн Парк". Кажется, когда ей было восемь... или девять? И хоть убей, она не могла понять, почему выбрала его местом для встречи.

Харпер упоминала, что здесь проходил сбор средств с "Неоновыми деревьями", может, потому и вспомнилось.

В любом случае, мистер Ходячий Секс ее слишком нервировал, потому она и выпалила это, а теперь, вопреки здравому смыслу, стояла перед парадным входом в зоопарк.

Ну, хотя бы это было относительно безопасным местом встречи. Несмотря на то, что зоопарк уютненько устроился в тени небоскребов, все же вряд ли здесь часто бывали ее друзья и родственники. Алли достала из сумочки солнцезащитные очки и стянула кардиган, завязав рукава свободным углом на плечах. Сентябрь подходил к концу, но в Чикаго стояла не по сезону теплая погода.

Она глубоко вздохнула и разгладила складки на угольно-серой юбке-карандаш. Если бы со всем этим можно было так же легко покончить.

В зоопарке было больше посетителей, чем она ожидала. На какой-то момент Алли даже заволновалась, не нужно ли было оставить более конкретные инструкции, но найти Хадсона оказалось просто. Сложно не заметить миллиардера в море детских колясок и школьников. Он стоял у бассейна, спиной к ней, и всем своим видом источал власть и могущество. Одетый в темно-синий костюм в мелкую полоску, Хадсон возвышался над малышами, которым для лучшего вида приходилось вставать на цыпочки.

Взгляд ее скользнул по его мужественному силуэту. Она в точности знала, каково это, когда его мускулистое тело прижимается к ней, и уже один этот образ вызывал массу воспоминаний. Как ее пальцы блуждали в его непокорных волосах. Как ее руки скользили по его широким плечам. Как шпильки ее туфель вонзались в его упругую задницу.

Завязывай с этим, Синклер.

Когда она подошла ближе, Хадсон повернулся. Проклятье. Вид спереди был еще более опустошающим, чем сзади.

— Привет, — сказал он, проводя рукой по волосам. — Спасибо, что пришла.

Как будто у нее был выбор.

— Я не могла рисковать. Вдруг ты будешь появляться в каждой раздевалке по всему Чикаго.

— Или только в тех, что к северу от определенной улицы?

Алли застыла. Как смеет он намекать, что она посещает лишь определенные части города? Она хотела парировать его нелепое заявление, как вдруг один из серых тюленей выпрыгнул из воды. Устремив нос к облакам, он широко раскрыл рот и гавкнул в небеса. Звук получился поистине оглушающим и громким эхом отразился от камней.

Хадсон оглянулся через плечо.

— Боже, адское же ты местечко выбрала.

Решительно взяв Алли за локоть, он увел ее от бассейна, мимо прилавка торговца попкорном и чего-то, похожего на маленькую красную пожарную машину. Она заметила, что Хадсон осмотрел окрестности и затем потащил ее к раскидистому дереву неподалеку от выставки львов.

— Зачем мы здесь? — спросила она, убирая очки обратно в сумочку.

Хадсон усмехнулся, прислонившись бедрами к перилам и скрестив руки на груди.

— Потому что у тебя тяга к экзотическим животным?

Ей было не смешно. Совсем.

— Я имею в виду, почему ты с таким дьявольским упорством добивался встречи со мной?

— Потому что ты у меня в долгу. Я знаю, как ты любишь удирать, Алессандра. Но не в этот раз.

— О чем ты говоришь?

— Оставь эти гребаные увертки и не веди себя так, будто в моем офисе тем вечером ничего не произошло, — его голос сделался чувственным. — Ты была там, со мной.

Рот Алли приоткрылся от изумления. Неважно, как ее предательское тело реагировало на него тем вечером. Они на людях. Ради всего святого, кто-нибудь же мог его услышать. Она нервно оглянулась и с облегчением увидела, что в пределах слышимости были одни белки.

— Говори тише, пожалуйста.

Он нахмурился.

— Ты прям как дебютантка. Прогулка по дикой стороне представляется идеальным бунтом против мамочки с папочкой, но только до тех пор, пока никто не узнает, — он оттолкнулся от перил, нависая над ней всем своим ростом. — Темное и опасное добавляет возбуждения? Это тебя заводит?

Алли побледнела, но сдержалась. То, что она испытывала к Хадсону столько лет назад, было настоящим чувством, и подтверждение тому — шрамы, оставшиеся на ее сердце. Она не позволит ему обесценить это до бунтарской интрижки.

— Все было совсем не так, и ты это знаешь.

— Действия говорят громче слов.

Его интонации были едкими и язвительными, но она заметила на его лице какую-то незнакомую эмоцию. Была ли это боль?

Печаль? Алли не могла сказать точно, потому что эта эмоция исчезла так же быстро, как и появилась.

— И ты, черт побери, совершенно точно не хотела, чтобы твои родители знали, что ты якшаешься со мной, не так ли? Тем последним вечером ты даже не посмотрела на меня во время поездки на лодке, той самой лодке, в которой ты накануне лежала полуголая, подо мной.

Его слова были подобны холодному и безжалостному взгляду в зеркало. И пусть отражение, смотревшее на нее, было всего лишь семнадцатилетним, едва ли это оправдывало ее поступки. Хадсон был прав — она позорно проигнорировала его тем вечером. И всегда об этом сожалела.

— Вместо этого ты увлеклась каким-то женоподобным ублюдком, — Хадсон издал резкий смешок. — Тоже мне, способ высушить парню яйца.

Увлеклась? Алли понятия не имела, о чем он говорит.

Внезапно вокруг набежала толпа дошкольников на экскурсии, и их окружили взбудораженные визги. Дети толкались и отпихивали друг друга, борясь за лучший вид на львов, перегибались через перила и орали во всю глотку.

— Дерьмо, мы что тут, единственные, кто выше трех футов? — Хадсон отошел от выставки.

— О ком ты говоришь? — спросила она, пытаясь поспеть за ним на трехдюймовых шпильках.

Он не остановился, продолжая смотреть вперед.

— Тот студентик весь в белом. Ад и демоны, этот парень выглядел так, будто боится память одежду. Твои родители, должно быть, гордились.

Алли догнала его.

— Хадсон, прекрати, — его взгляд метнулся туда, где она схватила его за локоть, и она тут же отдернула руку. — Я не была с тем парнем. Он сын папиного друга, а не мой бойфренд, — она тяжело сглотнула, готовясь произнести извинение, запоздавшее на десять лет. — Но да, тем вечером я ужасно поступила по отношению к тебе. Я запаниковала, и я очень сожалею об этом.

— А в моем офисе опять запаниковала? — бросил он ей в лицо.

— Нет.

Хадсон смотрел на нее. Алли знала, что он ждет, когда она продолжит, предложит какое-то объяснение, но она понятия не имела, что произошло тогда в офисе. Как, черт побери, она должна это ему объяснить? Между ними повисла тишина. До тех пор, пока Хадсон не озвучил свою теорию.

— Понимаю. Так у тебя привычка ложиться под благотворителей? Ешь сам, поделись с ближним, и все такое. Тот еще девиз, Алессандра. Неудивительно, что проект опережает плановый график.

Слезы обиды навернулись на глаза, и Алли прикусила внутреннюю сторону щеки.

Не смей плакать перед ним.

— Ты прав. За десять лет многое изменилось. Ты превратился в циничного засранца. Прощай, Хадсон.

Она дошла до такси прежде, чем упала первая слезинка.

Алли наблюдала, как Харпер мрачно тыкает вилкой в чашку с зеленью. "Бутон Розы" подавал лучшие салаты во всем деловом районе Чикаго, но запах ньюки, равиолли и кавателли, проносимых к другим столикам, всегда повергал Харпер в паршивое настроение. Не говоря уж об аромате свежего хлеба. Когда мужчина за соседним столиком макнул кусочек булки в оливковое масло и добавил сыр, Алли почти ожидала, что Харпер вырвет еду у него из рук.

— Я не понимаю, — сказала Харпер, отворачиваясь от этого пира итальянской кухни. — Я пять дней в неделю питаюсь рационом кролика и едва сбрасываю фунт (меньше полкило, — прим. пер.). Затем одна "маргарита" и бум! Мои бедра увеличиваются на добрых три дюйма.

Алли подавила смешок.

— Возможно, дело в чипсах и сальсе.

— Ммм, я бы сейчас убила за пачку чипсов и порцию гуакамоле, — она едва не захлебывалась слюнями. — Хочешь вечером заскочить в "Синюю Агаву"?

И как бы ни хотелось Алли провести вечер в их любимом мексиканском ресторане, список первоочередных дел был длиннее ее руки. Мама с головой ушла в планирование свадьбы, а рабочие проекты накапливались быстрее, чем она успевала их разгрести. И как бы она ни старалась, ей не удавалось сосредоточиться на чем-либо. Последние несколько недель она провела в тумане, разговаривая и кивая в подходящие моменты, но постоянно присутствуя здесь точно наполовину. Харпер даже застала ее смотрящей в окно и мечтающей. Дважды!

Это все его вина. Она постоянно и безнадежно отвлекалась с той самой ночи, когда Хадсон Чейз заявился из прошлого и вновь вошел в ее жизнь, переворачивая ее мир с ног на уши. До той ночи все было просто, как черное и белое. Она четко знала, кем была — Алессандра Синклер, наследница империи "Ингрэм медиа", директор по сбору средств в "Лучшем начале", невеста Джулиана Лорена, мужчины, готового принять бразды правления ее семейной компанией.

Но возвращение Хадсона принесло с собой воспоминания столь яркие, что десять лет ощущались как десять дней. Она поймала себя на мысли, что помнит каждую деталь совместно проведенного времени, от того момента, когда он впервые коснулся ее губ своими, до той секунды, когда она поняла, что влюбляется. Но она также помнила возвращение в Чикаго тем августовским вечером, все ночи, что провела, рыдая в подушку. Неужели это действительно было лишь ужасное недопонимание?

Не то чтобы это имело значение сейчас. Хадсон был прошлым Алли. Джулиан был ее будущим. Возможно, между ними не было той обжигающей страсти, что между ней и Хадсоном, но это были безопасные отношения. Разумные. И уж точно ничего безопасного не было в Хадсоне. Или разумного. Чувства, которые он пробудил в ней десять лет назад, были

подобны безумному огню, жаркому и всепоглощающему. Но в конце концов она сгорела, и никакой полет не стоит такого падения. Спокойствие и стабильность вполне устраивали ее, и именно это она получала от Джулиана. Они подходили друг другу, они были довольны друг другом.

Все именно так, как должно быть.

Тогда почему она никак не выбросит Хадсона Чейза из головы? Она надеялась, что его отталкивающее поведение выведет его из ее организма, но вот уже две недели миновали с тех пор, как она оставила его стоять посреди зоопарка, а ничего не изменилось.

— Приве-е-ет, Земля вызывает Алессандру...

О Боже, только не снова.

— Так что ты говоришь, вечер для девочек? — Алли выместила раздражение на ланче, пронзая вилкой кусок жареной курицы. — Я не могу.

— Почему нет? Мистер Пижон в отъезде, разве нет?

Она бросила на Харпер косой взгляд, но кивнула.

— Сегодня он уехал в Нью-Йорк.

— Так давай сходим куда-нибудь. Мы не ходили выпить с тех пор, как... Ну, с тех пор, как ты обручилась.

— Я знаю, и я обещаю, что исправлюсь, — Алли видела, что подруга скептически вздернула бровь, и торопливо добавила "скоро" в конце предложения. — Но ты не поверишь, какую коробку мама завезла мне в квартиру. Образцы тканей, фото вариантов цветочного оформления, дизайны тортов...

Голова Харпер резко вздернулась от салата.

— Ох, ты можешь рассчитывать на меня на дегустации тортиков.

Она заправила за ухо прядь волос, и Алли заметила, что ее сережки впервые не сочетаются с остальным нарядом. На секунду Алли решила, что это оплошность, пока не поняла, что они такие же изумрудно-зеленые, как и балетки. Странная комбинация с темно-синим платьем с принтом, но на Харпер смотрелось прекрасно.

— Не уверена, что останется время на дегустацию. Записка на коробке гласила, что я должна сделать выбор "немедленно, и даже чуточку быстрее".

Телефон Харпер завибрировал на столе.

— Дерьмо, — пробубнила она, прочитав входящее сообщение.

— Что случилось?

— Одна запаздывающая посылка равняется концу света, — она потянулась за сумкой. — И очевидно, в нашем офисе я одна умею отслеживать эти чертовы картонные коробки. Должно быть, за это и получаю большие деньги, — она рассмеялась собственной шутке, доставая из бумажника двадцатку. — Прости за резкий уход.

— Не волнуйся, у меня с собой Kindle. Просто немного почитаю, пока не доем.

— Kindle, да? — она встала и закинула свою курьерскую сумку на плечо. — Должно быть, что-то жаркое.

Алли не могла не закатить глаза.

— Нет, просто удобно.

Харпер с невинным выражением подняла руки.

— Эй, никакого осуждения. Ничего страшного в том, чтобы почитать немножко эротики.

У Алли перехватило дыхание. Прямо за Харпер стоял неизвестно откуда взявшийся

Хадсон в компании еще троих мужчин.

Все они были одеты в безупречные темные костюмы, сшитые явно на заказ, но именно от вида Хадсона, со светло-голубым галстуком, идеально подходящим к его глазам, во рту у нее пересохло.

— Леди, — сказал он с легким кивком головы. Его мягкий, низкий голос ошеломил Харпер, и та подпрыгнула. За секунду ее лицо покраснело, сливаясь с цветом волос.

Хадсон повернулся к коллегам.

— Все звучит прекрасно. Я буду на связи, — сказал он, успешно избавляясь от них, прежде чем перевести взгляд на Алли. Ее соски затвердели от его жаркого взгляда.

Проклятье. Она скрестила руки на груди, надеясь, что облегающее платье цвета слоновой кости ее не выдало, и он не заметил. *Ну да, как же.*

Харпер смотрела то на Алли, то на Хадсона.

— Отличненько, тогда, наверное, увидимся в офисе, — она шагнула за Хадсона и принялась преувеличенно интенсивно обмахиваться. Он обернулся, и девушка замерла на полужесте, тут же обратив это в какое-то подобие волны и одарив его широкой улыбкой, выскочила за дверь.

— Что-то хотел, Хадсон? — спросила Алли, когда они остались одни. — Забыл в тот раз бросить в меня какое-то оскорбление?

— Вообще-то, Алессандра, я бы хотел извиниться. Позволишь? — он указал на свободный стул.

Она кивнула, будучи захваченной врасплох. Извинений она никак не ожидала.

Он сел, потирая рукой щетину на подбородке.

— Обсуждение прошлого кое-что спровоцировало. — Его внутреннего засранца. — Нерешенные вопросы. Я вышел из себя. Не говоря уж о том, что в такие моменты я бываю излишне прямолинеен.

— Очевидно, десять лет назад между нами осталось много нерешенных вопросов, — холодно ответила она.

— Что не извиняет моей склонности к дурным манерам.

Не собираясь уступать ему ни на шаг*(1), Алли откинулась в кресле, продолжая держать руки скрещенными на груди.

— Нет, не извиняет.

Он прочистил горло.

— Мне не стоило намекать...

Подняв руку, она остановила его. Несмотря на удовлетворение, которое она получала, наблюдая, как он давится своей гордостью, и несмотря на то, как он этого заслуживал, в глубине души Алли знала, что Хадсон Чейз вовсе не считал ее шлюхой. Уж не больше, чем она причисляла его к мужчинам, способным на такое оскорбление.

— Думаю, мы оба сказали и сделали достаточно того, о чем теперь сожалеем.

— Я могу быть грубым сукиным сыном, — искренность горела в его ярко-голубых глазах. — Я сожалею.

— Мне тоже жаль, Хадсон.

Варианты окончания этой фразы можно было перебирать бесконечно. *Мне жаль, что я не сказала о нас родителям. Мне жаль, что у нас никогда не было возможности попроситься. Мне жаль, что я никогда не говорила, как много ты для меня значишь.* С минуту она просто смотрела на него, желая, чтобы он понял все то, что она не решалась

высказать вслух. Все то, что время сделало неважным.

— Я сожалею о том, как вела себя на лодке. Никто не заслуживает такого обращения.

Он улыбнулся уголком рта.

— Даже циничные засранцы?

Алли заметила проблеск того парня, которого знала когда-то, и не могла не улыбнуться в ответ.

— Даже циничные засранцы.

Подошедший официант указал на тарелку Алли.

— Вы закончили, мэм? — она кивнула, и он убрал остатки ее прерванного ланча. —

Могу я принести вам что-то еще?

Вопрос был адресован им обоим, но она удивилась, когда Хадсон сделал заказ.

— Кофе. Черный, — сказал он. — Ты хотела бы что-то еще, Алессандра?

— Я бы не отказалась от капучино. Без кофеина, обезжиренное молоко, двойная пенка.

О, и не добавляйте мускатный орех, но я возьму корицу, если есть, — как только официант удалился, она заметила выражение на лице Хадсона. — Что?

Широко улыбаясь, он покачал головой.

— Ты, Алессандра, — его взгляд задержался на несколько мгновений, затем Хадсон выпрямился и легким жестом поправил галстук. — Живя в одном городе, мы неизбежно продолжим наткаться друг на друга. Сегодняшний случай — наглядная иллюстрация. Нам стоит поддерживать цивилизованные отношения.

— Мы оба начали не лучшим образом, правда?

Он усмехнулся.

— Нет. Но оставь мягкость себе. Мне потребовалось немало времени, чтобы выработать себе привычки крутого парня.

— Это что, чувство юмора, мистер Чейз?

— Мужчина в моем положении не может позволить себе шуточки, но иногда проскакивает.

Ирония его заявления не укрылась от Алли.

— Должно быть, это единственное, чего ты себе не можешь позволить. "Чейз Индастриз" имеет впечатляющую историю за плечами.

— Насколько вы умеете обращаться с гуглом, мисс Синклер? — он выгнул бровь. — Наводили справки обо мне?

Алли покраснела, спалившись на том, что не удержалась и удовлетворила свое любопытство. По правде говоря, она получила не так уж много информации о личной жизни Хадсона. О компании? Конечно, масса сведений. "Чейз Индастриз" быстро стала одним из самых обсуждаемых конгломератов в стране. Но когда дело касалось самого мужчины, предоставлялось крайне мало информации.

— Просто проверяю глубину твоих карманов, — выдала она неубедительное оправдание. — Всегда думаю о будущих жертвованиях.

— Ты могла получить более оперативные сведения из первоисточника, — его глаза светились весельем. — Они также более детальные.

Алли почему-то сомневалась, что речь все еще идет о карманах, а потому обрадовалась, когда появился официант с их кофе. Воспользовавшись кратковременным перерывом, она быстро сменила тему.

— Так что заставило тебя перенести бизнес в Чикаго?

— Я вижу, твоя склонность задавать массу вопросов никуда не делась.

Алли невозмутимо смотрела на него, ожидая ответа. Заговорив, он принял полностью деловой вид.

— Здесь есть несколько компаний, в которых я заинтересован. Географически имело смысл сменить местоположение на более центральное.

Она покрутила чашечку из китайского фарфора на блюдце, разглядывая крошки корицы на пенке и пытаюсь сохранить равнодушие.

— И где ты теперь живешь?

— В здании Палмолив, — Хадсон взял свой кофе и усмехнулся поверх ободка чашки. — Или здания Плэйбой, уверен, так его называют местные.

Если оставить в стороне его ребяческое замечание, Хадсон, очевидно, был проницательным инвестором, когда дело касалось недвижимости. Здание Палмолив считалось не только одним из лучших в мире образцов архитектуры в стиле арт-деко, но и удовлетворяло трем важнейшим аспектам в выборе недвижимости — расположение, расположение, и еще раз расположение. Эта достопримечательность 1920-х располагалась в северном конце Великолепной Мили, уютно устроившись между отелем "Дрейк" и Центром Джона Хэнкока, и являлась одной из немногих резиденций, не нуждавшихся в адресе, названии улицы и номере дома. Одного лишь названия дома было достаточно.

Алли была впечатлена.

— Что насчет твоего братишки? — спросила она, поднимая свою чашку. — Он тоже в Чикаго?

Хадсон нахмурился.

— А... Да, Ник приехал вслед за мной, — он откинулся на стуле и скрестил ноги в лодыжках. — Теперь моя очередь, мисс Синклер. Будет честно, вы свое получили. Итак, что случилось с тем парнем, ради которого ты меня бросила?

— Боже, я о нем и думать забыла. И для галочки, — поправила она. — Я не бросала тебя ради него. Мой отец заключал какую-то серьезную сделку с его отцом, и меня заставили его развлекать.

Он одарил ее самодовольной ухмылкой.

— Тогда это объяснить нельзя было, а теперь так просто, не так ли?

— Поверить не могу, что ты и правда думал, будто я с ним встречаюсь? — она не сдержала смешка, вспомнив довольно точное описание, которое дал ему Хадсон.

— Что такого смешного, Алессандра?

— Он и правда был женоподобным.

— А теперь ты помолвлена с... как он там себя называет?

— С французским маркизом.

— Понимаю, — его губы слегка изогнулись в улыбке. — Титул, который выделяет его от остальной массы. Как вы встретились?

— Мой отец вел дела с семьей Джулиана. Он познакомил нас этим летом.

— Как удобно, — сказал он тоном, не допускающим ни нотки беспечности. — И когда знаменательный день?

— Шестого декабря.

Хадсон резко вскинул брови.

— А вы времени не теряете.

Она ощутила внезапную тревогу и торопливо выпалила: — В последний момент

возникло свободное место в аренде "Дрейка". Но да, подготовить свадьбу менее чем за два месяца — по крайней мере, такую, какую хочет моя мать — будет проблемой. И то, что Джулиан почти месяц пробудет во Франции, тоже не поможет делу.

— Извини, — Хадсон сердито скривился, доставая вибрирующий телефон из нагрудного кармана. — Что? — резко бросил он. Складка между бровями разгладилась, пока он слушал собеседника. — Сколько? Отлично, держите меня в курсе.

Хадсон отодвинул манжету рубашки, глянув на часы, затем вновь перевел взгляд на Алли.

— Отмените встречу на два часа, — возникла небольшая пауза. — Нет, на этом все.

Он закончил вызов нажатием клавиши и убрал телефон обратно в нагрудный карман. — Где мы остановились?

Там, куда я совсем не хочу возвращаться.

Реакция Алли смутила ее саму. В конце концов, они просто беседовали. Два старых друга обсуждают обычные темы: семья, друзья... помолвки. И все же она не хотела дальше говорить с ним о Джулиане или о свадьбе.

— Ты рассказывал о своих планах по приобретению большей части Чикаго, — сказала она, изо всех сил стараясь переменить тему.

— Хорошая попытка, Алессандра. Расскажи о своем фонде. Если я собираюсь выписывать еще чеки, я должен быть в курсе.

Работа? О да, *это* она может обсуждать.

Алли рассказала Хадсону все о своей работе в "Лучшем начале". Она рассказала ему об успехе charterной школы и как много его щедрое пожертвование значит для начала строительства второй школы уже весной.

Он внимательно слушал, задавая вопросы и делая комплименты относительно ее достижений.

Их беседа протекла легко, они смеялись и общались, пока не подошла менеджер, вежливо сообщившая, что столик нужен для того, чтобы рассадить гостей за обедом.

— Я полагаю, нас вежливо вышвыривают, — сказал Хадсон, с властной грацией вставая и доставая бумажник. Он бросил на столик несколько купюр, пока Алли собирала свои вещи.

— Хадсон?

— Да? — их глаза встретились.

— Я рада, что мы положили конец недоразумениям.

— Я тоже, — его губы изогнулись в полуулыбке, и он жестом указал на дверь. — После тебя.

Несколько неловких мгновений они стояли на тротуаре, глядя друг на друга, пока Алли не нарушила молчание.

— Ну, я думаю... — она остановилась на полуслове, гадая, неужели это то прощание, которое они упустили десять лет назад. Она прочистила горло. — Думаю, еще увидимся.

— Честно говоря, хотел бы я сказать, что мне плевать, встретимся мы еще раз или нет.

На секунду она подумала, что он скажет что-то еще, но он просто развернулся и ушел. Ошеломленная его ответом, Алли долго стояла, глядя ему вслед, пока он не растворился в толпе.

* (1) В оригинале Алли использует выражение, аналогичное русскому 'Дай ему палец, и

он откусит всю руку'. То есть буквальный перевод — 'не собираясь давать ему пальца'

В офис Алли добралась почти к концу рабочего дня. В глубине души она надеялась, что Харпер на сегодня уже закончила и ушла. Не повезло. Ее голова тотчас же выскочила из-за загородки ее рабочего закутка, как только Алли вошла в дверь, и она догнала ее у дверей офиса.

Обходя стол, Алли услышала, как сзади закрылась входная дверь.

— Ну? — спросила Харпер.

— Что "ну"? — ответила она, все еще держать за глупую надежду избежать Инквизиции Харпер Хейс.

Харпер выпучила глаза.

— Ты издеваешься? Что у тебя произошло с мистером Денежный Мешок после моего ухода?

— Немного, — она сохраняла беспечный тон, бросив сумочку в большой выдвижной ящик и закрыв его пинком ноги. — Мы пили кофе и разговаривали о благотворительном фонде.

Уперев руки в бока, Харпер вставила ей по первое число.

— Алессандра Синклер, я оставила тебя наедине с возможно самым горячим мужчиной, которого я видела в своей жизни, и ты думаешь, что я поверю, что вы там три часа обсуждали альтернативные образовательные методики?

Она пожала плечами.

— Так и есть.

— Отрицай сколько хочешь, но я же знаю, что ты недоговариваешь. Я видела, как вы трахали друг друга глазами в ресторане.

Взгляд Алли резко взметнулся от пачки оставленных ей сообщений на стикерах, рот раскрылся от изумления.

— Ничем подобным мы не занимались!

— О Бога ради, вы выглядели так, будто хотите разорвать друг на друге одежду.

— Могу я напомнить тебе, что я помолвлена и скоро выхожу замуж? — Алли подняла левую руку, демонстрируя доказательство. Проблема в том, что она не была уверена, кому из них двоих нужно было это доказательство.

— А я могу напомнить тебе, что это бриллиантовое колечко — еще не обручальное.

— Я выхожу за Джулиана, — сказала она безо всяких двусмысленностей. — Мои отношения с мистером Чейзом носят сугубо деловой характер.

Алли переключила внимание обратно на розовые стикеры, которые держала в руке. По ее мнению, здесь нечего было обсуждать. Тема закрыта.

Харпер поняла ее с полуслова.

— Делай как знаешь, — сказала она. — Но я бы на твоём месте бросила Принца-Занозу-в-Заднице. — Ее губы сложились в самодовольную ухмылку. — Между прочим, ты заметила,

что пересматриваешь эти листочки по пятому разу? — уже в дверях она обернулась через плечо. — Просто говорю.

Алли тяжело вздохнула и плюхнулась в кресло. Предоставив Харпер возможность ткнуть ее носом в то, что сама она пыталась игнорировать. Она покрутилась на стуле, глядя в окно и думая обо всем том, что всплыло за последние дни. Ее физическая реакция на Хадсона — это одно дело, она могла списать это на лето, полное неразрешенных проблем и подростковых гормонов, но теперь-то — беседовать несколько часов?

И разговор был таким расслабленным и легким — таким не похожим на ее общение с Джулианом.

Ее женихом.

Виноватые угрызения совести горели в ее груди, когда в памяти всплыл образ Джулиана, преклонившего перед ней колени у Букингемского фонтана. Тем вечером она вышла из особняка и увидела его в экипаже, запряженном лошадьми. Просто ее личный оживший Принц Чарминг.

Взгляд Алли привычно зацепился за серебристую рамку на углу стола. То было фото Джулиана, с гордостью держащего флаг у четвертой лунки на Рич Харвест Фармс. Алли не была уверена, что именно вызывало у него больше гордости — то, что он загнал мяч в лунку, известную как "Локоть Дьявола", или сам факт того, что его пригласили играть на поле эксклюзивного клуба. Как бы там ни было, она никогда не видела, чтобы он так широко и довольно улыбался. После они поужинали в здании клуба, подробно обсуждая каждую деталь сыгранной игры.

Между ними все было хорошо, но в последнее время она чувствовала, будто больше не находится с ним на одной волне. Даже простые решения вроде выбора ресторана оборачивались напряженными спорами. Отношения начали ухудшаться вскоре после помолвки и достигли крайней точки сразу после того благотворительного вечера.

Она покачала головой. Ну конечно же, почему она не замечала этого раньше? Учитывая, что она проводила долгие часы на работе и за планированием свадьбы, которое теперь занимало чуть ли не всю ее жизнь, неудивительно, что он отдалился. Отчаянно нуждаясь в воссоединении, Алли крутанулась на стуле и набрала номер.

— Allo?

— Джулиан?

— Oui. Почему ты звонишь, Алессандра, что-то случилось?

— О, нет, все в порядке, — она прикусила губу. Почему это дается так нелегко? — Просто я ничего от тебя не слышала. Думала, позвоню, убежусь, что ты добрался без проблем.

На том конце трубки раздался стук в дверь.

— Одну секунду, Алессандра, — она услышала приглушенный голос на заднем плане. — На мое усмотрение? Если бы я хотел Cristal, я бы его и заказал, — вспыхнул он. Затем последовало напряженное молчание, прерванное резким выдохом. — Ладно. Заходите. — Раздалось дребезжание стеклянной посуды и поскрипывание колесиков, приблизившееся к Джулиану. — *Imbeciles incompetents**(2), — едва слышно пробормотал он.

— Это не его вина, Джулиан. Не казни гонца.

— Это что еще значит? — спросил он, и не дожидаясь пояснения, продолжил свою напыщенную тираду: — *Peu importe**(3). Никогда больше не остановлюсь в Плазе. Отель, который считает приемлемым подавать Cristal вместо Dom Ruinart, *c'est ridicul**(4), — Алли

слушала, как Джулиан возмущается на родном языке, жалуясь, что одну бутылку шампанского за сотню долларов заменили на другую. — ... засунули голову в задницу так глубоко, что даже не могут правильно прочесть названия в меню. Это Dom Ruinart, — проорал он официанту, — а не Ruinard.

— Возможно, просто опечатка, — предположила Алли.

Он проигнорировал ее комментарий, сосредоточив внимание на официанте.

— Скажите своему специалисту по винам исправить название. Гребаное оскорбление всему французскому языку.

Алли вздрогнула от звука захлопнувшейся двери, эхом отдавшегося в телефонной трубке.

— Не стоило быть с ним таким жестоким, — тихо сказала она.

— И просто принять тот ссанный алкоголь, что они мне принесли? Я французский маркиз, Алессандра. Мне подают лишь лучшие французские вина, имеющиеся в наличии.

— Ожидаешь кого-то?

— Бизнес-партнеров.

— Встречи, должно быть, проходят хорошо, раз ты заказываешь шампанское.

— С чего бы им проходить плохо?

— Просто ты кажешься... — она помедлила, подбирая слово. Джулиан казался обеспокоенным и уже на пределе, но она остановилась на слове "напряженным".

— Если я напряжен, то это потому, что я упорно работаю. Мой титул — это не только склонность к разного рода благотворительной работе, Алессандра. Мои обязательства простираются дальше паритетов.

Алли напряглась.

— Я не имела в виду...

— Ты лишь хотела проверить... как у меня *дела*? — на заднем фоне включился телевизор.

Она вздохнула.

— Я скучаю по тебе, только и всего.

— Я тоже. Скучаю по тебе, — произнес он тоном, лишенным всяких эмоций.

Ей пришло в голову, что возможно, совместное обсуждение свадебных планов поможет им сблизиться. Стоило попробовать.

— Мама завезла мне коробку свадебных образов в квартиру. Я собиралась начать просматривать их сегодня вечером, но могу подождать твоего возвращения.

— Нет, никакой нужды ждать.

Она попробовала другой подход.

— Окей, я просмотрю их, выберу лучшие образцы, а окончательное решение мы примем вместе.

Ее предложение было встречено раздражением.

— Выбирай, что хочешь, Алессандра.

— Джулиан?

— Мм?

Она колебалась. Очевидно, он отвлекался, но она должна была знать.

— Ты меня любишь?

— Я женюсь на тебе, разве нет?

Не совсем тот ответ, которого она ожидала.

Зажигалка щелкнула совсем рядом с динамиком телефона.

— Еще что-то, Алессандра?

— Нет, это все. Наслаждайся вечером.

— Да... ты тоже.

Она повесила трубку. Слова Джулиана снова и снова прокручивались в голове. *Я женюсь на тебе, разве нет?*

Внезапно в ее внутренний монолог без спросу влез Хадсон. *Честно говоря, хотел бы я сказать, что мне плевать.* Ее сердце заколотилось быстрее, а их голоса становились все громче, перебивая друг друга, борясь за право быть услышанными. Комната внезапно показалась слишком тесной, воздух — слишком душным. Ей надо выбраться из офиса. Ей надо выйти и подумать. Пробегка, да, ей нужна долгая утомительная пробежка вдоль озера, если она надеется хоть немного поспать этой ночью.

Алли схватила телефон и направилась к двери. Она подозревала, что может пробежать хоть до Эванстона*(5) и даже наполовину не прочистить голову, но она, черт побери, хорошенько попытается.

*(2) Некомпетентные дураки (фр.)

*(3) Неважно (фр.)

*(4) Это нелепо (фр.)

*(5) От Чикаго до Эванстона — 22,5 км.

Хадсон никого не ждал. Он застегнул рубашку и пошел к телефону, на ходу заправляя полы в брюки. Челюсть его напряглась, пока он переключал звонок на прямую линию к его рабочему столу. Он от души надеялся, что это не одна из тех цыпочек из "Архитектурного Дайджеста" опять решила заглянуть в слабой надежде, что он даст ей осмотреть квартиру.

— Чейз, — сказал он, удерживая телефонную трубку между плечом и ухом, одновременно застегивая ширинку.

— Добрый вечер, мистер Чейз. К вам посетитель, мисс Алессандра Синклер.

Удивление вспыхнуло в его глазах, а напряжение перешло на плечи.

— Проводите ее, — Хадсон поставил телефон обратно в гнездо и бегло провел рукой по влажным волосам.

Легкое гудение сообщило о прибытии лифта, когда он вошел в главную комнату. Подойдя к входу, он увидел, как двери разошлись в стороны. Алессандра стояла там, изо всех сил колотя по кнопкам на панели лифта.

Двери начали закрываться, но Хадсон молниеносным движением руки остановил их. Глаза его метнулись от ее налобной повязки к спортивному лифчику и черным узким брючкам для бега, затем принялись блуждать по каждому чертову дюйму обнаженной кожи, поблескивавшей от пота.

Гребаный сладкий ад.

Челюсть его вновь напряглась от желания коснуться ее, ощутить, столь ли мягка ее кожа, как это кажется.

— Я немного удивлен видеть тебя в своем лифте, Алессандра.

Слова из ее рта вылетали быстрой торопливой тирадой.

— Я бегала вдоль озера и следующее, что я помню — я оказалась на Оук стрит бич и тогда... Я не знаю, я просто очутилась перед твоим домом, — она глубоко вздохнула и покачала головой. — Это плохая идея. Я лучше пойду.

Она потянулась к панели, без сомнений собираясь вновь атаковать несчастные кнопки.

— После всего, через что ты прошла? — он отошел в сторону. — Входи.

— Мне правда не стоит.

— Минут через пять стемнеет. Заходи. Я подвезу тебя, — Алли сомневалась. Двери вновь начали закрываться, и ему пришлось придержать створки. — Туда или сюда, мисс Синклер.

Она неохотно вышла из лифта. Хадсон опустил руку и последовал за ней, двери лифта с едва слышным шорохом закрылись позади них. Ее обувь на мягкой подошве не издавала ни звука, пока она шла по полу из темного дерева к сногсшибательному виду. Любой художник умер бы за право его запечатлеть.

Он чувствовал привилегию обладать этим видом, но слегка воспринимал его как должное. Весь Чикаго открывался перед ним там, внизу, с завораживающим видом

мерцающих огней и волнами трафика.

Хадсон прислонился бедрами к барной стойке. Он наблюдал, как Алли осматривала комнату, как будто ища неизвестно что. Хочет сделать выводы? Как будто о нем можно судить по переоцененным предметам, подобранным переоцененным дизайнером.

Она задержалась перед полированной стальной скульптурой, скользя пальчиками по изогнутым краям.

Само ее присутствие в его квартире покалывало его кожу и посылало бессознательные требовательные импульсы к его паху.

Взгляд его осторожно блуждал по изгибу ее бедер и вниз, по длинным атлетическим ножкам. Он смаковал воспоминания этой мягкой женственной фигурки под своим телом, когда она задышалась, почти заставляя его умолять.

Он подавил стон.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Ты фанатка Капура?

Отдернув руку, она посмотрела на него.

— Скульптора, который создал "Облачные врата"?

Хадсон кивнул.

Сбитая с толку, Алли вновь перевела взгляд на зеркальную скульптуру.

— Я думала, он делает только публичные объекты.

Он усмехнулся.

— Выпьешь что-нибудь?

— Воды было бы замечательно, — сказала она, все еще восхищаясь скульптурой.

Хадсон дернул за ручку Sub-zero, обдавая себя волной прохладного воздуха из холодильника, и достал бутылку воды. Повернувшись, он увидел, как Алли спешно отвела глаза, краснея. Не от пробежки, а потому что он заметил, что она на него смотрела. Он едва заметно улыбнулся уголком рта, ставя перед ней бутылку.

— Хорошо выглядишь. Свидание со страстной красоткой? — Алли открыла бутылку и сделала глоток.

Хадсон продолжал смотреть спокойно, выражение лица оставалось невозмутимым.

— Да, так и есть, — он посмотрел на ее лицо, изучая тонкие черты и замечая неуловимый проблеск... — Уж не ревнуете ли вы, мисс Синклер?

Пятнадцать минут назад он думал, что знает ответ на этот вопрос, но это было до того, как она объявилась в его пентхаусе полуголой. Он выдержал ее взгляд, ожидая одного единственного слова. И будь он хоть последним сукиным сыном, он бы все бросил, отменил свидание и провел остаток вечера меж ее бедер.

— Нет, конечно, — она слегка нахмурила идеальные бровки.

Его губы изогнулись. Не на такой ответ он надеялся, но ее выражение, напротив, было признанием, что под этим очаровательным фасадом таится зеленоглазый монстр.

— Если ты так говоришь.

— С той же девушкой, с которой я тебя видела тем вечером?

— София? Да. — Его ответы были быстрыми и обрывистыми.

— Милое имечко. Подходит ей, — она избегала его взгляда, то откручивая, то закручивая крышечку бутылки. — И давно вы с ней вместе?

— Мы не вместе, — он глубоко вздохнул, подсчитывая секунды, которые потребовались бы, чтобы полностью ее раздеть. — Готова идти?

Алли нахмурилась.

— И все же, должно быть, она тебе нравится, раз ты так торопишься.

Хадсон несколькими быстрыми шагами приблизился к ней.

— Напротив, Алессандра, я тороплюсь, потому что умираю от желания сорвать с тебя немногочисленную одежду и оттрахать прямо на этой барной стойке, пока ты не начнешь умолять меня остановиться, — его взгляд прожигал ее насквозь. — И поверь мне, учитывая, насколько я уже тверд, мне хватит безумия сделать это.

Она вспыхнула, грудь ее вздымалась от прерывистых вздохов.

— Так что выбираешь, Алессандра — барную стойку или поездку домой?

— Поездка домой, прекрасный вариант, — ее голос был едва слышен, и ему определенно не доставало решительности.

— Пойду возьму ключи.

Хадсон стиснул руль Астон Мартина, пытаясь распознать чувство, бурлившее в груди. Все его тело вибрировало, чем дальше он уезжал от дома Алли, тем сильнее напрягался.

Она четко обозначила свои чувства по этому вопросу, поэтому он отбросил в сторону всепоглощающую жажду. Но когда сегодня вечером он сказал, что хочет трахнуть ее, это было чистой правдой, и отрицание этого никак не помогало и не облегчало его нужды. Не охладило его мотор и не приглушило назойливые мысли. Почему, черт подери, она просто случайно зашла к нему? Незнание его не устраивало, а вести машину в том направлении, куда он теперь ехал, казалось оскорблением чего-то чистого, чего-то значимого, чего-то, в чем он нуждался.

Светофор сменился зеленым, и с рефлексами гонщика он нажал на газ. DB9 пробудился, рыча на полосе дороги, когда Хадсон вырулил на поворот на следующей скорости. Свет был все еще зеленым, горящая стрелка дорожного знака подсказала ему, что делать. С возросшей решимостью он вывернул руль и выполнил резкий разворот налево. DB9 набрал скорость и вскоре роскошный автомобиль вновь слился с дорогой. Пролетая через перекресток и заворачивая за угол по направлению к Астору, Хадсон понял, что готов ломиться напролом, возможно, убивать, все что угодно, лишь бы направляться туда. В этот раз, несмотря на десятикратно возросшее чувство собственного идиотизма из-за преследования женщины, он собирался получить ответы.

Хадсон крепко стиснул руку в кулак и заколотил в дверь. Он подождал секунд десять, затем заколотил снова. Обычно он не устраивал сцен, но внезапно понял, что сейчас ему плевать, и с головой нырнул в Идиотсвилль.

Как раз тогда, когда он собирался снести эту чертову дверь с петель, она открылась.

— Что-то ты долго, — ни капли веселья не прозвучало в его голосе.

Алессандра уставилась на него с недоверием и замешательством.

— Я была в душе.

Хадсон встал в дверном проеме. Прямо сейчас он чувствовал себя не магнатом или миллиардером, которого знал весь остальной мир, а мужчиной, который исчерпал все запасы контроля. Он окинул ее взглядом с головы до ног, и под его опаляющим взглядом она потуже запахла халат.

— Зачем ты пришла ко мне домой? — потребовал он.

Алли выпрямилась.

— Разве ты не должен сейчас быть с длинноногой брюнеткой?

— Отменил. А теперь отвечай на вопрос.

— Я... — она колебалась.

— Скажи мне.

— Я не знаю, — она крепче вцепилась в шелковый халат, сминая ткань.

— Хрень полная. Ты знаешь. Ты не можешь перестать думать обо мне, — Хадсон шагнул вперед, одной рукой упираясь в дверной косяк. — Мне это известно потому, что я не могу перестать думать о тебе.

— Не...

— Всякий раз, закрывая глаза, я вижу тебя, чувствую твои губы на своих, и это просто сводит меня нахрен с ума...

Она вскинула руку.

— Хадсон, пожалуйста, прекрати.

— А потом ты заявляешься ко мне в пентхаус. И теперь, зная, что ты голая под этим халатиком...

— Ты не можешь говорить мне такие вещи.

— На самом деле ты не имеешь этого в виду, — его глаза бегло глянули на ее напрягшиеся соски, выступающие под тонкой тканью, умоляющие об его внимании. — Думаю, тебя это заводит.

— Наглости тебе не занимать.

— Серьезно? Готов поспорить, что если сорву этот халатик и коснусь тебя между ног, то обнаружу, что ты влажная, — его взгляд потемнел, а голос понизился до интимного вызова. — Хочешь, докажу?

Челюсть Алли отвисла.

— Тебе лучше уйти.

Когда она попыталась закрыть дверь, ладонь Хадсона хлопнула по дереву.

— Не уйду, пока ты не признаешь, что я прав.

— Так вот в чем дело? В твоей правоте?

— Нет, хоть я и прав, — его взгляд стал решительным. — Дорога вымощена непростыми правдами, Алессандра, а не отрицаниями.

— И ты думаешь, что это я здесь отрицаю?

Его взгляд оставался жестким и непреклонным.

— Я знаю это. Но хрена с два я снова позволю себя оттолкнуть.

— Неважно, что я чувствую, — ее голос повысился на тон. — Слишком поздно для нас, Хадсон.

— Черта с два, — его грудь расширилась, когда он раздраженно вздохнул. Ему нужно было найти подход к девушке, которой она когда-то была, к девушке, которая все еще была там, под слоями социального статуса.

— Проклятье, Алли. Просто признай, что чувствуешь то же самое.

— Признать что? Что я не переставала думать о тебе с того самого момента, как повернулась и увидела тебя на том мероприятии? Что я не могу перестать раз за разом представлять то, что случилось в твоём офисе? Или о том, как часть меня разочарована, что ты не трахнул меня на той барной стойке? Или ты, Хадсон, хочешь, чтоб я признала, что, несмотря на все эти годы, я все так же хочу тебя?

— Да, я должен услышать это от тебя.

— Я хочу тебя, — ее ответ был едва различим, но он услышал ее ясно и четко.

Взгляд его блуждал по ее лицу.

— Скажи это снова.

— Я хочу тебя.

На секунду между ними повисла тишина, затем его рука сжалась в кулак в ее волосах, привлекая ее в поцелуе, и Алли застонала, сдаваясь. Губы ее были горячими, кожа покраснелась румянцем и жизнью. Все ее тело источало жар и желание, которое он более чем желал удовлетворить.

— Когда я с тобой закончу, ты будешь выкрикивать эти слова, — Хадсон пинком закрыл дверь и одним стремительным движением прижал Алли к ближайшей стене, каждый дюйм ее тела идеально слился с его. Если и существовала точка возврата, он только что ее пересек. Им руководило желание столь сильное, столь дикое, что оно выжгло последние крупицы самоконтроля.

И когда нужда забрала поводья и завладела им, Хадсон нетерпеливо дернул поясok халата и сдернул атласную ткань с плеч Алли.

Господи Боже, она реально была охрененно голой. Изумительно голой.

Трудно было мыслить связно, когда перед ним обнажилось столько ее безупречной кожи. Все его природные инстинкты подсказывали ему поклоняться каждому дюйму ее тела, пока они оба не насытятся.

Его руки скользнули вниз по краям ее обнаженных грудей, задержавшись, чтобы большими пальцами погладить напряженные соски, затем опустились к талии и изгибу бедер; силуэт ее тела казался знакомым даже после стольких лет.

— Думал, что не переживу и пяти минут, не касаясь тебя, — он перестал пытаться скрыть то, как она на него влияла, или притворяться, что он как-то контролирует свою

реакцию.

Алли стянула пиджак с его плеч. Хадсон сделал шаг назад и полностью снял его, сначала с одной руки, затем с другой, отбросив в сторону. Позади них с тумбочки свалилась настольная лампа, разбившись с громким хлопком. Как будто им было до этого дело.

Ее жадные пальцы сгребли его рубашку, выдергивая ткань из брюк. Алли принялась лихорадочно работать над пуговками, расстегивая одну за другой.

— Порви ее, — прорычал он.

Алли вздернула подбородок, чтобы встретиться с его напряженным взглядом. Она задыхалась, глаза светились безудержным желанием. Взявшись за ткань обеими руками, она разорвала ее одним резким рывком. Пуговицы разлетелись в стороны, отскакивая от стен и исчезая где-то на паркете.

Низкий стон зародился в груди Хадсона, когда он вновь набросился на ее рот, наполняя его глубокими, опаляющими ударами языка. Рука его опустилась меж ее бедер, и он стиснул зубы. Боже, она была влажной.

Такой охрененно влажной. Шершавая подушечка его большого пальца потерла ее бугорок, а средний палец скользнул внутрь. Алли застонала, когда его рука отступила, а затем вернулась уже с двумя пальцами. Бедра девушки покачивались и двигались по кругу, насаживаясь на его пальцы.

Изогнув запястье, он проник еще глубже, представляя, как изумительно она будет ощущаться, двигаясь на его пульсирующем члене. Эрекция была уже столь твердой, что почти причиняла боль, кульминация двух недель прелюдии и десяти долгих лет воображения ее такой. Боже помоги ему, он должен был взять ее. Здесь и сейчас.

— Мне нужно войти в тебя, — промурлыкал он ей в губы. Голос его был жестким, сексуальным и отчаянным, как и все, что происходило между ними.

Алли не теряла времени впустую, потянувшись руками к его ширинке, расстегивая ремень и дергая за молнию. Затем сдернула его боксеры ровно настолько, чтобы освободить его вздыбившуюся эрекцию, оставив штаны болтаться на его бедрах.

Хадсон изогнулся и рывком приподнял ее, бедра повисли на его руках, горячий и тяжелый член прижимался к ее половым губам.

— Скажи мне остановиться, и я прекращу.

— Не останавливайся, — она тяжело дышала, задыхаясь от желания. — Пожалуйста...

Одновременно с ее словами он сделал мощный толчок, глубоко проникая в нее одним ударом, и тут же застыл. Если бы он шевельнулся, то просто по-королевски облажался бы. Она ощущалась так хорошо, слишком хорошо. Идеально. Как будто он создан для того, чтобы быть внутри нее.

— О Боже, — она резко втянула воздух и задрожала. — Ты так глубоко.

Без труда удерживая ее вес, он вышел по самую головку, затем вновь с силой вошел. Картины в рамках на стене покачивались, пока он брал ее снова и снова — жестче, быстрее, глубже — трахая ее точно одержимый.

Голова Алли бессильно откинулась на стену, веки опустились, а с приоткрытых губ сорвался мягкий стон, когда все ее тело начало сотрясаться.

— Вот так, почувствуй это со мной, — Боже, он любил видеть ее такой. Когда она выгибала спину, принимая все, что он давал ей, беззвучно повторяя его имя снова и снова.

Ее естество сжалось вокруг него, и она закричала, звуки ее оргазма казались ему симфонией, ногти оставили глубокий след на его плечах. Сладкая капля боли от ее коготков

лишь усилила его голод и жажду.

— Проклятье, Алли, — прорычал он, неспособный думать от всех этих ощущений. Уронив голову, он начал кончать, глубоко вонзаясь в нее, находя свое освобождение. Когда судороги стихли, он замер, тяжело навалившись на Алли, хрипло дыша ей в шею. Его широкая ладонь прошлась по ее бедру, осторожно опустив одну ее ногу на пол.

Ее тело обмякло под ним, она пыталась выровнять дыхание.

— Это было...

— Не лучшей моей попыткой, — он поднял голову и убрал волосы с ее лица. — Но, Боже мой, Алли, ты заставляешь меня терять голову как подросток.

Хадсон взял в ладони ее лицо и нежно поцеловал, наслаждаясь соприкосновением их губ.

— Думаю, имеет смысл получше продемонстрировать свои навыки. — И в этот раз он хотел смотреть ей в глаза, пока она кончает.

Все еще находясь в ней, он опустил голову к ее груди, прищелкнув языком возле соска, прежде чем втянуть его в рот. Кружа языком вокруг напряженной вершинки, наблюдая, как она кусает нижнюю губу, он тут же почувствовал, как член снова твердеет.

Глаза Алли расширились, дыхание прервалось.

— Уже?

— О да, — обеими руками лаская округлости ее попки, он поднял ее. Одним движением он смахнул почту с околостенной консоли и уложил туда Алли. Рука его переместилась под ее бедра, ловко подстраивая их под себя, и он вошел еще глубже. — Мне предстоит наверстать десять лет.

Звонок надрывающегося телефона нарушил тишину спальни. Хадсон высвободил руку из-под Алли и пошарил в темноте, чтобы выключить орущий аппарат прежде, чем тот перебудит всех соседей.

Он уже собирался сбросить вызов, когда увидел имя звонившего на дисплее.

— Ник? — он свесил ноги с кровати и потер лицо, заставляя себя проснуться. — Что случилось?

— Это была не твоя вина, знаешь, да? — слова лениво слетали с языка Ника.

Хадсон глянул через плечо на зашевелившуюся Алли. Он понизил голос.

— Дерьмо, Ник, разве мы только что с этим не разобрались?

— Ты был просто ребенком. Дерьмо случается, вот и все. Не то время, не то место.

— Где ты? — Хадсон пытался разглядеть, где валяется его одежда.

Алли подскочила. Хадсон нахмурился, когда она вылетела из кровати, подхватив халат и на ходу кутаясь в шелк, и скрылась в ванной.

— И все они ошибались насчет тебя, — Ник издал короткий смешок. — Мой брат превращает дерьмо в золото.

— Ты дома?

— Ага, и я все еще могу стоять, — Ник засмеялся, точно был впечатлен своими достижениями. Хадсон услышал резкий звук сдвинувшейся мебели, точно что-то с чем-то столкнулось, затем Ник выругался, и что-то упало на пол. — Типа того. Эй, хочешь пивка?

— Боже, уже пятый час утра. Иди в постель, Ник.

— Нет? Ну ладно, я их опрокину за нас двоих, — раздалось шипение и треск открываемой бутылки, затем грохот открывашки о стол. Красноречивые звуки, свидетельствующие, что цель его брата — накидаться.

— Твое здоровье, бро, — Ник ударил неизвестно какой по счету бутылкой и шумно глотнул. — Я просто хотел сказать, что люблю тебя, чувак. Ты же это знаешь, да?

— Да, Ник, — Хадсон поджал губы и закрыл глаза. Он ощущал ту же щемящую грусть, что и всегда, когда брат заводил эту песенку. Нужно было заканчивать разговор.

— Ты — все, что у меня есть, — голос Ника был мягким.

Хадсон услышал звук льющейся воды, и в следующий момент в дверном проеме появилась Алли. Он наблюдал, как она ходила по комнате, собирая его одежду. Когда она подняла его брюки, из кармана выпал презерватив.

— Мне пора, Ники. Поспи немного. Поговорим завтра, — он сбросил вызов и посмотрел на Алли, держащую в руках презерватив. Упаковка была нетронутой — доказательство его нетерпения и решения, которому чертовски сложно найти оправдание. Та же паника, что мелькнула в ее глазах, душила его грудь. Боже, какой же он ублюдок, раз позволяет себе так беспечно обходиться с ее телом.

— Я чист, Алли, клянусь. Я всегда был осторожен. Но Боже, помоги мне, скажи, что ты

на таблетках?

— Конечно, я их принимаю.

Его плечи расслабились.

— Хорошо. А теперь возвращайся в постель, — сказал он, протягивая к ней руки.

— Тебе надо уйти. Вот, — Алли сунула ему брюки. — Надень.

Хадсон схватил штаны и отшвырнул в сторону. Губы скривились в озорной улыбке.

— Несколько часов назад ты старалась как можно скорее меня раздеть, — поднимаясь на ноги, он снова потянулся к Алли, но она вывернулась из его хватки, и его пальцы лишь мельком задели ее бедра.

— Хадсон, я серьезно. Скоро рассвет, и я не могу позволить, чтобы соседи тебя увидели, — она подняла с полу рубашку и протянула ему.

— Плевать я хотел на твоих соседей, — он бросил рубашку на постель и дернул поясok ее халата.

— Пожалуйста, Хадсон, — Алли отпихнула его руки и перевязала пояс.

— Дело не в соседях, верно? — Хадсон схватил рубашку и быстро натянул на плечи.

— Когда ты его ждешь?

— Я не жду, — сказала она, ища его ботинки и носки. — Мне просто нужно, чтобы ты ушел.

Он осмотрел комнату, отыскивая признаки другого мужчины.

— Он здесь не останавливается, да? Твой жених? — быстрыми резкими движениями он натянул боксеры, затем брюки. Рука его на мгновение замерла, ожидая ответа, затем застегнула ширинку.

— Он оставался, раньше, — Алли избегала его взгляда, забирая с прикроватного столика его бумажник и часы. — Он предпочитает номер в отеле.

Хадсон сократил расстояние между ними.

— Хорошо. Думаю, что наполовину обезумел бы, учуяв его запах на твоих простынях, — нажав пальцем на подбородок, он заставил ее посмотреть ему в глаза. — Я хочу, чтобы они пахли мною. Только мною.

Хадсон взял ее лицо в руки и нежно поцеловал.

Он глупо надеялся, что секс с ней утолит его жажду, но голод лишь усилился.

Даже теперь простое прикосновение ее губ заставляло желать большего. Он почувствовал, как шевельнулся член, и собрал в кулак весь свой самоконтроль, чтобы не завалить ее обратно на постель и не погрузиться в нее до самого рассвета.

— Мне нужно снова с тобой увидеться.

— Я позвоню тебе, — Алли впихнула ему в руку остаток его вещей. — Но теперь, пожалуйста, тебе нужно уйти.

Подчиняясь ее требованию, Хадсон прошел к выходу. Нахрен все это. Его как будто пасли.

Он остановился у самой двери, засовывая бумажник в карман брюк.

— Позвонишь ты или нет, Алли, между нами ничего не кончено, — он распахнул и спустился на первый этаж особняка, держа туфли в руке. Не обернувшись, он разблокировал DV9. На лице расплывалась широкая улыбка.

Хадсон Чейз возвращается домой во вчерашней одежде после ночи с подружкой.

Что-то новенькое.

Алли двигала вешалки на хромированной стойке магазина. Она никогда не была поклонницей шопинг-терапии, но ей просто необходимо было выбраться из офиса. Такое чувство, будто стены вокруг смыкались. И поскольку во время ланча на пробежку не отправишься, пришлось бродить по восьми этажам шопинг-центра Macy's на Стейт-стрит.

Наткнувшись на темно-зеленое облегающее платье, она помедлила. Оно было почти таким же, как и ее темно-бордовое, и ее мысли мгновенно перенеслись к тому дню, когда она его в последний раз надевала. Тот вечер в офисе Хадсона, когда она пришла забрать чек на пожертвование. Веки непроизвольно закрылись, и она вновь ощутила, как его руки дернули декольте, как его зубы ущипнули темное кружево лифчика. Пульсирующая боль разлилась по животу. Та самая боль, которую она ощущала при каждой мысли о Хадсоне Чейзе. А такие мысли, как ни стыдно признавать, появлялись слишком часто.

Прошло больше недели с того утра, когда она выставила его из своего особняка. Восемь дней, если быть точной.

Восемь дней сопротивления желанию позвонить ему. Восемь дней надежды, что воспоминания об их ночи вместе сотрутся из ее памяти.

Как бы не так!

Алли покачала головой. Она должна перестать думать о Хадсоне, ведь теперь она с Джулианом. Они планировали совместную жизнь, и она не собиралась отказываться от этого ради остаточной подростковой страсти. Она просто должна выбросить из головы ту ночь, только и всего.

Ага, продолжай себя утешать.

Повесив зеленое платье на сгиб руки, Алли перешла к следующей стойке, где ее внимание привлекло черное бандажное платье. Оно не придавало фигуре типичную для таких моделей форму песочных часов, но у этого платья спереди был узор из тонких черных линий, образующих сеточку поверх песочной вставки. *Хмм, определенно смелый выбор.* Она поднесла два платья друг к другу, сравнивая.

— Черное очень даже ничего.

Алли подпрыгнула. Она знала этот голос... на глубоко интимном уровне. Он резким шепотом отдался в ушах, наполняя ее разум грязными фантазиями, как ее снова и снова доводили до оргазма. От этих мыслей лицо ее залил румянец. Она повернулась и увидела Хадсона, стоящего позади нее и выглядящего вполне довольным собой. Откуда он, черт подери, взялся? Как будто на пустом месте появился.

— Что ты здесь делаешь? — спросила она. В последнее время она, похоже, выпаливала первое, что приходило на ум. По крайней мере, когда дело касалось Хадсона Чейза.

— Я же говорил, позвонишь ты или нет, все еще не кончено. Я дал тебе неделю.

Ее сердце прерывисто заколотилось. Она хотела бы списать это на шок от его неожиданного появления, но прекрасно понимала, что это не так.

— Откуда ты узнал, где меня искать?

— Твоя коллега была весьма разговорчивой, — его губы изогнулись в веселой ухмылке. — Полагаю, она не в восторге от твоего жениха.

— Нет, она просто в восторге от твоей чековой книжки.

Он хихикнул.

— И это ведь не самое впечатляющее мое достоинство.

Она едва удержалась, чтобы не закатить глаза.

— Чего ты хочешь, Хадсон?

— Мне нужно снова тебя увидеть, — он пробежался рукой по волосам. — Боже, я даже не могу сконцентрироваться в офисе. Ты постоянно в моей голове.

Алли нервно оглянулась.

— Ты не можешь просто вот так появляться из ниоткуда, — сказала она, предусмотрительно приглушая голос.

— Я могу быть очень сосредоточенным, когда дело доходит до желаемого мною. Даже безжалостным.

Она тупо уставилась на него, затем перешла к следующей витрине. Хадсон пошел за ней.

— Когда он уезжает?

— Когда кто уезжает?

— Твой жених. Ты сказала, что он уедет на месяц.

— Едва ли это подходящее место, чтобы обсуждать такое, — она не отводила взгляда от ряда кофточек на витрине.

Хадсон накрыл ладонью стойку с одеждой, останавливая ее хаотичное перебирание вешалок.

— Когда он уезжает, Алессандра?

Ее плечи опустились. Очевидно, он не собирался отступать.

— Он уехал этим утром.

Он подошел так близко, что Алли могла чувствовать тепло, исходящее от его тела.

— Встретимся после работы, — темные, чувственные нотки в его голосе послали дрожь по всему ее телу. И с каждым днем она все сильнее попадала под его чары. Этому нужно положить конец.

— У меня планы.

— Отмени их.

От его неожиданного тона у нее перехватило дыхание. Требовательного, властного и горячего как сам ад. Нет, она должна быть сильной.

— Не могу. Я обещала Харпер вечер для девочек еще несколько недель назад.

Испустив раздраженный вздох, Хадсон быстро окинул взглядом магазин.

— Сюда, — сказал он, хватая ее за локоть.

— Что ты делаешь? — прошипела она. — Люди смотрят.

Он проигнорировал ее, широкими шагами направляясь к примерочной в задней части магазина.

— Теперь если кто-то войдет, это будет считаться вторжением в частную жизнь, — повернувшись, он захлопнул деревянную дверь и закрыл замок.

Алли открыла рот, чтобы протестовать против своего похищения, но он накинута на нее. Обоиими руками обхватив лицо, Хадсон прижал ее к одной из трех зеркальных стен

кабинки, запечатывая ее губы своими. Его язык проник в ее рот, целуя глубоко и долго. Застонав, Хадсон оторвался лишь настолько, чтобы иметь возможность говорить.

— Я с ума по тебе схожу, Алли.

И всего лишь от этих нескольких слов она сделалась теплой и жаждущей. Она даже не звонила ему, не говоря уж о том, что не планировала снова с ним видаться, и все же вот он здесь, касается ее, целует, и все, о чем она могла думать — насколько сильно она его хочет. Его губы вновь начали двигаться синхронно с ее, и руки Алли сами нашли путь к его волосам, притягивая все ближе. Сдерживаемое всю эту неделю желание взорвалось между ними. Боже, она так по этому скучала.

Опустив голову, Хадсон провел языком по ее горлу.

— Я до боли жажду оказаться внутри тебя всеми возможными способами, — промурлыкал он, прикусывая мочку уха. Он постепенно задирает ее платье на бедрах, опалая кожу прикосновениями. — Откройся для меня.

Она ахнула. *В торговом центре?*

— У тебя есть хоть какие-нибудь неподходящие места?

— Нет, если дело касается тебя. Я распробовал, и теперь хочу еще большего, — его рука скользнула меж ее ног, и она бесстыдно раздвинула бедра, слишком возбужденная, чтобы сопротивляться ему. Низкий, сексуальный звук зародился в его горле, когда он ощутил теплую, влажную ткань ее трусиков. Сдвинув их в сторону, он провел пальцами по ее плоти, медленно и нежно подразнивая. — Боже, Алли, я хочу коснуться тебя губами, там, — он ввел один палец внутрь, — прямо сейчас.

— Хадсон...

— Шшш. Мне это необходимо, — прошептал он, водя носом по ее шее. — Дай мне это.

Она дернула его за волосы, притягивая его рот к своим губам. Он прикусил и оттянул ее нижнюю губу, прежде чем скользнуть языком внутрь, медленными, чувственными ударами, идеально совпадающими с движениями его пальцев. Алли сдержала стон. Ничего она не хотела так, как ощутить эти сочные, влажные удары меж своих бедер. Но они были в примерочной магазина. В любой момент мог кто-то постучать.

Внутри ее развернулась битва. Она хотела, чтобы он остановился, и в то же время желала продолжения. Его палец скользил внутрь и наружу, пытая ее ровным неторопливым ритмом. *Не останавливайся.* Снаружи донеслись приглушенные голоса проходивших мимо людей, и она напряглась. *Нет, остановись.* Она уже собиралась оттолкнуть его, как его палец изогнулся, массируя точку, о существовании которой она и не догадывалась. *О Боже, не останавливайся.* Ее голова с глухим стуком ударилась о зеркало, ноги начали дрожать. *Что бы ты ни делал, не останавливайся.*

— Я мог бы взять тебя прямо здесь, и ты бы мне позволила, — прорычал он. — Твое тело готово для меня.

Его голос был напряженным от едва удерживаемого контроля, дыхание — тяжелым.

Она услышала, как открылась и закрылась дверь соседней комнаты, и покачала головой.

— Я не могу, не здесь.

Хадсон провел зубами по контуру ее челюсти.

— Но ты хочешь. Я чувствую, ты уже близко, — его вес навалился на нее, когда он ввел в нее второй палец. Алли захныкала. Ее бедра самопроизвольно двигались, изнывая от необходимости насадиться поглубже на его руку. — Позволь мне увидеть, как ты кончаешь. Дай мне это.

— Я не могу, — сказала она, едва выдавливая из себя слова, тогда как ее тело отвечало на каждое движение, каждое искусное потирание его безжалостных пальцев.

— Нет, можешь, — Хадсон обхватил ее талию свободной рукой, его эрекция вжалась в ее бедро, когда он ввел пальцы еще глубже. Его ладонь при этом массировала ее клитор, и все внутри Алли сжалось.

— Расслабься, Алли, я держу тебя. Кончи для меня.

Мир рухнул от его жесткого приказа, и она разлетелась на миллионы кусочков. Хадсон накрыл ее губы своими, поглощая ее крики, пока она буквально разваливалась на части в его руках. Задыхаясь и обмякнув, она прильнула к нему, а он притянул ее еще ближе. Хадсон провел пальцем по ее подбородку, сминая губы в жестком, болезненном поцелуе, выдавшем то, насколько он сам был близок к оргазму.

Наконец, он поднял голову и посмотрел на нее пронзительными голубыми глазами.

— Тогда завтра. После работы. В моем пентхаусе.

Вымотавшаяся и дрожащая, она сумела выдать лишь один кивок, прежде чем Хадсон повернулся и неспешно вышел из примерочной.

Харпер прислонилась к стене, пока Алли отпирала дверь своего особняка.

— Так почему, говоришь, я должна бегать с тобой до того, как мы выпьем по "маргарите"?

Алли рассмеялась.

— Два слова, друг мой — чипсы и сальса, — она бросила сумочку и ключи на столик у двери и просмотрела почту. Счета, рекламные листовки, меню китайской еды на вынос.

Ничего срочного.

Повернувшись, она увидела, что Харпер растянулась на диване. Очевидно, придется придать ей небольшой толчок, если Алли рассчитывала утащить ее с собой на пробежку вдоль озера до того, как они побалуют себя мексиканской едой.

И вовсе не грядущие лишние калории мотивировали ее потоптать тротуар. После того, что случилось в Macy's, ей как никогда нужна была долгая пробежка, очищающая разум от лишних мыслей.

— Можешь идти и переодеться, если хочешь. Я просто быстренько проверю сообщения.

Харпер дотянулась до спортивной сумки, валявшейся у нее в ногах, и преувеличенно вздохнула. Проходя мимо барной стойки, она вдруг остановилась и выгнула бровь, заметив маленькое электронное устройство на гранитной столешнице.

— Ожидаешь, когда позвонят из 90-х и попросят вернуть их говорящую машинку?

Алли нажала на клавишу воспроизведения.

— Чтоб ты знала, я это купила совсем недавно.

Пусть это и не было автоответчиком, но все же это был цифровой девайс. Боже, по реакции Харпер можно было подумать, что она все еще записывала сообщения на маленький кассетный рекордер. Алли собиралась и дальше защищать свой выбор бытовой техники, но тут начало воспроизводиться первое сообщение. Громкая музыка и смех, затем, наконец, раздался голос Джулиана.

— Алессандра, c'est Джулиан, — Алли нахмурилась. Почему он звонит ей домой посреди рабочего дня, а не в офис и не на сотовый? — Я прибыл в Париж и, как ты выражаешься, проверяю, как у тебя дела, — на заднем плане можно было различить женский голос, бегло говорящий на французском, затем приглушенный ответ Джулиана.

И хоть она напряженно вслушивалась, изо всех сил пытаясь вспомнить знания, полученные на школьных уроках французского, громкая музыка и, очевидно, прикрытый ладонью телефон не оставили возможности разобрать сказанное.

Джулиан произнес в телефон:

— Похоже, здесь больше работы, чем ожидалось. Позвоню, когда... — сообщение вновь прервалось, на сей раз громким хлопком, за которым последовали визги и смех.

— Ne renversez pas le champagne tout le putain de tapis*(6), — прокричал Джулиан. — Elle vaut plus que ce que vous ferez au cours de votre vie, vous idiots*(7)! — он все еще

разглагольствовал о своем драгоценном ковре, когда запись оборвалась с резким сигналом.

— Конец сообщения, — оповестила машина.

В комнате повисла неловкая тишина, пока через несколько мгновений Харпер не прервала ее чем-то вроде попытки разрядить обстановку.

— Знаешь что? Я голосую за выпивку вместо пробежки. На самом деле, нахрен эти "маргариты". Я за мартини в баре.

Алли собралась с силами и выдавила из себя улыбку.

— Звучит как неплохой план.

*(6) Не проливайте шампанское на ковер

*(7) Он стоит больше, чем вы заработаете за всю жизнь, идиоты!

Алли утонула в мягком красном бархате. Бар на Раш был полон настолько, что остались лишь стоячие места, но они с Харпер пришли достаточно рано, чтобы занять один из диванчиков, стоявших вдоль стен клуба. Видный мужчина в темном костюме улыбнулся, когда она посмотрела в его сторону, но последнее, в чем нуждалась или чего хотела Алли — это разговор с женщиной. С каким бы то ни было мужчиной. Ни с французским дипломатом, питавшим пристрастие к дорогому шампанскому и еще более дорогим коврам. Ни с миллиардером-промышленником, у которого серьезные проблемы с границами допустимого. И уж точно не с парнем, похожим на Джорджа Клуни, здесь, в баре на Раш-стрит. Ее девиз на сегодняшний вечер — выпей коктейль (нет, замените на "коктейли" во множественном числе) с лучшей подругой.

Она подарила джентльмену натянутую улыбку и перевела взгляд на основную площадку, где круглый бар из красного дерева купался в золотых и красных лучах. Осмотрев зал, она поняла, что ее воздыхатель был не единственным привлекательным мужчиной преклонного возраста. Куда ни глянь, везде седые бизнесмены в дизайнерских костюмах вперемешку с молодыми девушками в черных платьях и туфлях-лодочках с красной подошвой. Алли хихикнула про себя. О да, треугольник Виагры. Так местные называли дорогие рестораны на пересечении трех улиц. И посмотрев вокруг, она поняла, что это не просто городская легенда, и сделала себе на память заметку подразнить Харпер относительно того, как часто та бывает в таких местах.

Алли взяла свой мартини с лимоном, второй за этот вечер, и слизнула сахар с края бокала. Крепкие напитки заходили слишком гладко. Если в желудке не будет еды, наутро ей придется заплатить немалую цену. А последнее, что ей нужно — это заявляться на работу с похмельем.

— Надо что-нибудь заказать.

Харпер сделала щедрый глоток чего-то под названием "Клубничная блондинка" и схватила с мраморного столика меню. Она пролистала маленькую кожаную папочку, игнорируя список дорогих вин и переходя сразу к разноцветным напиткам с детальными описаниями.

— О! — ее глаза расширились. — Как насчет "Удара под дых"? Водка, бренди, гранатовый ликер, свежавыжатый апельсиновый сок, свежавыжатый ананасовый сок и гранатовый сироп.

— Я имела в виду что-то, более близкое к еде, но какого черта.

Харпер вытянула шею, выглядывая официанта, с которым флиртовала весь вечер. И была ошеломлена, когда он внезапно очутился рядом.

— Могу я принести вам что-то еще, леди? — спросил он. Алли вынуждена была признать, что он выглядел прямо как куколка. Большие карие глаза в обрамлении густых ресниц, темные волосы чуть длиннее среднего и улыбка, которая заставляет тебя забыть свой заказ. По крайней мере, такой эффект он производил на Харпер.

Алли пришла ей на выручку.

— Два "Удара под дых", пожалуйста, — и как только он удалился из пределов слышимости, она подпрыгнула на месте, радуясь шансу поддразнить подругу. — Харпер Хейс потеряла дар речи. Вот уж не думала, что этот день настанет.

— О, заткнись, — проворчала Харпер. Когда она потянулась к своему бокалу, щеки ее были розовыми от румянца. — Он просто застал меня врасплох, только и всего. Пусть ему скажут не подкрадываться исподтишка, — она залпом допила коктейль и сняла с края бокала клубничку, служившую украшением. Алли почти видела, как в ее голове вертятся шестеренки, пока Харпер собиралась с мыслями. — Я дам ему свой номер, — заявила она.

Официант вернулся через несколько минут с двумя огромными стаканами "харрикейн" на подносе. Один только их размер уверил Алли в том, что коктейль оправдывает свое название, но как только она попробовала содержимое, она поняла, что у нее серьезные неприятности. Фруктовая смесь была слишком вкусной, учитывая приятное головокружение, которое она уже ощущала. Она потягивала напиток через трубочку, с изумлением наблюдая, как Харпер царапает свой номер на салфетке и сует ее в руку официанта. Алли покачала головой. Она никогда не была такой смелой, как Харпер.

Но опять-таки, день у нее прошел весьма смело.

Образы заполонили ее разум. Тело Хадсона прижимает ее к зеркалу... его теплое дыхание, согревающее шею... его пальцы, игриво дразнящие, прежде чем отбросить ее за грань...

— Так как там на самом деле обстоят дела между тобой и Мистером Красавчиком с той вечеринки? — спросила Харпер, точно прочла ее мысли.

Алли попыталась скрыть румянец за бокалом коктейля, нуждаясь в дополнительном времени, чтобы собраться и вновь отрицать какой-либо интерес к мужчине, который довел ее до оргазма сегодня во время ланча. В примерочной. В торговом центре. Боже правый. Она подняла бокал выше, чуть не отпив коктейль через край вместо трубочки.

— Он похож на тех мужчин, которые знают дорогу в постель и будут более чем счастливы устроить тебе экскурсию.

Алли поперхнулась коктейлем.

Харпер резко втянула воздух.

— О Боже мой, ты переспала с ним, — это был не вопрос, а утверждение, и Алли знала, что не было смысла отрицать. Доказательство было на ее лице, не говоря уж о залитой блузке.

Она вытерла подбородок тыльной стороной ладони.

— Давай еще погромче, Харпер. Думаю, привратник не услышал.

— Извини. Просто... Ну не знаю, ты всегда была такой сдержанной. Не из тех, кто трахается с первым встречным.

— А он не первый встречный.

Харпер не донесла бокал, ее рука зависла на полпути.

— Что, еще раз?

— Мы встретились давным-давно, еще подростками.

— Я думала, он вырос в Мичигане.

Алли выгнула бровь. Очевидно, не она одна искала информацию о мистере Чейзе.

— *Что?* — притворилась Харпер. — Мне было интересно.

— Мои родители и некоторые их друзья арендовали дома на озере Шарлево летом накануне моего отъезда в колледж. И в день своего приезда я встретила Хадсона на водном такси.

— Летний роман в яхт-клубе?

Уже чувствуя, как становится жарко и кружится голова, Алли все равно потянулась за выпивкой.

— Едва ли. Хадсон работал на пирсе. Он водил это водное такси.

— Дик и Вики не возражали, что их дочь встречается с наемным рабочим?

— Они не знали.

— Ты сумела удержать это в тайне?

Алли кивнула, потягивая коктейль через соломинку.

— Ото всех. Мы провели все лето вместе, и никто не знал. Ну, за исключением его младшего брата.

— Это так романтично, прямо как Ромео и Джульетта, — сказала Харпер.

— Ты же помнишь, что они в конце умерли, да?

Харпер нахмурилась.

— Ты поняла, что я имела в виду. Так как это началось? Он подсунул тебе записку или как?

— Записку? Seriously? — Алли покачала головой. Харпер стоило завязывать с чтением романов Николаса Спаркса.

— Да что угодно. Заканчивай историю.

— Я снова увидела его тем вечером. Мои друзья услышали о костре на одном из островных пляжей, и Хадсон тоже был там с кем-то из местных. Поначалу я подумала, что он был таким же нахальным засранцем, как и остальные. Они были ужасны. Начиналось все просто, свист, какие-то грубые комментарии за бутылкой пива. Но потом один из них начал приставать к нам. Он не принимал "нет" за ответ, начал лапать меня. Хадсон надрал ему задницу.

— Нихрена себе.

— И в итоге той ночью мы часами разговаривали, просто гуляя по пляжу, — она улыбнулась, погрузившись в воспоминания.

— Я никогда не встречала никого, похожего на него.

— Так что случилось?

— В последний раз я видела его на водном такси. Меня заставили проводить экскурсию для какого-то паренька, чей отец вел дела с моим. Хадсон все не так понял, подумал, что я предпочла ему парня из яхт-клуба.

— Так почему ты просто не объяснила ситуацию?

— Тогда я не знала, что он так подумал. Но это половина дела. Тогда на лодке были мои родители. Я так боялась, что они о нас узнают. Я думала, что если просто посмотрю на него, мама увидит меня насквозь, — Алли тяжело вздохнула. — Я полностью его игнорировала. Вела себя так, будто его не знаю.

— Ой-ей.

— Я хотела извиниться, но мне не представилось шанса. На следующий день у папы случилось какое-то ЧП на работе, и рано утром мы вернулись в Чикаго, — Алли почувствовала, как в горле встал ком. — Я больше никогда его не видела.

Харпер погрузилась.

— И вот теперь, десять лет спустя, вы опять встретились, будто это суждено, — ее мечтательное состояние, которое было не иначе как результатом чтения слишком большого количества романов, вогнало Алли в ступор.

Это не какой-то фильм с дамского канала. Это ее жизнь. Жизнь, которая, кстати, включала уже разосланные свадебные приглашения. Поздно задумываться, "а что если".

Когда Харпер наконец вышла из транса, ее лицо озарилось дьявольской улыбкой.

— Он хорош, не так ли? Ну, прямо до многократных оргазмов хорош?

— Харпер!

— Даже не пытайся отрицать. Готова поспорить на свою зарплату, этот мужчина знает, что выражение "дамы вперед" означает не только придержать дверь.

Лицо Алли пылало.

— Без комментариев.

— Он, возможно, еще и немного извращенец, — Харпер наклонилась вперед. — Он тебя связывал?

Алли в изумлении разинула рот. Вот тебе и Николас Спаркс — прямоком к 50 оттенкам.

— Мы не будем это обсуждать.

— Ой да ладно! Хотя бы скажи, что это стоило ожидания. Дерьмо, за десять лет предвкушения вы оба, должно быть, готовы были взорваться.

Алли не смогла сдержать улыбку.

— Скажем так, если бы я тогда знала, что теряю, я бы не тратила столько времени на отказы.

— Я знала это! — Харпер расплылась в широкой улыбке. — Хотя должна сказать, не думала, что ты способна спать сразу с двумя.

— Я не... — Алли понизила голос. — Я не сплю с двумя. Я не была с Джулианом с его возвращения из Нью-Йорка.

— Серьезно? Как ты удерживала Маркиза на расстоянии?

— *Джулиан*, — сказала она, подчеркивая его настоящее имя, — оставался в отеле всю неделю.

— Похоже, в последнее время он часто так делает.

— Возможно, я намекнула ему, что мои месячные пришли чуть ранее, — пробормотала Алли в бокал.

— И дай угадаю, немного крови для Мистера Чопорные Штанишки — уже проблема?

Понимая, что поправлять Харпер бессмысленно, она проигнорировала очередной титул.

— Он думает, что женщины изначально слишком эмоциональны. Не может справиться с перепадами настроения в этот период.

— Не понимаю, что ты в нем нашла, ну кроме шикарных волос.

Официант подошел к столику, не сводя взгляда с Харпер.

— Не хотели бы вы повторить? Или, возможно, заказать "Кричащий Оргазм"? — спросил он.

О. Мой. Бог. Он, должно быть, шутит. Хотя судя по тому, как Харпер строила ему глазки, эта тупая фраза для подката реально работала. И вполне неплохо.

— Только чек, пожалуйста, — сказал Алли, встретившись с нахмуренным взглядом Харпер, как только официант ушел. — Не смотри на меня так. Нам обеим завтра на работу.

— Так что ты собираешься делать?

Алли рылась в сумочке, ища бумажник.

— Заплатить по счету и запихнуть нас в такси.

— Я имею в виду, с Соблазнительным Магнатом.

Боже правый, ох уж эти прозвища! Алли открыла рот, собираясь сменить тему какой-нибудь жалкой репликой, но снова передумала. Она долго обдумывала свой ответ и в итоге просто сказала правду.

— Я не знаю, — призналась она.

И вот оно, сомнение, которое она отрицала с того момента, как Хадсон впервые поцеловал ее у себя в офисе.

Очевидно, два лимонных мартини и нечто под названием "Удар под дых" пролили свет на правду. Она почти рассмеялась над собой. Если бы только Хадсон знал. Хотя с другой стороны, он и без трех коктейлей проделал неплохую работу по преодолению ее защитных барьеров.

Внезапно Харпер посерьезнела. Это почти нервировало.

— Ты собираешься снова с ним увидеться?

— Он хочет, чтобы я пришла к нему в пентхаус завтра вечером, но я еще не решила.

— Слушай, Джулиан пробудет во Франции следующие две недели. Для тебя это прекрасная возможность во всем разобраться. Но вот тебе новость — ты не сумеешь этого сделать, пока не поймешь, что происходит между тобой и Хадсоном. Вам надо поговорить, — она приподняла бровь. — И я имею в виду не горизонтально.

Алли прикусила нижнюю губу.

— Так думаешь, стоит завтра идти?

— Я думаю, что с Джулианом все происходит слишком быстро. Ты должна быть уверена. Ты еще не вышла замуж, Алессандра, и если то сообщение хоть на что-то указывало, Герцог Полная-Хрень это знает.

Алли допила коктейль, обдумывая совет подруги. Она ненавидела признаваться себе в этом, но Харпер была права. Единственный способ двигаться вперед — это разобраться в своих чувствах к Хадсону Чейзу. Раз и навсегда.

Она уставилась на пустой стакан. Разум ее кружился от обрывочных мыслей и вопросов без ответов, но одно она знала точно — надо снова с ним увидеться.

Хадсон смотрел, как Алли ходит по его гостиной. Все его чувства обострились, руки сжались в кулаки от растущего ненасытного желания. Несмотря на страх, что она вновь разрушит его, тело ныло от жажды, вышибавшей напрочь любую мысль о самосохранении. Ему пришлось приложить все усилия, чтобы не утащить это прекрасное тело на пол и оттрахать ее, подчинившись первобытным инстинктам, сделав ее своей.

Его взгляд скользил по каждому дюйму ее тела, отмечая, как платье облегает его любимые изгибы, пока наконец не остановился на ее шее, когда Алли склонилась над пианино Fazioli. Она провела пальцами по клавишам, затем подняла голову, встречаясь взглядом с его отражением в окне. Хищник внутри него пробудился, потягиваясь, разминая мышцы с грациозной гибкостью. Он облизнул губы и лениво подошел к ней, не отрывая глаз.

— Я думал, ты никогда сюда не придешь.

Алли повернулась к нему лицом, щеки ее покраснели, а глаза сияли.

— Я не была уверена, что приду.

Он остановился прямо перед ней и убрал волосы с ее плеча.

— Ох, я на это надеялся, — Хадсон опустил голову, губами прижимаясь к изгибу ее шеи. — Если позволишь, я покажу тебе сотню способов, если не больше, — он провел носом по ее горлу к уху. — Я хочу узнать, что приносит тебе наслаждение, — его губы проследили изгиб ее подбородка и наконец зависли над ее ртом. — Позволишь мне это сделать?

Похоть пульсировала между ними. Алли схватила его за волосы, притягивая его голову ближе и соединяя их губы. С рыком скорее звериным, чем человеческим, он опустил руку на основание ее шеи, одновременно глубоко проникая языком меж ее губ, овладевая ее ртом так, как собирался овладеть ею всей, глубоко и жестко.

Он не отрицал своих желаний. Он никогда не переставал хотеть ее. Он не мог перестать. Он всего лишь запихнул свои чувства к ней в самый темный угол разума, где они перекачивались как граната с выдернутой чекой.

Хадсон прижал ее спиной к зеркальному стеклу, внизу мчался бешеный трафик Чикаго в час пик. Его ладони скользнули по ее рукам, поднимая их над головой. Одной рукой он сдерживал ее запястья, приковывая их к стеклу, а другая скользнула между ее бедер. Пальцы поглаживали ее трусики, прежде чем искусно пробраться сквозь кружево, отделявшее их от места, которое он хотел объявить своим. Только своим.

Голова Алли откинулась назад с глухим стуком, тело изогнулось, прижимаясь к его груди, когда его пальцы скользнули по ее влажной плоти, растирая влагу по ее естеству.

— Я едва тебя коснулся. Видишь, как твое тело реагирует на меня, Алессандра, — его губы почти прижимались к ее рту, обдавая жарким дыханием ее губы. — Такая влажная. Такая готовая.

Ее бедра приподнялись навстречу его чувственным поглаживаниям.

— То, что ты делаешь со мной — нечестно.

Введя в нее один палец, он почувствовал, как она беспомощно стиснула его.

— Кто говорил о честности? — он обхватил ладонью ее попку, заставляя обвить ногами свою талию. Вибрирующий стон вырвался из ее горла, когда давление ее тела заставило его член восстать в полную силу.

Хадсон запечатал ее губы властным поцелуем, словно помечая территорию, глотая ее стоны, пока их языки ласкали друг друга. Он отошел от стены, и шпилька ее туфли вонзилась ему в задницу восхитительным уколом боли. Она покачивалась на его пульсирующей эрекции, и он застонал.

Пошатнувшись, он выставил руку, опираясь на пианино. Другая его рука обвила талию Алли, и он опустил ее задницей прямо на клавиши, отреагировавшие возмущенным звуком.

— Я умираю от желания быть внутри тебя.

— Да, — сказала она, скорее выдохнув эти слова, нежели произнеся их, когда он оторвался от ее губ, лаская шею. — Сейчас, Хадсон. Я хочу тебя.

Его имя просто идеально перекатывалось на ее языке. Он задрал юбку ее платья до талии и ловко расстегнул пуговицу на ширинке. Он раздвинул ее ноги, и вид того, насколько она была влажной и открывшейся для него, заставил его член содрогнуться в преддверии оргазма.

— Хотел бы я не торопиться, но не могу, — изогнувшись в пояснице, он ворвался в нее, жестко и быстро, вжимая ее в пианино.

Алли запрокинула голову с криком:

— Да...

Он вышел из нее, напрягшись всем телом от пронзительного наслаждения, затем вновь толкнулся в нее, вращая бедрами, погружаясь еще глубже.

— Проклятье... Алли, — впившись пальцами в ее бедра, он посмотрел вниз, туда, где соединялись их тела. Он видел, как входит и выходит из нее, видел, как появляется головка его члена, перед тем, как вновь глубоко погрузиться в ее тело.

Алли извивалась под ним, отвечая на каждый властный толчок. Ее ноги начали дрожать, пальцы слепо хватались за клавиши. Дисгармоничные звуки вибрировали в ней, сплетаясь вместе со звуками его жажды, когда спазмы ее оргазма стиснули его в альтернативном ритме. Ее колени подогнулись, и Хадсон вовремя подхватил ее — она соскользнула с пианино ему на колени.

— У меня для тебя есть еще, — прохрипел он ей в губы. Все еще находясь в ней, он уложил Алли на деревянный пол. — Ты снова кончишь для меня, — с этими словами он нагнулся над ней, плавя их рты воедино, вминаясь в нее расчетливыми, безжалостными движениями.

— Я хочу чувствовать тебя, — она скользнула руками под его футболку, пробегая пальцами по мышцам, перекатывающимся под кожей.

Хадсон замедлил темп. Отодвинувшись, он сгреб в кулак ворот футболки сзади, сдернул ее через голову и отбросил в сторону. Затем вновь склонился над Алли, и она завела руки под пояс его джинсов, сжимая его двигающиеся ягодицы.

— Не останавливайся, — прошептала она, покачивая бедрами навстречу его толчкам.

— Ни за что, — он был погублен, слишком охвачен страстью, чтобы быть нежным. Хватка его пальцев в волосах усилилась, удерживая ее на месте, пока он продолжал двигаться в ней. Затем, напрягшись, оттолкнувшись от пола, он слегка перекатился, изменяя угол проникновения.

Он вновь грубо поцеловал ее, наполняя ее рот своим языком. Одной рукой обвил ее шею, другой коснулся бедер. Его движения ускорились, толчки стали более мощными, они двигались, слившись воедино на полированном полу.

— Давай, Алли, дай мне это, — сказал он, напряженно выдыхая каждое слово.

Ее бедра сжались вокруг него, когда оргазм сотряс все ее тело. Стон, вибрирующий в горле Хадсона, смешался с криками Алли, его бедра продолжали вминаться в нее.

— О Боже, Алли, — он прижался лбом к ее лицу, сильно и протяжно кончая.

Они так и лежали нос к носу, пока их дыхание не замедлилось. Мгновение спустя Алли выгнула шею, он проследил за ее взглядом и увидел, что диван возвышается над ними как стена. Она посмотрела на него и рассмеялась.

Хадсон долгим взглядом окинул пианино, затем усмехнулся Алли.

— Основательно потрахались по всей комнате, мисс Синклер.

— Прекрасное пианино. Давно играешь?

— Я не играю.

— Тогда зачем тебе пианино?

— Потому что так делают богатые люди. Покупают ненужные им вещи, — одним ловким движением он принял сидячее положение, и устроил Алли между своих ног, точно баюкая.

Она недоверчиво посмотрела на него.

— У тебя дома есть пианино Fazioli, на котором никто никогда не играл?

— Не считая твоей задницы.

Она выгнула бровь.

— Очень уж дорогое пианино, чтобы играть на нем только моей задницей.

— Стоит каждого гребаного цента.

Хадсон знал, что спал, потому что на какую-то секунду он был счастлив. А затем пистолет выстрелил. И все окрасилось красным. Весь ужас ночного кошмара развернулся перед ним как в первый раз, когда он ребенком увидел этот сон. Он упал на колени, ткань джинсов впитывала кроваво-красную жидкость, растекающуюся вокруг. Он не мог двигаться, тело точно парализовало, страх рвал его на части. Кто-то кричал.

Нет, плакал.

Заплаканное лицо Ника исказилось от ужаса, он тянул руки к Хадсону, ботинки его скрипели по полу, когда его утаскивали прочь.

Сжав руки в кулаки, Хадсон ударил ими по матрасу, просыпаясь. Дыхание прерывалось. Дерьмо, сердце так тяжело бухало в груди. Он отбросил простыни с обнаженного тела; на коленях не было ничего красного. Он подобрал руки к груди, опираясь локтями на колени, и спрятал лицо в ладони, отчаянно желая, чтобы это состояние беспомощной паники просто ушло. Но это приложение к его вине и знакомому ноющему чувству стыда вгрызлось в его кости.

Он провел руками по волосам, стирая капельки пота, скопившиеся на бровях. Затем посмотрел на пустое место рядом с собой, гадая, а не была ли Алли, затаившая дыхание, когда их тела соединились, только лишь частью сна.

Дерьмо, ему надо взять себя в руки.

Он спустил ноги с кровати, схватил серые хлопковые штаны и натянул на себя. На ходу завязывая шнурок, он направился в основную часть пентхауса и заметил Алли на кухне.

Вид ее, склонившейся перед холодильником, одетой лишь в его футболку, заставил его тяжело вздохнуть. Его подсознание все еще не обрело равновесие, но ее присутствие на кухне дало ему почву под ногами. Это было сравнимо с той интимностью, что они разделили в постели.

Алли бедром закрыла дверь холодильника из нержавеющей стали. Она повернулась, и ее лицо озарила изумительной красоты улыбка, которая тут же поблекла.

— Ты в порядке? Ты бледный как привидение, — она поставила контейнер с яйцами на стол.

Черта с два он собирался ударяться в детали путешествия по своему подсознанию.

— Ага, я в норме, — сказал он все еще сонным голосом. Он глубоко вздохнул и заставил себя улыбнуться. — Пахнет чем-то вкусненьким.

— Я готовлю завтрак, — она разбила яйцо о край миски и слегка усмехнулась. — Ну, скорее, обед.

Глаза Хадсона метнулись к электронным часам, вмонтированным в микроволновку.

— Я никогда не сплю так долго. Что-то новенькое.

Алли разбила последнее яйцо и принялась взбивать содержимое миски.

— Ну, такое случается, когда засыпаешь на рассвете.

— Или засыпаешь с тобой, — он опустил на барный стул, все еще пытаюсь избавиться от остатков цеплявшегося за него кошмара. — Ты умеешь готовить?

— Немного. Мой утренний репертуар сводится к яйцам, бекону и тостам. Не ожидай от меня блинчиков, — Алли начала открывать один шкафчик за другим, затем глянула на Хадсона через плечо. — Где тарелки?

— Слева от тебя, — он махнул рукой.

— А как насчет тебя? Умеешь управляться со своей навороченной кухней? — она открыла шкафчик слева, достав пару белых тарелок.

— Немного умею, — он нахмурился. — Я рано научился обслуживать себя, да и кому-то надо было кормить Ника.

— А твоя мама? — Алли вылила взбитые яйца на сковородку, затем взяла четыре кусочка хлеба, чтобы засунуть их в тостер.

— Она была не очень-то хозяйственной. Кроме того, обычно она работала. — Или напивалась до беспамятства. — А теперь у меня есть персонал, который занимается покупками и готовкой, оставляя мне время для... — он помедлил, медленно осматривая тело Алли, задерживаясь на ее груди, — ... более важных вещей.

Алли вскинула голову, отрываясь от яиц, жарящихся на сковородке.

— Персонал? Вчера, когда мы...

— Протрахались по всей квартире точно товарный поезд? — его губы сложились в удовлетворенную ухмылку. — Расслабься. Я дал им отгул. Подумал, ты предпочтешь такой вариант.

— Похоже, ты также подумал, что я останусь.

— Надеюсь.

Она уже открыла было рот, чтобы ответить, но передумала, покраснев.

— Бекон почти готов. Кажется, я сделала столько, что хватит накормить весь Чикаго, — Алли открыла микроволновку и нагнулась, чтобы перевернуть бекон. — Надеюсь, ты голоден.

Глаза Хадсона впились в обнажившуюся кожу меж ее бедер.

— Внезапно просто оголодал, — он поднялся на ноги и обошел барную стойку. — Без трусиков. Одобряю, — он чертовски одобрял. Его руки скользнули под футболку го изгибам ее обнаженной попки.

— За это надо вас благодарить, мистер Чейз. Полагаю, теперь мои трусики — лишь кучка разорванных кружев на полу вашей гостиной.

Хадсон широко улыбнулся ей в шею.

— Я повторю это снова, если это принесет мне желаемое, — его ладони поглаживали ее бедра, а жесткие подушечки больших пальцев потирали соски.

Она прислонилась к нему спиной, щекоча мягкими волосами его обнаженную грудь. Он накрыл ладонями ее груди, потянув за соски.

— Если продолжишь в таком духе, завтрак никогда не будет готов.

Убрав руки из-под ее футболки, он сдвинул сковородку с огня и выключил газ.

— Завтрак может подождать, — сказал он, поднимая Алли на кухонный стол и широко раздвигая ей ноги. — Я — нет.

Голова Алли покоилась на груди Хадсона, его сердце билось прямо под ее ухом, пока они оба пытались восстановить дыхание.

— Что у тебя за любовь к полу?

Низкий смешок сотряс его грудь.

— Просто пользуюсь большим количеством свободной площади.

— Я собираюсь попытаться приготовить завтрак. Снова, — она села и бросила на него предостерегающий взгляд, прежде чем натянуть его футболку через голову. — И в этот раз веди себя прилично.

— Я не слышал никаких жалоб насчет моего поведения.

Она скользнула глазами по его телу, развалившемуся на кухонном полу во всей красе. *Хмм, определенно, никаких жалоб.*

Хадсон поднял бедра, натягивая штаны обратно и прерывая ее бесстыдное любованиe. Как будто у них был шанс спокойно позавтракать. Он слегка наклонился вперед, чтобы завязать шнурок на брюках, и его пресс сложился в идеальные шесть кубиков. Алли сопротивлялась острому желанию протянуть руку и коснуться контуров его обнаженной груди, по которым блуждал ее восхищенный взгляд. *Надо. Готовить. Завтрак.* Она оторвалась от его тела, переводя взгляд на его по-мужски красивое лицо, и с губ сорвался невольный смешок.

— Что такого смешного? — спросил он.

— Ты. Твои волосы.

Хадсон пробежался рукой по своей неуправляемой шевелюре.

— С утра и так растрепанные, плюс чьи-то влюбленные пальцы. То еще сочетание, — он сверкнул широкой улыбкой, вставая и за руку поднимая Алли с пола. — Кажется, мне обещали бекон и яйца?

— Ой, бекон! — она резко развернулась и открыла духовку. — Надеюсь, тебе нравится сильно хрустящий.

— Идеально. Я нагулял аппетит.

Краем глаза она заметила, как Хадсон вытащил из шкафчика вишневого дерева простенькую кофеварку.

— Ты пользуешься ей вместо Jura? — спросила она, кивнув на последнюю модель для приготовления эспрессо, которая стоила больше трех тысяч.

— У нее есть кнопка вкл-выкл. Заливаешь воду, на выходе получаешь черный кофе. Что еще надо?

Прислонившись к стойке, Алли наблюдала, как он включил Мистера Кофе и наполнил графин водой.

— Ты не знаешь, как пользоваться той, другой, да? — спросила она, изо всех сил стараясь скрыть улыбку.

Хадсон невозмутимо уставился на нее.

— Поскольку она все равно не делает твой "капучино с двойной пенкой, не добавляйте мускатный орех", — сказал он, радостно улыбаясь, — я предпочитаю придерживаться простоты.

Пока варился кофе, Хадсон приготовил им по бокалу свежесжатого апельсинового сока.

— Чем еще могу помочь?

— Может, закинешь туда еще пару кусочков хлеба? — она кивнула на тостер. — Если, конечно, тебя не вся бытовая техника пугает так, как кофеварка.

— Очень смешно, мисс Синклер.

Они работали бок о бок. Алли взбивала яйца, Хадсон жарил тосты. Алли переворачивала бекон, Хадсон раскладывал столовые приборы. Алли спокойно ела завтрак, Хадсон сметал все с тарелки.

— Было вкусно, Алли. Спасибо, — он проглотил последний кусочек и вытер рот салфеткой. — Мне нужно сделать один звонок и... — он глянул на часы. — Черт, времени как раз на быстрый душ, — он быстро вскочил, звякнув приборами о тарелку. — Но ты не торопись, доедай.

— Я закончила, — Алли соскользнула со своего барного стула, взяла тарелку Хадсона и поставила поверх своей. — Иди, я тут приберу.

— Я извиняюсь. Постараюсь недолго. Не стесняйся, иди в душ, — он взял Алли за подбородок, приподнимая ее лицо и нежно целуя в губы. — Извини, что не смогу присоединиться. В другой раз?

— Хадсон, мне правда надо домой. У меня нет одежды.

— Ты выглядишь просто охренительно в моей рубашке, которых у меня, по счастливой случайности, целый шкаф, — он игриво шлепнул ее по попке, прежде чем вальяжной походкой удалиться из комнаты. — Кроме того, — крикнул он через плечо, — я не планирую позволять тебе долго оставаться одетой.

Прибравшись на кухне, Алли нашла дорогу в хозяйскую ванную. Темные шкафы из вишневого дерева тянулись по всей длине комнаты, тогда как по другую ее сторону две раковины с сияющими точно новая монетка смесителями разделяли стойку из черного гранита.

Над стойкой размещались еще шкафчики. Они доходили прямо до потолка, идеально обрамляя большое зеркало. Огромная квадратная ванна занимала другой конец комнаты. Она также была вмонтирована в плиту черного гранита и наполнялась от крана, торчавшего из стены. Тогда как ванна вполне могла вместить двоих, в душевую влезло бы пятеро, а то и шестеро человек. Огражденное стеклом пространство имело две душевые насадки под потолком, и дополнительные распылители воды, установленные через равные интервалы по всей высоте стены. Алли видела вполне роскошные ванные комнаты, но ни одной подобной этому. Все в ванной Хадсона было темным, мужественным и невероятно огромным. Как и сам этот мужчина.

Сбросив футболку Хадсона в корзину с грязным бельем, Алли заколола волосы повыше и вступила в душевую. Пульсирующие струи теплой воды приятно ласкали ее ноющие мышцы. Их приключения на полу, не говоря уж о трех... или четырех... раундах в постели заставили ныть такие мышцы в ее теле, о существовании которых она не догадывалась. И он не планировал давать ей долго оставаться одетой? Она задрожала, потянувшись к бруску

мыла. Разумная часть ее души утверждала, что нужно было вернуться в свой особняк и позабыть о Хадсоне Чейзе. Но все разумные мысли исчезли, когда она провела намыленными руками по своему телу. Веки опустились, и Алли представила, что это руки Хадсона касаются ее, возбуждают, скользя по грудям, вниз по животу и между бедер. Она распахнула глаза. Это вовсе не помогало.

Быстро ополоснувшись, она выключила воду и потянулась за полотенцем. Туго обмотавшись им, она подошла к зеркалу, изучая свое отражение. Не так уж плохо, учитывая, что ночью она почти не спала. Вообще-то ее щеки даже приобрели какое-то сияние. Она сняла заколку с волос, пропуская пряди между пальцами. Она могла пережить отсутствие косметики или средств ухода за волосами, но за зубную щетку убила бы. Она открыла верхний ящик и увидела зубную щетку Хадсона. О, какого черта, после всего того, что они вытворяли, какой вред от пользования одной щеткой?

Закончив, она положила ее обратно в ящик, бегло осмотрев остальное содержимое. Зубная паста, зубная нить, флакончик освежителя для дыхания, рассчитанный для путешествий. Ничего не обычного, и ничего, что говорило бы о том, что здесь постоянно останавливалась женщина. Опять-таки, он говорил о ней не как о той, что могла бы положить розовую зубную щетку рядом с его. Нет, в случае чего, он бы добавил других туалетных принадлежностей как в пятизвездочном отеле. Не раздумывая, Алли открыла высокий шкафчик слева от себя. Еще больше обычных предметов — крем для бритья, бритва, дезодорант — и все рассчитано на мужчин. Никаких тампонов, кремов для век или ароматизированных лосьонов. Она покачала головой. *Соберись, Алли.* Надо перестать вести себя, как ревнивая подружка, и найти что-нибудь из одежды.

Хадсон не преувеличивал, когда говорил, что в ее распоряжении целый шкаф рубашек.

Дюжины свежих чистых рубашек висели на плечиках над рядом темных костюмов, который тянулся от одного края гардеробной к другому. Она выбрала белую льняную рубашку на пуговицах и закатала рукава до локтей.

Рубашка села на ней как платье, но ей было не очень удобно разгуливать по квартире Хадсона без трусиков, хоть во время завтрака это привело к весьма приятному исходу. Она нашла в одном из ящиков пару боксеров и натянула на себя. Отлично. Что дальше?

Алли пришла обратно в спальню Хадсона, гадая, сколько еще он провисит на телефоне. Она присела на край кровати, взгляд сам упал на ночник. В голове эхом отдался голос Харпер. *Готова поспорить, он еще и извращенец.* Не в силах устоять, она небрежно открыла верхний ящик, готовясь к тому, что может увидеть.

Выдохнув, она едва не расхохоталась над своим поведением. Чего она ожидала, плетки и флоггера? Чтоб этой Харпер провалиться с ее безумными книгами. Хотя там, однако, была большая коробка презервативов. Алли ощутила неожиданный укол ревности, но решительно приказала себе забыть об этом. Этот мужчина определенно развлекался в женском обществе, но он поклялся, что всегда был осторожен. По крайней мере, пока дело не касалось ее. Она должна была бы с облегчением увидеть доказательство его предусмотрительности в удобной близости от кровати. Так почему мысль об этом так сильно ее беспокоила?

Ее взгляд блуждал по комнате и наткнулся на дверь, которой она раньше не замечала. Движимая любопытством, она открыла ее и обнаружила полностью оснащенную мини-кухню, примыкавшую к офису Хадсона. Как и спальня, офис был выполнен в темных тонах с массивной мебелью. Стол из полированного красного дерева стоял перед мраморным камином и двумя удобными креслами, а оставшиеся три стены занимали книжные шкафы

высотой под самый потолок.

Хадсон сидел в черном кожаном кресле лицом к умопомрачительному виду на Норд Мичиган Авеню. И Алли получила возможность понаблюдать со спины за генеральным директором за работой. Она определенно была знакома с влиятельными мужчинами, вращалась в их обществе всю жизнь, но слушая его, она понимала, что в Хадсоне Чейзе было нечто иное. Дело было не столько в словах, которые он произносил — она наслушалась разговоров о слияниях, дедлайнах и приказах прекратить — но в том, как он их произносил.

Когда Хадсон отдавал приказ, это делалось с решительностью, не подлежащей обсуждению. Как будто человек на другом конце провода не имел другого выхода, кроме как в точности следовать приказу. И дело было в том, как Хадсон себя преподносил. Да, он был великолепным, утонченным и, безусловно, сексуальным. Но это то, что видишь на поверхности. Алли знала новую версию Хадсона лишь пару недель, но уже могла сказать, что там было нечто более глубокое, даже более темное, что внушало уважение любому, кто с ним встречался.

Он повернулся в кресле, встречаясь с ней глазами, провожая взглядом каждое ее движение, когда она медленно пересекла комнату и обошла его стол. Она впитывала его образ с головы до пят. Голые ступни, волосы, все еще влажные после душа. Он выглядел небрежно расслабленным в джинсах и сером кашемировом свитере — полная противоположность человеку, отдававшим приказы по телефону.

Хадсон потянулся к ней, провел рукой по ее голому бедру, его глаза сверкнули, когда он понял, что она надела его боксеры. Он усмехнулся и покачал головой. Зажав телефон между плечом и ухом, он наклонился вперед и сдернул белье вниз по ее ногам. Она наблюдала за ним с растущим восхищением, созерцая одновременно игривого любовника и властного руководителя. И это сочетание захватывало дух.

Его рука скользнула вверх по внутренней стороне бедер Алли, пальцы дразнили ее, поглаживая шелковистые складочки. Она подавила стон, когда один палец, а за ним и другой нырнул внутрь и тут же вышел обратно, снова и снова. Не отводя от нее взгляда, он убрал руку и поднес ее ко рту, облизывая пальцы. Алли бесшумно вздохнула. Его глаза дьявольски сверкнули, когда он ответил кому-то по телефону:

— Я хочу, чтобы эти цифры были удвоены к концу следующей недели.

О, так вот какую игру он ведет? Алли расценила его самодовольную ухмылку как вызов. Возбуждшись и желая большего, чем беглое прикосновение его пальцев, она забралась ему на колени. Ее ноги едва доставали до пола, когда она оседлала его. Она потянулась к пуговице его джинсов и поиграла с ней, ища на его лице реакцию. Глаза его потемнели, давая ей то самое поощрение, в котором она нуждалась, чтобы расстегнуть ширинку и освободить его эрекцию.

Алли не разрывала зрительного контакта, устраиваясь на его толстой длине. Хадсон с трудом сглотнул, наблюдая, как она вцепилась в спинку кожаного кресла и опустилась на него, приятно, дюйм за дюймом. Чувство наполненности, которое он ей дарил, было невероятным, и ей пришлось сдержаться и не застонать от сладкого вторжения.

Упираясь в спинку кресла, она поднималась и опускалась медленными плавными движениями. Хадсон едва не зашипел и схватил ее за талию. Он пытался удержать ее на месте, но она покачивала бедрами, скача на нем и бесшумно раскачивая кресло. Вверх — вниз. Снова и снова. Он бросил взгляд вниз, туда, где соединялись их тела, стараясь сохранить хладнокровие и ровный тон голоса, тогда как она пыталась его размеренными

ударами.

— Сообщите мне в понедельник, — выдавил он сквозь зубы и буквально швырнул телефон в гнездо. — Проклятье, Алли, — он застонал и захватил ее рот в яростной нужде, быстрые движения его языка обжигали. Руки его распластались на ее талии, он раскачивал ее в мощном и властном ритме.

Обхватив лицо Хадсона ладонями, Алли накрыла его губы своими, пока он продолжал насаживать ее на себя. Ее руки пробежались по его волосам, и она закричала ему в рот, стискивая его внутри, когда ее накрыл мощный оргазм. В его горле завибрировал стон, смешавшийся с ее криками, и его бедра резко вскинулись, содрогаясь в спазмах освобождения.

Алли рухнула на грудь Хадсона во второй раз за последние несколько часов. Она так и лежала довольно долго, пока вновь не обрела способность говорить.

— Извини, что прервала твой звонок, — сказала она, все еще задыхаясь.

— Не извиняйся, — он зарылся носом в ее волосы. — Можешь забираться на меня вот так в любое время.

Смутившись, Алли подняла голову.

— Что?

— То, что ты только что сделала. Всегда рад такому вторжению. Даже поощряю.

— Ты закончил?

Он сверкнул похотливой улыбкой.

— Да уж несколько минут как закончил.

— Нет, — она закатила глаза. — Я имею в виду, ты закончил с работой?

— Я весь твой, — Хадсон провел ладонью по изгибу ее шеи. Кончиком пальца он поглаживал ее щеку, глаза горели искренностью. — Значит ли это, что ты решила остаться?

Она знала, что этого не стоило делать — это только усложнит все в конце — но похоже была не в состоянии ему в чем-то отказать. Прикусив губу, она едва заметно, робко кивнула.

— Хорошо. Чем бы ты хотела заняться? Я знаю, чем бы хотел заняться я, и раз уж несколько минут прошло... — Хадсон напряг бедра, дразня ее своим уже вновь затвердевшим членом.

— Дай девушке перевести дыхание, — сказала она, хихикнув. Играя с его волосами у основания шеи, она обдумывала варианты. — А чем бы ты занялся, не будь меня здесь?

— Работал бы, — прозаично ответил он. — А ты?

Она пожала плечами.

— По магазинам пошла бы, или в кино.

— Ну, ты уже сходила за *покупками* в мой шкаф, — он зацепил пальцем вырез позаимствованного платья-рубашки. — Зато у меня есть домашний кинотеатр. Кино?

— Мы никогда не смотрели кино вместе.

Хадсон нахмурился.

— Тогда я не мог позволить себе билеты.

— Ну, значит, вот он, твой шанс, — Алли быстро чмокнула Хадсона в уголок губ и слезла с его колен. — Если повезет, может, я даже разрешу тебе держать меня за руку.

— Держать тебя за руку? О, мисс Синклер, я планирую куда больше, чем просто держать вас за руку.

Алли последовала за Хадсоном на второй этаж его пентхауса. Когда они поднялись по лестнице, у нее создалось впечатление, будто она смотрит на галерею в музее искусств. Она умирала от желания поближе рассмотреть огромные полотна, развешанные по обеим сторонам затемненного коридора, ей было любопытно, какие работы Хадсон выбрал для украшения своего дома, но он остановился у первой же двери, открывая ее и жестом приглашая войти внутрь.

И как только она это сделала, дюжина светильников в стиле арт-деко пробудились к жизни, освещая пять рядов огромных кожаных кресел. Большие динамики замаскированы в темно-бордовых стенах, с обеих сторон от экрана висели тяжелые бархатные шторы. Все это так напоминало золотую эру кино, что Алли наполовину ожидала обнаружить позади себя золоченый балкон. Но вместо этого нашла там Хадсона, стоящего у мини-кухни, занимавшей всю ширину задней стены.

— Хочешь попкорна? — спросил он, указывая на профессиональную попкорн-машину, самую по себе уже почти произведение искусства.

Она скептически выгнула бровь.

— Ты знаешь, как этим пользоваться?

Хадсон нахмурился.

— Нет, но я могу сделать так, — он протянул руку, открыл шкафчик и вытащил пачку попкорна для микроволновки. Вид его — такого сильного и властного, и все же совершенного сбитого с толку высокотехнологичными и дорогостоящими приборами — был столь забавен, что ей пришлось сжать губы, чтобы сдержать улыбку.

— Или, возможно, я сумею заинтересовать тебя сладостями?

Когда он открыл следующий шкафчик, ее глаза расширились. Sno-Caps*(8), Twizzlers*(9), Skittles, Junior Mints*(10). И список продолжался и продолжался. Кинотеатр Хадсона по ассортименту сладостей мог соперничать с любым Киноплексом. Алли пожевала нижнюю губу, обдумывая выбор.

— С Swedish Fish*(11) не прогадаешь, — наконец, сказала она.

Хадсон широко улыбнулся и схватил одну из ярко-желтых пачек.

— Одна из любимых сладостей Ника, — забрав iPad с зарядки, он взял ее за руку и повел по укрытому ковром проходу между рядами стульев. Как только они устроились, он провел пальцем по экрану, открывая доступ к внушительной фильмотеке.

— Что хочешь посмотреть?

— Мне все равно, — сказала она, уже разрывая обертку конфет. — Выбирай ты.

— Пираты Карибского моря? Если память меня не подводит память, ты его хотела посмотреть тем летом.

Он ткнул на иконку с изображением Джека Воробья и усмехнулся.

— Тащилась по Джонни Джеппу вроде бы.

Алли разинула рот.

— Ничего я не тащила!

Он выдержал ее взгляд, дразня ее улыбкой "ты попалась", пока ее щеки не зарделись.

Она опустила подбородок и пробормотала, выуживая конфетку из пакетика:

— И вообще, это был Орландо Блум.

Хадсон хихикнул, нажимая на "Воспроизвести". Нажатием на другую кнопку он погасил свет.

— Без разницы, все равно час и сорок три минуты в темноте, — он положил iPad на свободное сидение рядом и наклонился к Алли. Его голос превратился в низкий шепот. — Знаешь, я бы стал обжиматься с тобой, как только выключили свет.

— Ты хочешь сказать, *попытался* бы со мной обжиматься.

— И мне удалось бы это.

— Ш-ш, — шикнула она него. — Начинается.

К тому времени как Элизабет Свон завопила "Переговоры", Хадсон преувеличенно зевнул. Он потянулся, высоко подняв руки над головой, а когда стал их опускать, умудрился одной рукой непринужденно обнять Алли. Она покосилась на его ладонь на своем плече, слегка улыбнувшись, и запихнула в рот еще одну конфетку.

Несколько минут спустя ладонь Хадсона пододвинулась к ее груди. Не отрывая глаз от экрана, Алли взяла его руку и сдержанно переложила обратно на плечо. Но даже глядя на экран, она краем глаза заметила его веселую улыбку. Очевидно, он принадлежал к тем мужчинам, которым нравится вызов, и что-то ей подсказывало, что он только что заявил начало игры.

И действительно, по прошествии еще нескольких минут его рука снова начала путешествовать. Но в этот раз он остановился на полпути и подождал. Краем глаза он наблюдал за ней, и поскольку она не выказала протеста, медленно вытянул один палец, плавно обводя вокруг упругой вершинки ее груди.

Алли сохраняла невозмутимость, просто накрыв его руку своей и передвинув обратно на плечо.

Хадсон склонился ближе, позволив губам скользнуть по ее шее.

— Я знаю, что ты делаешь, — прошептал он ей на ухо, царапая зубами мочку уха.

Все еще не отрываясь от экрана, Алли наклонила голову чуть ближе к нему.

— Понятия не имею, о чем ты.

Его язык обвел раковинку ее уха.

— Ладно. Если тебе хочется поиграть.

Алли почувствовала, как костяшки другой его руки погладили ее обнаженную кожу чуть повыше колена. Она опустила взгляд и увидела, как ткань позаимствованной рубашки задирается все выше, движимая его широкой ладонью, которая медленно забиралась меж ее бедер. Ее дыхание прервалось, и все же, как подобает хорошей девочке, она сжала бедра, чтобы помешать ему.

Хадсон застонал в знак протеста, посасывая чувствительную кожу позади ее ушка. Он абсолютно сводил ее с ума — полизывая, посасывая, пощипывая — но она твердо решила не поддаваться на его заигрывания.

Кино было возможностью насладиться тем, чего им не представилось шанса испытать в прошлом.

Семнадцатилетняя Алли ни за что бы не позволила девятнадцатилетнему Хадсону

лапать ее в кинотеатре.

Но он чертовски хорошо пытался.

Его рука в считанные минуты вновь оказалась на ее колене, оставляя за собой след из мурашек, когда его пальцы прослеживали край подола льняной рубашки. Легкие точно перышко касания, туда-обратно. Туда-обратно.

— Хадсон, — его имя получилось хриплым шепотом.

— Да, Алли?

— Я хочу...

Он улыбнулся, и она кожей шеи ощутила касание его жесткой щетины.

— Хочешь чего?

— Попкорна.

Губы и руки Хадсона застыли. Он поднял голову, и от выражения его лица ей пришлось прикусить щеку изнутри, чтобы не рассмеяться. Спустя несколько мгновений пришибленного шока он встал, выругавшись себе под нос, поправляя эрекцию, столь очевидно выпирающую под ширинкой джинсов. Алли подождала, пока не раздался звук открывающихся шкафчиков, и украдкой глянула через плечо сквозь щель между креслами. В подрагивающем свете экрана она увидела, как он разорвал пластиковую обертку попкорна, закинул пакет в микроволновку и ткнул на пару кнопок. Ждал он нетерпеливо, пробежал рукой по волосам, а затем склонился, наблюдая за вращающейся тарелкой через стекло. Он распахнул дверцу микроволновки одновременно со звуковым сигналом.

— Дерьмо! — он бросит дымящийся пакет на стол и потряс рукой. — Проклятье!

Алли зажала рот рукой, чтобы сдержать смешок. Она увидела, как Хадсон взял ненавистный пакет салфеткой, и тут же выпрямилась на сиденье, чтобы не быть пойманной. Он уже почти дошел до их ряда, но тут же развернулся и ушел обратно к мини-кухне.

Она услышала, как открылся и закрылся холодильник, и секунду спустя Хадсон оказался рядом.

— Догадываюсь, чего ты попросишь следующим, — сказал он, протягивая баночку диетической Кока-колы.

Она взяла у него баночку, искренне обеспокоенная, но не в состоянии сдержать улыбку.

— Ты в порядке?

— Ничего такого, чего не исправила бы пересадка кожи, — проворчал он, открывая пакет и предлагая ей попкорн.

Алли взяла себе горсть, затем вновь сосредоточилась на экране, как раз чтобы увидеть одну из любимых сцен с красавчиком Уиллом Тернером.

— Не вижу, в чем тут очарование, — сказал Хадсон.

Она закатила глаза и снова потянулась к попкорну.

— Ты парень, тебе не понять.

— А ты попытайся. Дело в кожаных штанах, не так ли?

Алли резко посмотрела на него:

— А что, у тебя есть такие?

Он широко улыбнулся.

— Нет, но считай, что закажу в первую очередь.

Его рука вновь обвила плечи Алли, только на сей раз она прижалась к нему ближе. На протяжении следующих двух часов Алли наблюдала сражения на мечях между пиратами и скелетами, тогда как Хадсон продолжал свои эротические поползновения. Шаг вперед, два

шага назад. Он не сдавался, а она наслаждалась каждой минутой. И как только пошли титры, ее затащили на колени. Его рот нашел ее губы, он яростно впился в них поцелуем. Как будто нуждался в этом. Как будто минувшие 143 минуты были самыми длинными в его жизни. И, несмотря на свою игру, она ответила на поцелуй.

Ее пальцы запутались в его волосах, притягивая его ближе, когда он углубил поцелуй. Рука его скользнула по ее обнаженному бедру, и она почувствовала, как в нее сзади вжимается его эрекция. Он схватил ее за талию, устраивая так, чтобы она оседлала его, и изогнув бедра, вжался меж ее бедер. О да, вот так...

Его губы опустились ниже, покусывая ее шею, и она позволила голове запрокинуться, издавая сладкий стон, когда он вновь приподнял бедра. Она закрыла глаза, наслаждаясь приятными фрикциями, пока он терся об нее сквозь поношенный деним джинсов. Если он так и дальше продолжит, она в считанные секунды потянется к его ширинке. Это было бы так просто. Пара расстегнутых пуговиц, слегка изогнуть бедра...

— Хадсон?

— Хмм? — ответил он, не отрываясь от ее кожи.

— Что на ужин?

Он поднял голову.

— Ужин? Сейчас?

— Да, — она изо всех сил старалась сохранить спокойное выражение лица. — Походы в кино обычно включают ужин.

— Боже, женщина, ты заставляешь мои яйца синеть сильнее, чем десять лет назад, — он сверкнул обнаженной улыбкой, которая сделала его точь-в-точь тем возбужденным подростком, которого она помнила. — Мы можем поесть в постели?

Она засмеялась.

— В постели? На первом свидании?

Звук, который он издал, был наполовину звериным.

— Это далеко не первое свидание, Алли.

Снимая ее с колен, он полез в карман джинсов и вытащил телефон.

— Кому звонишь?

— В любое место, которое доставит еду за полчаса или быстрее.

*(8) Маленькие полусладкие шоколадные конфетки с хрустящей посыпкой.

*(9) Лакричные конфеты.

*(10) Мятные шарики в глазури из темного шоколада.

*(11) Жевательный мармелад в виде рыбок

Алли не могла припомнить, когда в последний раз ела пиццу на ужин. Она вытащила из картонной коробки второй кусок и откусила. Ммм, вкусно. Ее глаза на мгновение закрылись, а когда она вновь подняла веки, то увидела, что Хадсон смотрит на нее, слегка приподняв бровь.

— Ни салфеток, ни тарелок, ни столовых приборов? Когда ты успела стать одной из тех, кто ест прямо из коробки?

— Ты забыл наши пикники после окончания твоей смены? — до встречи с Хадсоном Алли никогда не ела жирную еду на вынос прямо из коробок. На самом деле, с ним она делала много того, что выходило за ее пределы нормального. И все же это казалось правильным.

— Это было давно.

На мгновение между ними повисла тишина.

— А что насчет тебя? Когда ты успел стать одним из тех, кто каждый день носит костюм и галстук?

Хадсон потянулся за почти пустой бутылкой мерло и разлил остатки по их бокалам.

— Я им все еще не стал, но Уолл Стрит продолжает оценивать успешность по способности душить себя галстуком за пять сотен долларов, — он оперся на спинку барного стула и сделал глоток вина. — Все это часть стратегически важной и хорошо продуманной игры.

— В которую ты, очевидно, неплохо играешь. Это место потрясающе. Поверить не могу, что у тебя наверху кинотеатр, — она прищурилась, поднимая свой бокал. — Что еще ты там прячешь за закрытыми дверьми?

Хадсон склонился ближе, с проблеском греха в глазах, и запечатлел на ее губах поцелуй.

— Доедай, и я тебе покажу

Когда они закончили есть, Алли последовала за ним в фойе.

— Кабинет ты уже видела, как и мою спальную, — он усмехнулся, жестом указывая на разделяющуюся надвое лестницу. — Внизу гостевые комнаты, спортзал и комнаты для персонала. Но те, что наверху — мои любимые.

Она взяла его предложенную руку, и он повел ее наверх, по той же лестнице, по какой они поднимались в кинотеатр. Только в этот раз они продолжили идти по широкому коридору, и она получила возможность как следует изучить картины, которыми заинтересовалась ранее. Полотна оказались смелыми и красочными абстракциями с жирными текстурными мазками, некоторые из них она определенно когда-то видела в Институте Искусств. Миновав половину коридора, Хадсон остановился у резных деревянных дверей по меньшей мере в десять футов высотой.

— Это, — сказал он, открывая их толчков, — был офис Хефнера.

От открывшегося вида у Алли перехватило дыхание. Потолок взмывал вверх на

пятнадцать футов и обладал тщательно продуманным дизайном; стены со встроенными панелями из красного дерева; деревянный паркет "елочкой", отполированный до идеального блеска; камин из известняка, окруженный кожаными креслами; и бархатные занавески, обрамлявшие французские двери, которые вели на каменную террасу с пальмами в горшках. Вся комната выглядела так же, как и в своем оригинальном состоянии в 1920-е. Как будто она из современного здания шагнула на страницы "Великого Гэтсби". Она была столь очарована окружениями, что на осмысление слов Хадсона ушло несколько мгновений.

— Погоди, ты сказал, офис Хефнера?

Он кивнул.

— Полностью отреставрированный.

— Что... как?

— Когда он запускал журнал в пятидесятые, это было его офисом. Несколько лет спустя он открыл здесь свой первый клуб.

Алли разинула рот.

— Ты живешь в клубе Плейбой?

— Да. Интересует костюм зайчишки, мисс Синклер?

Она улыбнулась с напускной скромностью.

— Это ваша фантазия, мистер Чейз?

— Вторая после золотого бикини принцессы Леи, — он одарил ее останавливающей-сердце-и-спускающей-трусички улыбкой, и в этот момент она была уверена — он сумеет уговорить ее надеть это, если это будет означать, что его губы и руки будут касаться ее тела.

— Идем, — сказал он, точно прочитав ее мысль. — Это еще не все.

Он провел ее в самый конец коридора к еще одним двойным дверям.

— Это моя самая любимая комната, — Алли не могла придумать ничего, что переплюнуло бы комнату, которую она только что увидела. Но затем Хадсон распахнул двери, и она поняла, что ошибалась. — Игровая комната, — сказал он.

Алли присвистнула.

— У тебя тут прямо-таки холостяцкая берлога.

Как и предыдущая, эта комната была оформлена в теплых, насыщенных тонах. Темные консольные балки образовывали сводчатый потолок, через каждые шесть футов или около того заканчиваясь стропильными фермами, переходящими в стены с окнами от пола до потолка. Пол из керамического камня был покрыт толстыми восточными коврами, а в центре комнаты стоял огромный бильярдный стол. Алли провела рукой по красному сукну стола, восхищаясь замысловатыми фасками на светильнике янтарного цвета.

— Когда Ника нет, этой комнатой практически никто не пользуется.

Она удивленно посмотрела на него.

— Если я дома, я работаю, — его губы изогнулись в понимающей улыбке. — За исключением этих выходных.

Хадсон прислонился бедрами к бильярдному столу, небрежно скрестив руки на груди и наблюдая, как Алли осматривает остальное пространство комнаты. Она улыбнулась ему и вновь переключила внимание на бар из красного дерева. Плоский телевизор висел на выложенной камнем стене за баром, рядом со стеклянным стеллажом с запасом первоклассного спиртного, которого какой-нибудь забегаловке хватило бы на целые выходные. Перед баром лицом друг к другу стояли два длинных мягких кожаных дивана, а на противоположной стене висела доска для дартса, достойная любого ирландского паба. С ее

губ слетел смешок, когда она вспомнила паренька, пытавшегося произвести на нее впечатление игрой в дартс за братишку.

— Что тебя рассмешило, Алессандра?

— Я просто вспомнила ту игру в дартс на карнавале. И то выражение на твоем лице, когда тебе приходилось отдавать очередной доллар, — она снова хихикнула. В ту ночь Хадсон, должно быть, потратил чаевые за целую неделю.

— Думаешь, ты смогла бы лучше? — спросил он, отталкиваясь от бильярдного стола и неспешно подходя к ней.

Алли одарила его дразнящей улыбкой.

— Ну, думаю, я смогла бы лопнуть те три зеленых шарика менее чем за час, это уж точно.

Хадсон склонил голову набок.

— Меньше чем за час, да? — это был риторический вопрос, над которым он на мгновение задумался, а затем подошел к доске и достал шесть дротиков.

— Сыграем в 501? — он усмехнулся, подходя ближе и протягивая ей три дротика перышками вперед. — И тебе даже не придется побивать мой рекорд менее чем за час.

Она вздернула подбородок, встречаясь с ним взглядом и принимая дротики.

— Вызов принят.

В глазах его сверкнуло веселье. Он улыбнулся, засунул свои дротики в задний карман джинсов и направился к бару.

— Хочешь бокал вина? Могу открыть бутылочку.

— Пытаешься меня напоить? Скомпрометировать мои способности, возможно?

— Просто стараюсь быть гостеприимным, — он притворился вежливым, но она-то знала, что это было лишь притворство. Если что она и знала о современном Хадсоне Чейзе, так это то, что он пойдет на что угодно, дабы получить желаемое. Но ему еще предстояло узнать, что он не единственный, кто нацелен на победу.

— Я буду бутылку того, что у тебя есть.

Брови Хадсона взметнулись вверх.

— Хм, да ты полна сюрпризов, не так ли? — он дернул за стеклянную дверь холодильника, открывая ряды пива всевозможных сортов, и взял два Heineken. — Тебе в стакан? — спросил он, с хлопком открывая зеленые бутылки.

— Неа, из бутылки нормально. Может, включишь какую-нибудь музыку?

— А сосредоточиться тебе она не мешает?

Алли видела, что Хадсон старается сдержать улыбку. *Посмотрим, кто будет смеяться последним.*

— Ценю твою заботу, но, думаю, я справлюсь.

— U2 подойдет?

— Идеально.

Он потянулся за пультом управления, и мгновение спустя комнату наполнило "Mysterious Ways". Она наблюдала, как он приближается. Соблазнительный ритм музыки и завораживающая развязность его походки бомбардировали чувства Алли. И к тому моменту, как он очутился прямо перед ней, она совершенно потеряла ход мыслей. Он протянул ей бутылку, и она сделала большой глоток.

Хадсон жестом указал на доску для дартса.

— Дамы вперед.

Алли едва не поперхнулась, вспомнив ну-очень-тактичное упоминание этой фразы Харпер. Вытерев рот, она поставила пиво на барную стойку и заняла место перед доской.

Она устойчиво встала и подняла локоть, чтобы прицелиться, но тут Хадсон подошел к ней сзади и обвил талию рукой.

— О нет, детка, отсюда, — сказал он, оттаскивая ее подальше.

Алли не могла сказать точно, но подозревала, что он оттащил ее куда дальше положенного расстояния. Ее губы сложились в дьявольскую ухмылку. Возможно, она даст ему повод кое-что обдумать во время его первого броска, немного уравнив условия игры. Ее бедра качнулись в хватке его рук, она двигалась в ритме музыки.

Хадсон застонал.

— Продолжай в том же духе, и это будет очень короткая партия, — он быстро шлепнул ее по заднице, обошел бар и опустился на один из обитых кожей стульев.

Алли снова приняла нужную позу. Приподняв правую руку, она бросила дротик плавным движением и расплылась в широкой улыбке, когда он угодил во внутренний круг десятки. Следующие два дротика она бросила быстро и с успехом. Один попал в наружное кольцо восьмерки, а другой — в девятку.

— Кажется, у меня пятьдесят пять очков, мистер Чейз, — она отошла в сторону, уступая ему очередь и забирая свои дротики с доски.

— Хорошая работа, — Хадсон отпил пива и поставил бутылку на барную стойку.

— Спасибо, — она подождала, пока он встанет перед доской, и продолжила. — Все дело в пальцах, знаешь ли.

Он поднял руку, но глаза его остались прикованы к ее рукам. Она рассеянно покручивала дротик между кончиками пальцев. Взгляд его вспыхнул и сконцентрировался на доске.

— В том, как держишь ствол, — добавила она, когда он начал бросать.

Дротик выскользнул из его руки, небрежно приземлившись на двойку. Хадсон повернулся к ней, выгнув бровь.

— Мы проверим эту теорию позже, на наглядном примере, — реабилитируясь, он бросил два оставшихся дротика с большим успехом, угодив одним в пятнадцать, а другим — во внешнее кольцо шестерки.

— Двадцать девять очков, — сказал он, резко выдергивая дротики из доски. — Твоя очередь.

Алли наслаждалась каждой секундой его мучений, и когда следующие броски угодили во внутреннее кольцо пятерки, прямо в тройку и в яблочко, она едва сдержалась, чтобы не исполнить победный танец. И все же хлопнула в ладошки, улыбнувшись как дурочка.

— Да! — завопила она. — 68 очков.

— Удачный бросок, — пробормотал он, когда она проплыла мимо.

Она вытащила два дротика и помедлила, оставив тот, что попал в центр мишени.

Оглянувшись через плечо, она невинно глянула на Хадсона.

— Хочешь его достать? Видишь, как выглядит попадание в яблочко?

Хадсон встал в позицию.

— Наслаждайся. Он может быть последним.

Алли прислонилась к барной стойке, потягивая пиво и на мгновение просто наслаждаясь видом. Ничто не сравнится с созерцанием задницы Хадсона Чейза в обтягивающих джинсах... ну разве что его голая задница... сокращающиеся мышцы... ее

шпильки, подталкивающие его еще глубже...

— Нравится? — спросил он.

Она вскинула голову, увидела, что он улыбается точно чеширский кот, и тут же покраснела. Проигнорировав вопрос, она обратила внимание на доску, где дротик Хадсона воткнулся в наружную двадцатку. Перед следующим броском она услышала низкий смешок. Дротик воткнулся в наружную пятнадцать, и за ним тут же последовал третий, приземлившись на восьмерку.

— Сто два, — объявил он. — Все дело в том, чтобы не дергаться в момент освобождения, а следовать дальше.

Алли усмехнулась.

— О, не беспокойся, я и не мечтала о том, чтобы дергаться в момент освобождения.

Хадсон улыбнулся краешком рта и покачал головой.

— Хорошая работа, между прочим, — она прибавила его результат к мысленному счету их партии. — Хотя я все еще веду.

Она подняла локоть, готовясь к броску, когда он очутился позади нее.

— Ненамного, — его руки скользнули по ее бедрам, а затем между ног, расставляя их шире. — Раздвинь их для меня, — прошептал он. Дыхание сбилось, и она ощутила виском его улыбку. — Вот так, девочка, теперь ты в правильной позе.

Жесткий бугор его возбуждения вжался в нее сзади, и Алли почувствовала жар, хлынувший между ног.

Она хотела толкнуться назад, вжаться в него, но он отошел.

— Когда ты будешь готова, — сказал он.

Она подняла руку, ненароком перенося вес на одну ногу и опуская плечо. Дротик описал дугу и воткнулся так слабо, что едва удержался на доске. Алли нахмурилась, созерцая жалкие три очка.

— Кажется, у тебя небольшие проблемы с балансом.

— Да ладно? И почему же?

— Попробуй расслабить ноги.

Она выгнула бровь.

— Не думаю, что проблема была в моей позе.

— Спорно, мисс Синклер. Но в любом случае, не вижу, в чем здесь моя вина.

— Если бы ты вел себя прилично, я бы тебя с закрытыми глазами уделала.

— Вот как? — Хадсон скривил губы, задумавшись. — Подожди минутку, — сообщил он, выходя из комнаты, и несколько минут спустя вернулся с чем-то вроде маски для сна в самолете. Подойдя ближе, он оттянул эластичную повязку и надел маску ей на голову.

Засмеявшись, Алли сделала шаг назад.

— Это было образное выражение.

— Боишься вызова?

Она закатила глаза, но не выказала дальнейших возражений, поэтому он опустил маску на глаза. Мгновенно стало темно, затем его руки опустились на ее плечи, разворачивая ее.

— Я даже разверну тебя в нужном направлении, — сказал Хадсон.

Сделав два броска, она услышала, как дротики стукнулись о стену и упали на пол.

— Я не очень хорошо знаю правила, Алессандра. За попадание в пол вычитаются очки?

Она слышала в его голосе нотки самодовольства и веселья.

— Ладно, ты доказал свое. Теперь мы можем вернуться к нормальной игре? — желая

положить конец бессмысленным упражнениям, она потянулась к краю маски.

— Подожди, — сказал он. Ее рука застыла в воздухе. Внезапно Хадсон вновь очутился позади нее, а его губы — возле ее уха. — Оставь ее.

— Оставить? — с чего бы ему вообще завязывать ей глаза? Ох...

— Я хочу, чтобы мы перешли на следующую стадию, — его низкий голос был полон темных обещаний. — Ты позволишь мне это, Алли?

Во рту пересохло, и она тяжело сглотнула. Когда она заговорила, получился лишь шепот: — Ладно.

— Хорошо. Не двигайся.

Алли услышала шаги, затем скрип двери. И потом ничего. Она слышала лишь шум собственной крови в ушах. Когда перестала играть музыка? Она глубоко вздохнула, пытаясь успокоить прерывистое дыхание и ожидая. И ожидая. Она ерзала, гадая, где он так задержался. Но что еще важнее, что он с ней собирался делать? *Возможно, он слегка извращенец.* Дрожь от неизвестности пробежала по ее телу от слов Харпер, всплывших в голове.

Позади нее захлопнулась дверь, и она подпрыгнула. Хадсон находился в комнате. Она не могла видеть, но ощущала его присутствие. От этого кожу покалывало. Стереосистема вновь ожила, и через несколько мгновений из динамиков прямо над ней полился гипнотический ритм U2 — *Moment of Surrender*. Она напряженно вслушивалась, пытаясь различить, где он, что он делает. Неопределенность сводила ее с ума.

Что-то отбросило ее волосы на сторону, и ее голова дернулась. Его кончики пальцев — нет, губы — коснулись плеча, затем шеи.

— Я не дам тебе большего, с чем ты могла бы справиться, — от его слов по венам пронеслась смесь тревоги и возбуждения. — Если будет слишком, просто скажи мне остановиться. Понимаешь, Алли?

Ее сердце грохотало в предвкушении.

— Да.

— Тогда давай для начала тебя разденем, — его пальцы прошли по пуговкам рубашки, расстегивая каждую из них с мучительной медлительностью. Наконец, закончив, Хадсон стянул рубашку с ее плеч и отбросил в сторону. Кончиками пальцев он обвел края чашечек лифчика, и она задрожала. Соски затвердели под белым кружевом, желая его прикосновений, но он проигнорировал их, оставив в плену грубой ткани.

— Я уже снимал их, — сказал он, большими пальцами подцепляя резинку позаимствованных ею боксеров. Она почувствовала, как он опустился перед ней на колени, сдергивая трусы по ногам. — Не заставляй меня делать это снова.

Потянувшись вслепую, Алли оперлась на его плечо, и он поднял сначала одну ее ногу, затем другую.

— Я хочу, чтобы ты была готова для меня в любой момент, — Хадсон схватил ее обеими руками за ноги и дернул ближе к себе. Она задохнулась, когда он ткнулся носом в бугорок между ее бедер и глубоко вздохнул. — Повернись.

Она немедленно подчинилась и почувствовала, как он провел костяшками пальцев по всему позвоночнику. Каждый нерв в ее теле словно напрягся, внимая. Он расстегнул ее лифчик, затем позволил пальцам скользнуть по ее плечам, оставляя после себя след из мурашек, и спустил бретельки вниз.

Повязка, может, и не давала Алли видеть его, но остальные органы чувств остро

ощущали, как он вжался в нее сзади. Звук его дыхания, запах его кожи, жар, исходящий от его тела. Все это стало еще отчетливее.

Хадсон забрал ее волосы в кулак на затылке и потянул. Склонив ее голову набок, он провел языком по открывшемуся участку шеи и мягко поцеловал за ушком.

— Я хочу, чтобы ты думала лишь о том, что я с тобой делаю, — прошептал он пылко и страстно. — Чувствуй лишь меня.

Все ниже талии напряглось от нужды, волна похоти и желания накрыла ее тело.

— Ты доверяешь мне? — спросил он, отпуская ее волосы.

— Конечно, — ответила Алли, не сомневаясь, и произнеся эти слова, она поняла, что, несмотря на недавнее беспокойство, она действительно доверяла ему. Абсолютно.

Он накрыл ладонью ее локоть и повел через комнату, развернув так, что она оказалась спиной к стене.

— Я собираюсь надеть на тебя наручники.

Алли резко втянула воздух. *Наручники?* Это было за пределами того, что она когда-либо пробовала или даже воображала. И все еще она не могла отрицать возбуждение, пульсировавшее между ног.

— Дай мне руки, — она подчинилась, и она взял ее за правую руку, поцеловав запястье, прежде чем защелкнуть наручник. — Они мягкие, так что не причинят боли.

Она ожидала металла, но то, что надел на нее Хадсон, ощущалось скорее как широкий браслет из ткани. Кожи, возможно. Что-то болталось на другом конце наручника, и она ощутила, как это скользнуло по голой коже ее бедра. Она подумала, что это был другой наручник, но там было и что-то другое — холодное, металлическое. Цепь? Дыхание стало прерывистым, страсть и желание смешались с нервным возбуждением.

— Руку за голову, — приказал он. Голос приобрел жесткий, властный тон. Она быстро сделала, как сказано, и что бы там ни было на другом конце цепочки, это теперь оказалось приковано к ее плечу. Она почувствовала, как Хадсон потянулся за этим, и секунду спустя услышала звук, точно что-то жесткое царапнуло по дереву. В голове мелькнуло изображение балок, пересекающих потолок и изгибающихся к стенам, и она поняла, что прикована к стропильной ферме.

Она сжала бедра, шокированная тем, сколько влаги ощутила там от одной мысли о том, что прикована к потолку Хадсона и находится полностью в его власти.

Хадсон взял ее за левое запястье и поднес его к губам, прежде чем так же поднять его над головой и защелкнуть второй наручник. Теперь он стоял ближе, так близко, что она ощущала на лице его теплое дыхание. Так близко, что она могла потянуться вперед и пробежаться языком по мягкой щетине на его подбородке. Так близко, что ее губы могли найти его рот. Она едва заметно наклонила голову, но он тут же отступил, оставляя ее уязвимой и открытой.

Единственным звуком в комнате был сексуальный ритм музыки, и все же Алли знала, что он все еще здесь, наблюдает за ней. Даже с завязанными глазами она чувствовала жар его взгляда. Одна лишь мысль о том, как эти пронзительные голубые глаза впитывают каждый дюйм ее тела, заставила ее кожу покрыться румянцем.

— Ты сейчас так прекрасна, — сказал Хадсон. Затем его руки обвились вокруг нее, притягивая ближе, рот заклеил ее губы глубоким властным поцелуем. — Запомни, — прохрипел он ей в губы, — просто скажи мне остановиться, — он вновь поцеловал ее, и она обмякла в его руках. — Хочешь, чтобы я остановился, Алли?

— Нет, — выдохнула она.

— Хорошо.

Алли почувствовала, как он отстранился. Она страстно желала обнять его, прижаться к его груди. Она натянула путы, но тщетно, и он вновь отошел. Она услышала медленный металлический звук расстегивающейся молнии, затем шуршание ткани и поняла, что он разделся. Сердце забило быстрее в ожидании его возвращения.

— Ты бесконечно дразнила меня целых сто сорок три минуты. Будет честно вернуть тебе услугу.

— Что ты собираешься сделать? — она повернула голову на мягкий голос, мурлычущий ей на ухо, но секунду спустя он оказался в другой стороне.

— Я заставлю тебя кончать, пока ты не сможешь дышать. Пока ты не начнешь умолять войти в тебя, — пальцы Хадсона скользнули по ее ребрам, и она выгнула спину, подставляя грудь под его руки.

Он накрыл ладонями нежную кожу, перекатывая соски между большим и указательным пальцами. Ее тело задрожало от предвкушения, когда он проложил дорожку поцелуев по ее шее, пощипывая и полизывая все ближе к напряженным вершинкам. И когда он наконец-то накрыл сосок губами, глубоко втягивая в рот, она застонала.

— Пожалуйста...

— Пожалуйста что? — спросил он, не отрываясь от ее груди.

— Коснись меня.

Кожей она ощутила его улыбку.

— О нет, детка, сегодня мы играем по моим правилам, — с этими словами его губы сомкнулись на другом соске, посасывая, пока он не затвердел и не увеличился под его языком, затем Хадсон нежно подул на чувствительную кожу и вновь накрыл ее губами. Он продолжал изящную пытку, дразня груди умелыми пальцами и губами, пока ее голова со стоном не запрокинулась. Тогда его зубы жестко прикусили один сосок, в то же время пальцы сжали другой, и сладкое ощущение эхом прокатилось через всю ее сущность. Она закричала, натягивая путы, содрогаясь всем телом и разлетаясь на тысячи кусочков.

— Люблю смотреть, как ты кончаешь, — прорычал он. — Это делает меня чертовски твердым.

Большой палец Хадсона надавил ей на подбородок, вынуждая открыть рот. Его язык тут же проник глубоко внутрь в безжалостном поцелуе. Его рука забралась между ее ног, пальцы двигались туда и обратно по ее скользкой плоти, поглаживая и дразня, пока он умело работал над чувствительным местечком меж ее бедер.

— Это приятно? — спросил он, скользнув пальцем внутрь нее.

Она захныкала, раскачиваясь на его руке.

— Да.

Его палец то выходил, то возвращался, в точности следуя ровному неспешному ритму музыки.

— Ты такая готовая для меня, Алессандра. Открой рот.

Она приоткрыла губы, полностью соблазненная прикосновением его рук. Она ожидала вновь ощутить сладостное вторжение его языка, но вместо этого была шокирована, когда его палец оказался у нее во рту.

— Соси, — приказал он низким голосом. — Почувствуй, какая ты горячая.

Ее губы сомкнулись вокруг пальца Хадсона, и она принялась сосать, ощущая вкус

собственных соков.

— Не переставай сосать меня, — его слова разожгли боль меж ее бедер, и она застонала от чувства наполненности во рту. Она сосала жестче, языком кружа вокруг его пальца и отступая обратно.

Алли услышала, как он резко втянул воздух, и мгновение спустя он набросился на нее, сминая губы поцелуем, терзая влажными бархатистыми ударами языка.

И когда поцелуй наконец прервался, она потеряла дар речи.

— Ты такая вкусная, — прошептал он. — Мой язык уже знает твой вкус.

Она вновь натянула путы, пытаясь совладать с множеством ощущений, нахлынувших на нее.

— Хочешь кончить снова?

— Пожалуйста... — она задыхалась, грудь ее вздымалась и опадала с каждым тяжелым вздохом.

— Как?

— Ты знаешь как.

Его нос коснулся ее.

— Как, Алессандра?

— Коснись меня, — прошептала она.

— Вот так? — два пальца легко скользнули внутрь, и она задохнулась.

— Да...

— Уверена? — его голос был низким и ровным, но он тяжело дышал ей на ухо.

— Да, Хадсон, — она болталась на грани, почти сходя с ума от жажды разрядки. — Пожалуйста, заставь меня кончить...

Темп его пальцев ускорился, и она запрокинула голову, теряясь в сладких толчках.

— Вот так, детка. Просто чувствуй это. Отпусти себя.

Тело ее начало выгибаться, когда он начал кружить подушечкой большого пальца по чувствительному бугорку, увлекая ее все выше и выше, пока она не разлетелась на части в его руках.

— Я рядом, — прошептал он. Его руки обхватили ее, когда колени подкосились, и она повалилась на него. — Я держу тебя.

Ее голова упала на его грудь, и она растаяла в его объятиях. Судороги после оргазма все еще сотрясали все ее тело, и она тихо застонала. Хадсон стянул повязку с ее головы, и Алли поморгала, привыкая к теперь уже приглушенному освещению комнаты. Расстегнув наручники, он освободил ее запястья и подвел к дивану. Мягкая кожа подушек казалась раем. Отдохнуть на диване как раз то, что ей было нужно.

Но вместо того, чтобы направить ее к дивану спереди, Хадсон подвел ее к боку и перегнул через обитый кожей подлокотник. Глаза Алли расширились, и всю усталость, которую она ощущала, смыло мощным потоком адреналина.

— Я весь вечер ждал, когда же нагну тебя и оттрахаю, жестко и глубоко, — его слова были полны эротической угрозы, и тело ее отреагировало, сжимаясь от новой волны поглощающего желания. Он рывком приподнял ее бедра, прижимаясь к ней и широко разводя ее ноги. — Держись за диван и не отпускай, — приказал он хрипло и настойчиво.

Руки Алли ослабели, но она подчинилась. Она приготовилась к его натиску, вцепившись пальцами в упругую кожу. Его руки стиснули ее бедра, и она почувствовала прикосновение большой головки там, где она уже была влажной и готовой.

Его длинный ствол вломился внутрь, и она приоткрыла рот.

— Проклятье, Алли, мне никогда не будет достаточно, — он мягко вышел и одним мощным движением бедер вновь вонзился в нее. — Так здорово чувствовать тебя на своем члене.

Он погружался в нее вновь и вновь, с каждым толчком все сильнее вдавливая ее в подлокотник дивана.

— Держись, — выдавил он, стиснув зубы. Она крепче вцепилась в диванные подушки, когда он выгнул ее спину, прижимая к себе.

Движения его были безжалостными и спустя считанные секунды все внутри нее начало содрогаться в сладостном избавлении. И тогда его ладонь обхватила ее плечо, заставляя выпрямиться, чтобы она могла ощущать каждый дюйм его ствола, проникающего внутрь. Его губы прижались к ее шее, зубы царапнули по уху.

— Кончи для меня снова. Хочу, чтобы ты кончила вместе со мной.

Ее тело взорвалось наслаждением, ее накрыло сладостным облегчением оргазма. Хадсон дернул ее на себя, на выдохе выкрикивая ее имя и присоединяясь к ней в забытии. Она смутно осознавала, что они сползли на пол, но для нее это ощущалось равносильно падению по спирали, как будто она утратила всю свою сущность.

Когда она пришла в себя, то обнаружила, что Хадсон держит ее на коленях, в колыбели своих рук.

— Ты в порядке? — спросил он, покрывая ее лицо нежными поцелуями.

— Хмммм, — она опустила голову ему на грудь, утвердительно мурлыкая, и почувствовала, как в его груди вибрирует смешок.

— Это было "да"?

Она посмотрела на него снизу вверх и смущенно кивнула.

— Я готова играть с тобой в дартс хоть каждый день.

— Я всегда рад вызову, мисс Синклер, — его объятия сжались, когда он запечатлел нежный поцелуй на ее макушке. Несколько минут они просто сидели вот так, затем он поднялся на ноги и потянул Алли за собой.

— Пошли, — сказал он. — У меня есть обещание "встретиться в другой раз", из которого я намереваюсь извлечь максимум пользы.

Нависая над Алли, Хадсон убрал волосы с ее влажного лица.

— Я могу и привыкнуть к такому — просыпаться в тебе, — его эрекция все еще подрагивала внутри ее, когда он склонил голову, накрывая ее губы поцелуем.

— Неплохой способ начать утро понедельника, — губы Алли изогнулись в ленивой улыбке. — И если это не было эротическим сном, полагаю, я и ночью просыпалась от этого. Вообще говоря, — она провела ногой по его мускулистой голени, — я думаю, ты большую часть выходных провел во мне.

— Хмм... с тобой я становлюсь невероятно ненасытным, — Хадсон отодвинулся от нее, перекатившись на спину, и притянул Алли к себе на грудь. — Я отыгрываюсь за каждый твой отказ десять лет назад.

— Должна признать, ты был весьма настойчив.

Он улыбнулся.

— Я уже начинал думать, что в твоём словарном запасе есть лишь слово "нет".

— А чего ты ожидал? Я была примерной девочкой, — она положила подбородок на скрещенные руки. — А ты, Хадсон Чейз, тогда был абсолютно гадким мальчишкой.

Его бровь поднялась.

— Тогда? А теперь? — он провел языком по ее нижней губе и прикусил на долгое эротическое мгновение. — Я потерял хватку? — его палец проследил изгибы ее позвоночника.

— Едва ли. Но ты понял, что я имела в виду. Эта развязная походка... — ее голос сорвался, потому что его ладонь прошлась по округлой попке.

Хадсон усмехнулся.

— Развязная походка?

— Да. И то, как ты на меня смотрел, — она на секунду опустила взгляд, затем посмотрела ему в глаза. — С самого первого момента я знала, что от тебя будут одни проблемы.

— А я знал, что ты была избалованной занозой в заднице.

Алли возмущенно раскрыла рот и игриво ударила его по груди.

— И самой прекрасной девушкой из всех, на кого я когда-либо положил глаз, — Хадсон ласково убрал прядку ее волос за ухо, глазами блуждая по ее лицу. — С чего бы тебе хотеть парня вроде меня?

— Потому что когда я была с тобой, — ее голос смягчился, — я чувствовала себя как никогда живой. Я просто не могла держаться от тебя подальше.

— И все же ты мне отказывала.

Алли смущенно улыбнулась ему.

— Я почти сказала "да".

Он приподнялся на локте.

— Вот как?

Она кивнула.

— Той ночью, когда ты возил меня на водном такси, и там были только мы. Я всегда гадала, разрешили ли тебе тогда взять лодку.

— Возможно, это было немного неподобающее использование собственности компании, — он снова плюхнулся на подушки и ухмыльнулся.

— Я так и думала, — она засмеялась. — Ну, значит, хорошо, что я отказала. Представляешь, если бы мы попались?

Хадсон повернулся на бок, обвивая руками талию Алли и прижимая к своей твердой груди.

— Со спущенными штанами? И вовсе не ужасное зрелище.

Он уткнулся носом в ее шею, посасывая нежную кожу за ушком. Боже, он снова хотел ее. Он хотел ее ногти, вонзающиеся в его спину, ее язык у себя во рту, хотел, чтобы она извивалась под ним. А после хотел снова спать, держа ее в своих руках.

Распластав пальцы на ее животе, он вжался к ней сзади возбужденным членом. Алли мягко застонала, выгибаясь ему навстречу.

— Чего ты хочешь, Алли?

— Тебя, — прошептала она, медленно потираясь об него бедрами.

— Покажи мне, где ты меня хочешь, — Хадсон медленно провел ладонью по ее руке, переплетая их пальцы вместе. И тут же ощутил, как грани камня ее кольца коснулись его ладони. Его глаза закрылись. Столкновение того, где они были считанные секунды назад, и реальности, того, как это могло неминуемо закончиться, ударило по мыслям.

— Мне пора готовиться к рабочему дню, — Хадсон отбросил покрывало и сел на краю постели. Проведя рукой по лицу, он встал и направился в ванную. Там, встав посреди комнаты, он просто глубоко вдохнул. Ему нужна была передышка, как гребаному трехлетке. Он был взбешен. Он ненавидел это кольцо на ее руке. Он ненавидел смазливового болвана, надевшего его. И чем больше он об этом думал, тем сильнее пробуждался в нем собственник. Он был идиотом, когда думал, будто один потерянный уик-энд утолит его жажду, хотя ему чертовски хотелось, чтобы так оно и было. Он хотел большего, и пока он хотел иметь на это время. Он использует следующие две недели, чтобы показать, как им хорошо вместе. Но потом ему придется это сделать. До того, как Джулиан нахрен-вообще-ему-нужен-титул вернется, он должен заставить ее сделать выбор.

Хрена с два он будет еще одним мужчиной в ее жизни. Он хотел быть ее единственным мужчиной.

Борясь с желанием вернуться, Хадсон дернул стеклянную дверь душевой кабины и включил краны на полную. Не потрудившись дождаться, пока нагреется вода, он ступил под струи. Ледяная вода ударила в грудь, стекая по прессу на вздыбившуюся эрекцию. Он надеялся, что холодная вода заставит ее обмякнуть.

Ничего подобного.

Он оперся ладонями на гранитную стену и уронил голову вперед, отбрасывая в сторону все мысли и концентрируясь лишь на горячей воде, бившей по его шее и плечам. Мгновение спустя он услышал, как дверь душевой открылась, и почувствовал, как по его торсу скользнули руки Алли.

— Пожалуйста, — сказала она, прокладывая дорожку поцелуев по его спине. — Не разрушай это.

Несмотря на свое раздражение и напряжение от сдерживаемых мыслей, он хотел ее.

Хадсон опустил руки и развернулся. Их глаза встретились, и внезапно ему стало плевать на мысли, отравлявшие его разум. Его рука скользнула по ее шее, зарываясь в волосах. Когда пальцы сжались в кулак на шелковистых светлых кудрях, он склонился к ее лицу. Язык глубоко проник меж ее губ, завоевывая и подчиняя.

Алли выгнулась, и он застонал ей в рот, чувствуя, как ее соски задевают его грудь. Его руки блуждали по всему ее напряженному телу, от нежного склона груди до изгиба талии и вершинок ягодич.

Пристроив Алли к стеклу, он властно впился пальцами в плоть ее бедер, сгибая ее ноги вокруг своей талии. Эрекция скользнула точно между ее ног. Приняв удобную позу, он прерывисто выдохнул. Она была чертовски горячей и влажной.

Отдавшись во власть примитивных инстинктов, Хадсон изогнул поясницу, соединяя их тела. Беззвучный крик сорвался с ее губ, все ее естество напряглось, принимая его глубже. Закатив глаза, она стиснула его плечи и полностью отдалась ему.

— Открой глаза, — потребовал он. — Смотри, что ты делаешь со мной, — его бедра выгибались вперед и отступали, отчего член пронзало порочной болью и желанием вернуться в нее. — Ты обдираешь меня заживо.

Алли встретила с ним взглядом, раскачиваясь от его толчков. И в этот момент он знал — это нужно ей так же сильно, как и ему. Это не поможет им пройти через те слова, которые должны быть сказаны, но пока что этот контакт кожа-к-коже — это все, что у них было. Он вновь толкнулся в нее, заявляя свои права, и всеми фибрами души он знал, что хочет быть с ней.

Навеки.

У Алли скрутило живот, когда лифт одним махом вознес ее на вершину здания Палмолив, но дело было не в гравитации. Она жутко нервничала. Этим утром Хадсон был в отвратительном настроении, и хотя физическое единение между ними было как всегда потрясным, он все равно казался каким-то отстраненным, когда она уходила на работу.

Образ его в душе, с опущенной головой, водой, бьющей по напряженным плечам, преследовал ее весь день. Она знала, чего он хотел, и честно говоря, признавала, что начала хотеть того же.

Если бы все было так просто.

И дело было не в том, что приглашения уже разосланы. Да, мама будет чувствовать себя униженной, отзывая приглашения на "главное событие праздников", как она называла его, но последствия действий Алли распространялись куда дальше. В расчет надо было брать и Ингрэм Медиа.

Учитывать, что предложение руки и сердца Джулиана означало не только союз двух людей, но и слияние двух империй. Ее отец упорно работал, чтобы обеспечить плавную передачу полномочий, когда после свадьбы Джулиан встанет у руля. Эти двое в последнее время стали практически взаимозаменяемы. Сделки заключены, контракты подписаны. Колесики закрутились, и это имело куда более серьезные последствия, чем смена поставщика.

Но ультиматум приближался. Это был лишь вопрос времени. И сегодняшнее утро намекало, что его выдвинут уже скоро, возможно, даже сегодня. Алли знала, что с ее стороны было эгоистично желать быть с ним как можно дольше, но она ничего не могла поделать. Она была зависимой, а Хадсон Чейз стал ее наркотиком.

Алли закрыла глаза и попыталась успокоить неровное дыхание, но тщетно. Незнание того, что ее ждет, когда двери откроются, заставляло сердцебиение ускоряться с каждым пролетающим этажом.

Мускусный запах цветов хлынул на нее, как только она вышла из лифта. По меньшей мере две дюжины роз на длинных стеблях стояли в вазе на круглом столе темного дерева в центре холла.

Она остановилась перед ними, бережно касаясь пальцами бархатных лепестков темно-красного бутона.

— Добрый вечер, мисс Синклер, — сказал Хадсон. Он был в столовой, зажигал последнюю из свечей в хрустальных подсвечниках, стоящих в ряд по центру стола.

Подойдя ближе, она осознала, что свечи стояли едва ли не на каждой горизонтальной поверхности. Их подрагивающий свет отражался от стеклянной стены и освещал всю комнату мягким сиянием. Она перевела взгляд обратно на стол, сервированный льняной скатертью, отличным фарфором и хрустальными бокалами.

— Это прекрасно, Хадсон. По какому случаю?

Он посмотрел ей в глаза, и губы его изогнулись в смущенной улыбке.

— Мое извинение за то, что вел себя как засранец.

— Ты приготовил для меня ужин? — спросила Алли, не в силах скрыть удивление.

Он усмехнулся.

— Не надо меня переоценивать. Я не очень-то умею готовить, и раз уж продлил импровизированный отпуск своей экономки, тебе придется довольствоваться кое-какой едой на вынос.

— Пахнет изумительно, — Алли положила сумочку на спинку дивана. — Откуда это?

— Spiaggia.

Он помог ей снять пальто, и она оглянулась через плечо, нахмурившись.

— Spiaggia не доставляют на дом.

Он расплылся в самодовольной ухмылке.

— За правильную цену кто угодно доставляет.

— Ты же знаешь, что я была бы абсолютно довольна и коробкой пиццы.

— Знаю, но я же стараюсь, — Хадсон повесил пальто на спинку дивана и коснулся ладонью поясницы Алли. Этот жест, такой простой и все же столь интимный, послал вереницу мурашек по всему позвоночнику.

— Давай, садись.

Он подвел ее к столу и отодвинул стул. Она села, разворачивая салфетку и накрывая ей колени. И когда он одну за другой стал убирать серебряные крышки с полудюжины тарелок с едой, ее рот увлажнился. Тут было слишком много для них двоих. Наблюдая за ним, она поняла, что стол сервирован более чем восемью сортами вина.

— Я не был уверен, что ты предпочитаешь, поэтому поступил проще и заказал меню для дегустации, — Хадсон наклонился и тихо проговорил, губами задевая ее ухо: — Я хочу узнать, что доставляет тебе удовольствие.

Алли почувствовала, как ее лицо заливается румянцем от всех эротических видений, пришедших на ум.

— Я думала, с этим мы уже разобрались.

— Я действительно знаю твой вкус, — он усмехнулся, — но я хочу знать, что тебе нравится. — Хадсон сел на стул рядом с ней и взял свои столовые приборы. — Для начала у нас средиземноморский морской окунь с маринованными нантакетскими гребешками, — он отрезал кусочек нежной рыбы и замер с вилкой, занесенной в воздухе. — Позволишь?

— Я сама могу поесть, — запротестовала она.

— Смысл не в этом. Открой.

Чувствуя себя слегка глупо, она подчинилась, открывая рот и позволяя накормить себя.

— Ммм... — это икра с капелькой лимонного сока? Ее глаза сами закрылись, пока она наслаждалась аппетитным кусочком. — Это было вкусно.

Хадсон поднял хрустальный бокал с белым вином и поднес к ее губам.

— Ресторан подает это с Гави урожая 2010 года.

— Прекрасно, — сказала она, попробовав белое вино. Когда Хадсон отодвинул морского окуня, она внезапно осознала, что из динамиков в потолке льется приятная классическая музыка. — Не знала, что ты любишь Чайковского.

— Это служит скорее фоном. Честно говоря, вся эта музыка для меня звучит одинаково, — он пододвинул другую тарелку. — А у тебя есть предпочтения?

— Конечно. Чикагский симфонический оркестр сейчас дает лимитированные концерты

с его четвертой симфонией. Я надеялась пойти, но все билеты проданы, — она наблюдала, как он подготавливает следующее блюдо, равиоли в сливочном соусе. — Ты сам не собираешься пробовать? — спросила она, когда вилка опять очутилась у ее рта.

— Пока что нет. Я люблюсь тем, как ты ешь.

Она умудрилась проглотить пасту, прежде чем закатить глаза на его комментарий.

— Уверена, это не очень возбуждает.

— Сильнее, чем ты думаешь, — взгляд его глаз был темным и пронзительным. — То, как твои губы смыкаются вокруг вилки. Звуки, которые ты издаешь. Как закрываются твои глаза, точно запоминая каждый вкус, — слова Хадсона опьяняли сильнее вина, и когда он поднес следующий кусочек, она осознала, что ее губы уже раскрылись в предвкушении. — Попробуй это с Карино Бароло 2007 года, — их глаза встретились, когда она отпила глоток вина насыщенно-гранатового цвета. Когда она закончила, Хадсон склонил голову набок. — Еще?

— Да, пожалуйста, — сказала она, и ее тихий ответ выдавал желание большего, нежели вино.

Он позволил сделать еще один глоток, затем отодвинул равиоли и потянулся к следующему блюду.

— Spaggiа славятся своим идеальным ризотто, — его губы изогнулись в порочной улыбке. — Твердое во рту, кремообразное на языке.

О, это может быть забавным.

Она облизнула губы и увидела, как он тут же замер, набирая еду на вилку. Когда он осторожно опустил кусочек в ее рот, челюсть его напряглась, он не отводил взгляда от ее губ, пока она захватила кусочек ризотто с вилки. Когда она прожевала, он предложил ей попробовать еще один сорт красного вина. Она потягивала его медленно, наслаждаясь теплым, полностью раскрывшимся букетом. Маленькая капелька осталась в уголке ее рта, и она аккуратно промокнула ее пальчиком. Он резко вздохнул, когда она прижала палец к губам, облизнула и затем взяла его в рот. Она застонала, тихо восхищаясь и смакуя последнюю капельку вина.

Хадсон резко дернулся, удивив Алли, обхватил рукой ее шею и притянул ее рот к своему. Губы его были требовательными, целуя ее так, будто ему это было необходимо. Как будто от одного движения ее губ зависела его жизнь.

— О Боже, Алли, — застонал он, углубляя поцелуй, лаская ее язык жесткими, властными ударами. Он схватил ее за талию, поднимая со стула, и сам встал. Он подняла руки, зарываясь пальцами в его волосы, и ее ноющие груди, вздымавшиеся и опадавшие при каждом вздохе, терлись об его грудь. Его руки спустились по ее спине, обхватывая попку и прижимая ее ближе, каждый дюйм его жесткого тела желал еще большей близости, полностью прижимаясь к ней.

Алли смутно осознавала происходящее — взмах руки, звук тарелок и приборов, упавших на пол, и затем стол, очутившийся под ее спиной.

— Ты устраиваешь бардак, — выдохнула она ему в губы.

— Нахрен бардак, — прорычал Хадсон. Он выгнулся всем телом, целуя и полизывая ее шею. — Я думал об этом весь день, — он опустил голову и зубами поймал сосок через тонкую ткань блузки. Она задыхнулась, когда он потянул сильнее, чувственное удовольствие эхом прокатилось по всему телу. Хадсон двигался быстро и гладко, сдернул трусики Алли и тут же опустился перед ней на колени. Подняв голову, она вспыхнула от одного лишь вида

его меж своих бедер. В том, как он упивался ею, было что-то напряженное, точно им двигала всепоглощающая нужда доставить ей удовольствие.

Он посмотрел на нее темными, голодными глазами.

— Я мог бы часами находиться между твоих бедер, — его язык порхал по чувствительной плоти. — Дразня тебя... пробуя на вкус.

Она застонала, наполовину опасаясь, что именно это он и задумал. Щетина его бородки царапала нежную кожу, пока он продолжал свою безжалостную пытку. Лизал, щипал, посасывал. Ее сердце гулко колотилось, ноги напряглись от желания прижать его еще сильнее, шпилька вонзилась в его спину.

— О нет, детка, еще нет, — пробормотал он, обдавая дыханием теплую влажную кожу, и Алли вновь застонала.

Ее пальцы зарылись в его волосы, пытаясь прижать его голову, но он продолжал удерживать ее на грани, изменяя ритм всякий раз, когда ее тело начинало дрожать.

— Пожалуйста, Хадсон, — захныкала она.

Руки, стискивавшие ее бедра и прижимавшие ее к ударам его языка, не были нежными или неторопливыми. Она раскачивалась под ним, бедра ее неустанно двигались в отчаянном желании разрядки.

— Вот так, кончи для меня, — его низкий рык вибрацией прошелся по ее телу, и она закричала, разлетаясь на куски в головокружительном оргазме.

Хадсон резко вскочил, все еще удерживая ее ногу. Она услышала, как звякнула пряжка, и, глянув вниз, увидела, как он расстегивает ширинку. Ее тело все еще содрогалось в конвульсиях, но вид его освобожденной от брюк эрекции заставил ее вздрогнуть еще сильнее. Подхватив ее под бедра, он закинул обе ее ноги себе на плечи и поднялся, входя в нее мощным ударом.

— Проклятье, — прошипел он сквозь зубы.

Алли комкала белый лен скатерти, хватаясь за край стола, пытаясь удержаться на месте под безжалостными толчками Хадсона. Он склонился ближе, заставляя ее согнуть ноги, вынимая и вновь погружая член на всю длину с каждым властным толчком. Алли крепче вцепилась в стол, и с губ ее сорвался стон. Она чувствовала, как возносится все выше и выше. Хадсон ускорился, и она запрокинула голову в оргазме, накрывшем все ее тело, стирающем все вокруг и парализующем все ее чувства.

— Господи, я сейчас так сильно кончу, — его бедра содрогались мощными, неумолимыми ударами, и он достиг освобождения. Хадсон выкрикнул ее имя, бешено выдохнув и рухнув на нее сверху, голова его покоилась на ее груди.

Она бережно обхватила его голову ладонями, чувствуя, как его сердце тяжело колотится в одном ритме с ее собственным.

Они лежали так долгое время, не разговаривая, пока их дыхание не замедлилось. Алли закрыла глаза, запоминая ощущение его тела на своем. Она хотела, чтобы время остановилось. Где-то в глубине души она знала, что двух недель с этим мужчиной будет недостаточно. И когда он наконец поднял голову и улыбнулся, ее сердце сжалось от одной мысли о прощании.

Все взгляды были прикованы к Хадсону, пока он пролистывал контракт, составленный его юристами сегодня днем. Он буквально ощущал, как они коллективно вздрагивали с каждым движением красного маркера. Полная хрень. Потребовалось все его самообладание, чтобы не швырнуть этот кусок дерьма с силой, бросающей вызов законам физики, и заставить этих юристов собирать все сто пятьдесят страниц с пола.

Боковым зрением он видел, как юбки и костюмы ерзали на сиденьях, точно сидели на раскаленной сковородке. Полосатый галстук посмотрел на часы, серая юбка глянула на экран смартфона. Его челюсть напряглась. Он был не в настроении для всей этой хрени. И даже не дерьмовый контракт в руках так его бесил, а его личная жизнь. И как будто почувствовав исходящие от него волны, серая юбка аккуратно отложила телефон и сосредоточилась на деле.

Умница.

Просмотрев последнюю страницу, он бросил контракт размером с добрую книгу вдоль по длине стеклянного стола для совещаний. Бумаги разлетелись дорожкой, точно истекая кровью, почти до середины стола.

И когда Хадсон поднялся из своего кресла, тон его был резким и раздражительным.

— Мне нужна исправленная версия контракта к утру.

Его юрист покосился на разлетевшиеся бумаги.

— На внесение этих правок потребуются часы. Даже если я привлеку весь отдел...

Хадсон оборвал нить:

— Мне плевать, даже если они будут тут до рассвета.

Такое обращение, больше похожее на атаку, и вывело Чейз Индастриз на вершину. Никто не уходит, пока он не будет доволен.

Он наклонился вперед и оперся ладонями на красное дерево.

— Ты же не вздумал дать слабину, да? — он нанял этого парня, потому что у того были яйца. Но после женитьбы он, похоже, отдал их жене и поджимает член между ног.

— Мы работали над этим более сорока восьми часов, мистер Чейз...

Синие глаза Хадсона прищурились. Юрист, похоже, переместил мозги куда надо и заткнулся. Обуздав гнев, Хадсон отвернулся. Спина к двери, мускулы напряжены до предела — все в нем говорило "выметайся-нахрен-отсюда"

— У вас есть работа.

Через отражение в окне Хадсон видел, как юрист схватил растерзанный файл контракта и вместе с остальной своей командой спасся бегством. Когда комната опустела, он подошел к бару, налил себе пару пальцев скотча и ослабил узел галстука. Подойдя обратно к столу, он опустил в кресло и повернулся к виду, который никогда не надоест. Он взял стакан и посмотрел из окна на город, который был у него в кармане. Переезд в Чикаго был полезен. Сделка, что привела его сюда, опережала планы, его имя было высечено на камне этого

чертова здания, а пресса не прекращала целовать ему задницу. Черт, он даже подвинул Рама с обложки Crain's.

Но когда он думал об Алли, то чувствовал, что его жизнь выходит из-под контроля.

Эта женщина была отвлечением внимания, организовавшим ему вечный стояк. А у него не было времени отвлекаться, когда на кону многомиллиардная сделка. Но проклятье, он хотел ее видеть, и тот факт, что она собиралась посетить претенциозное собрание, устраиваемое ее матерью для благотворительных целей, не давал ему покоя.

Конечно же, она не могла прийти туда с ним. Не то чтобы он хотел встревать в еще один прием, но все же ему хотелось пойти. Чтобы увидеть Алли в ее среде. Чтобы увидеть, как румянец окрасит ее щеки, когда он прошепчет ей, какими способами хотел бы обладать ею и доставить ей наслаждение. Чтобы стоять рядом с ней и поддерживать ее. Он желал этой привилегии.

Это время с ней принадлежало ему. Гребаное двухнедельное окно, чтобы доказать, что их связь не ограничивается спальней.

Ультиматум, который он почти выдвинул ей, когда она сообщила, что маленькая вечеринка ее матери прояснит все. Ему так хотелось положить конец всей этой хрени и заставить ее сделать выбор.

Но он изначально принял сознательное решение подождать две недели.

И время было всем.

Так что он проглотил эти слова, чтобы не разрушить ту ночь, начавшуюся ужином и закончившуюся ею на десерт. Она была столь прекрасна, распростертая на его обеденном столе, с кожей, раскрасневшейся от возбуждения, выгибающаяся всем телом. Он одним глотком допил спиртное, жидкость плавно скользнула по его языку и горлу. И в этот момент он вспомнил, как его язык дразнил ее влажную плоть, лаская ее пульсирующими движениями, и как она кончила ему в рот.

Хадсон выругался и выдернул полы рубашки из брюк. Свободной рукой он дотянулся до телефона и набрал номер Алли, ожидая, чтобы услышать ее голос, прежде чем накрыть рукой член.

Только мать Алли могла убедить высший свет Чикаго проделать весь путь до Лейк Форест вечером вторника, не говоря уж о том, чтобы заставить погоду соответствовать. Но когда Виктория Синклер решила устроить вечеринку в Мэйфлауэр Плейс, никто не осмелился возражать. Даже мать природа.

Она решила было, что небольшое собрание будет вполне уместным — "нечто для узкого круга, возможно, ужин" — но финальные цифры показали, что торжество в музее вызвало куда более серьезные ожидания. Оно обещало стать главным событием весны, и мать Алли подумала, что совет директоров "Лучшего начала" заслуживает вознаграждения за свои старания.

То, что планировалось как небольшое событие для совета директоров и нескольких значительных членов команды, превратилось в полномасштабное мероприятие. Слуги встречали гостей, заворачивавших во двор с фонтанами. Официанты в смокингах разносили закуски на серебряных подносах. А на террасе из известняка под светом крошечных огоньков играл струнный квартет.

Неплохо для ужина в кругу своих.

Виктория уступила в последнюю минуту и, по просьбе Алли, расширила круг приглашений до всех работников "Лучшего начала". Они потратили бесчисленные часы, обеспечивая успех мероприятия и заслужили, чтобы им выказали настоящую признательность, а не просто вписали их имя в программу. Конечно же, Алли знала, что они никогда не достигли бы своей цели без одного очень щедрого пожертвования, выписанного в обмен на танец.

Ее сердце ухнуло вниз, когда она прошла сквозь одни из множества французских дверей в задней части дома, и в какой-то момент она ясно осознала причину. Это не потому, что она боялась обычного незначительного разговора с членами совета или что мать опять в каждой беседе станет упоминать Джулиана и свадьбу. Это потому, что она уже знала — человек, который больше остальных заслуживает благодарности, человек, чье лицо она неожиданно так захотела увидеть, здесь не появится.

Алли подошла к краю террасы и оперлась на каменную балюстраду. Земли вокруг поместья все еще бурно цвели, благодаря не по сезону теплой погоде, и сладкий запах жасмина витал в воздухе. Медные фонари выстроились вдоль каменных ступеней, их мерцающий свет вел к лужайке идеально подстриженной травы. Вдали, сразу за набережной, Алли могла различить серебристое побережье озера Мичиган. Она глубоко вздохнула. Созерцание приливов и отливов обычно успокаивало ее, особенно в такие ночи, когда ее мать была в ударе. Но маленькие барашки продолжали разбиваться о песок, а Алли не могла отделаться от желания наслаждаться видом озера из пентхауса Хадсона.

Ей нужно было собраться. Всего-то одна ночь. Но если после одной ночи без Хадсона Чейза она так себя чувствует, то как вынести всю жизнь без него?

— Вынуждена отдать должное Викки, она определенно знает, как закатывать вечеринки, — Харпер внезапно очутилась позади нее. Она была одета в сшитое на заказ цветастое платье-футляр, которое определенно привлекло бы внимание Дона Дрейпера, и судя по всему, только что облегчила официанта с лососевыми кростини. — Узнай, какого поставщика провизии она наняла, и давай пригласим их на наше следующее мероприятие.

— Еда настолько хороша?

— Нет, официанты настолько горячие.

Алли засмеялась над способностью в каждой ситуации видеть возможности, не уступающие сайту знакомств.

— Я думала, ты собираешься замуж за официанта из Таверны.

— Оказывается, он еще ходит в колледж, — пробурчала Харпер, набив рот закусками. — Я не против встречаться с парнем моложе себя, но всему же есть предел, — и тут Алли почти увидела, как над головой у нее загорелась лампочка. — Эй, а у мистера Денежные Мешки случайно нет младшего брата?

— Харпер! — Алли оглянулась, не услышал ли их кто.

— Ой, да расслабься. Никто не знает, какого именно мистера Денежные Мешки я имела в виду. Ты вокруг посмотри, — сказала она, фыркнув.

— Это место кишит ими, — Харпер схватила фужер с шампанским с подноса проходившего мимо официанта. — Ты не можешь продолжать бегать от меня. Рано или поздно я все разведу.

— Я не бегаяю от тебя.

— Я тебя умоляю, последние два дня стоит мне пройти мимо твоего офиса, как ты сразу или говоришь по телефону, или вылетаешь из офиса на какое-то загадочное совещание.

Алли не хотела ранить чувства подруги. Но как объяснить ей американские горки своих эмоций, когда она сама еще не разобралась? Она собиралась заверить Харпер, что здесь ничего личного, как вдруг кто-то позвал ее по имени. Безошибочно узнаваемый голос звучал, как скрежет ногтей по школьной доске. *Ох, замечательно.*

Алли и Харпер одновременно повернулись и увидели Хилари Прескотт, наследницу хозяина загородного клуба.

— Вот ты где! Твоя мама сказала, что я найду тебя здесь, — она поприветствовала Алли, поцеловав воздух около ее щеки. — Я тебя всюду ищу.

— Ну, вот она я. — *Попалась.* Алли заметила, как Харпер улыбается поверх бокала с шампанским и отходит подальше.

Хилари потянулась к левой руке Алли.

— Дай посмотреть на кольцо, о котором все хвастается твоя мама, — она едва слышно выругалась и дернула руку с кольцом еще ближе. — Так ты реально выходишь замуж за герцога?

Алли поправила бы бывшую одноклассницу, представь та хоть один шанс.

— Как продвигается планирование? Должно быть, ужасно балансировать между свадебными планами и работой на полный день. Неудивительно, что ты выглядишь такой измученной, — она понизила голос: — Я знаю косметолога, который творит чудеса. Позвони мне, и я дам его номер.

— Спасибо, но...

— О Боже, я тут вспомнила. Ты видела Мередит после того, как она вернулась из спа? — Хилари особенно выделила последнее слово. — Ну конечно, спа вдвое увеличил ей

грудь.

— Как твоя игра этим летом? — спросила Алли, отчаянно желая переменить тему. Лицо Хилари озарила улыбка. — Снова чемпион клуба в этом году. Знаешь, если мы станем командой в следующем году, я могу стать двукратной обладательницей титула.

— О, спасибо, но я не смогу из-за работы...

— Работы? — Хилари скривилась, точно проглотила что-то противное. — После свадьбы? Я просто подумала...

— Извини, что перебиваю, — Алли наклеила искусственную улыбку. — Но я вижу своего босса, и мне правда нужно кое-что с ним обсудить.

— О, конечно. Позвони мне, сходим вместе на ланч.

Когда она ушла, Алли почти ощутила угрызения совести из-за своей лжи. Почти. Между прочим, это была не совсем ложь. Она *и вправду* увидела босса. Он стоял с краю, переминаясь с ноги на ногу, и похоже, чувствовал себя некомфортно на террасе ее матери, как и на мероприятии в музее. Боб Эллис был мужчиной, который обязался обеспечивать неимущим детям образование, которого они заслуживают, и как директор "Лучшего начала" он знал, что мероприятия по сбору средств были жизненно необходимы. Но это не значило, что ему это нравилось. На самом деле, однажды он сказал Алли, что даже после десяти лет работы на благотворительность он все еще предпочел бы удалить зубной корень, чем уговаривать перспективного донора поделиться своими деньгами. И когда Алли пришла в команду в качестве главы по сбору средств, он принял ее с распростертыми объятиями.

Когда она подошла, он улыбнулся, в уголках теплых карих глаз собрались морщинки.

— А вот и знакомые лица, — он, казалось, хотел протянуть руку, неуклюже жонглируя крошечной китайской тарелочкой и стаканом, в котором остался один лед. Алли пришла ему на выручку, втянув в разговор.

— Вы пробовали говядину Веллингтон? — спросила она. — Харпер просто бредит этим поставщиком провизии.

— Прекрасно. Все просто прекрасно. И со стороны твоей матери очень мило пригласить весь штат сотрудников.

Мимо них проходил официант с пустым подносом, и босс Алли протянул ему тарелку и стакан. Слишком поздно поняв, что продолжает держать салфетку, он скомкал ее и засунул в карман брюк цвета хаки.

— Гала-мероприятие потребовало большой работы. Ты должна гордиться тем, какого успеха удалось достичь.

— Благодарю вас, мистер Эллис.

— Ты проделала потрясающую работу, Алессандра. И не только на гала. Мы действительно будем по тебе скучать.

— Скучать по мне?

— Да, твоя мать сказала, что ты не вернешься после свадьбы. По крайней мере, не на регулярной основе.

Он дернул за узел галстука, слегка ослабляя его.

— Должен сказать, мне было очень печально это слышать.

Лицо Алли вспыхнуло. Руководить деталями свадьбы без ее ведома — это одно. Алли было совершенно наплевать, какие цветы будут стоять на столах и будут ли на стульях шелковые чехлы. Но объявлять об ее увольнении? Это было слишком, даже для Виктории.

— Вы извините меня, мистер Эллис? Я только что вспомнила, что обещала матери

проверить вино. Нельзя допустить, чтобы запасы иссякли, не так ли? — она попыталась замаскировать ярость той же слащавой улыбкой, которой отделалась от Хилари. У нее была целая жизнь на то, чтобы довести до совершенства это выражение лица, и все же удерживать его стоило больших усилий, пока она пробиралась через толпу в поисках матери. Она нашла ее болтающей с одной из леди клуба — с матерью Хилари Прескотт, если быть точной — ее деликатный смех почти заглушал квартет.

— Мама, — прервала Алли, и ей было наплевать, если ее сочтут грубой.

— О, Алессандра, ты как раз вовремя. Я как раз рассказывала Элизабет все свадебные планы.

— Твоя мать сказала, что вы перенесли свадьбу на начало декабря, — Алли почувствовала, как миссис Прескотт смерила ее взглядом, особенно задержавшись на животе. — Похоже, все пройдет прелестно, дорогая. Поздновато заказывать декорации, но еще уйма времени до того, как мы улетим кто куда от этих ужасных холодов на праздники.

Виктория кивнула в знак согласия.

— Именно так я ей и сказала. Огни на Мичиган авеню в это время года прекрасны, и разве не замечательно будет, если парк перед отелем укроется одеялом свежего снега?

Алли с изумлением наблюдала, как две женщины обсуждали, сколько снега они хотели бы видеть — *достаточно, чтобы покрыть травы, но чтобы озеро не замерзло* — и когда ему лучше выпасть — *чтобы было время очистить дороги, но не слишком рано, а то на обочинах он потемнеет*. И когда она уже больше не могла это выносить, она прервала их фразой, которая точно привлечет нераздельное внимание матери.

— Поставщик хочет поговорить с тобой, мама. Что-то насчет замены марки икры.

Ее мать вздохнула.

— Честно, ну не одно, так другое.

— Вечно что-нибудь да случается, — сказала миссис Прескотт. Они с Викторией обменялись поцелуями в щеку, и миссис Прескотт присоединилась к другой кучке женщин.

— Он сказал, какую именно марку, потому что я заказывала именно...

— Расслабься, мама, с икрой все в порядке.

Она выглядела абсолютно сбитой с толку.

— Ты сказала мистеру Эллису, что я увольняюсь после свадьбы?

Если бы не недавние инъекции, брови Виктории взметнулись бы в удивлении.

— Так вот в чем дело?

— У тебя нет права говорить от моего имени, — огрызнулась Алли.

Виктория превратилась в лед.

— Следи за своим тоном, — она сказала это намного громче, чем ожидала Алли, но быстро восстановила спокойствие. Улыбка вернулась на ее лицо, и когда она снова заговорила, тон ее был тихим, хотя таким же смертоносным. — Я твоя мать. Я не позволю говорить со мной таким образом, — взяв Алли за руку, она увела ее от толпы. — Мне жаль, что ты не нашла времени поделиться с Бобом своими планами. Тема всплыла, и я упомянула это. Только и всего.

Последняя реплика была с окончательной интонацией. Алли из прошлого опыта знала, что мать считает разговор завершенным, но она сама далеко не закончила обсуждать это:

— Я еще не решила, что...

Звонок сотового Алли прервал ее на полуслове.

Лицо Виктории озарилось.

— О, это Джулиан? Не забудь сказать ему, как его не хватает на этом ужине.

На экране высветилось "Номер не определен", но Алли сильно сомневалась, что звонок был от Джулиана. Кроме того сообщения, оставленного на голосовой почте, она ничего не слышала от него с момента отбытия в Париж.

— Алло?

— Извинись и уйди, — звук низкого голоса Хадсона послал толпу мурашек по ее спине.

— Я... эм... — глаза Алли переметнулись на мать. — Мне придется перезвонить тебе попозже.

Виктория цыкнула.

— В Париже уже поздно. Поговори с мужчиной.

— Скажи тому, с кем ты там, что тебе нужно ответить на этот звонок, — приказал он. — И уйди в уединенное место.

Алли подождала, пока мать отойдет из зоны слышимости.

— Мы можем обсудить это после вечеринки?

— Нет.

— Хадсон, я не могу...

— Я не из терпеливых, Алессандра. Не заставляй меня ждать.

Она отвернулась от толпы и понизила тон.

— Здесь повсюду люди. Куда, по-твоему, я должна идти?

— Уверен, наверху по меньшей мере дюжина комнат, — проговорил он сквозь зубы. — Выбери одну.

— Я не могу просто исчезнуть. Мои родители организовали это, — она украдкой глянула через плечо.

— Они будут меня искать.

— Сделай. Это. Сейчас же.

Его приказной тон заставил колени ослабнуть. Как этот мужчина мог быть таким невыносимым всего минуту назад и таким горячим в следующую? Алли покорно вздохнула и против своей воли направилась к особняку. Она держала голову опущенной, стараясь не привлекать к себе внимания, маневрируя мимо гостей. Опасаясь, что мать могла беседовать с поставщиком, она держалась подальше от кухни и столовой и вместо этого скользнула в стеклянные двери оранжереи.

Добравшись до фойе, она остановилась, чтобы убедиться, что за ней никто не наблюдает, а затем взлетела по лестницам в свою детскую комнату. Помещение выглядело точно так же, как когда она была девочкой — мебель во французском провинциальном стиле, кружевное покрывало на постели, фарфоровые куколки. Боже, как же она ненавидела этих фарфоровых куколок.

— Ладно, я в своей старой комнате. И что такого важного, что мне пришлось...

— Снимай трусики.

— *Что?*

Его голос понизился.

— Ты меня слышала.

Алли почувствовала, как все лицо вспыхнуло.

— Хадсон... Я не могу этого сделать.

— После некоторых штучек, которые мы с тобой проделывали, поздно быть щепетильной. Я приковывал тебя к своему потолку, Алессандра. Надеюсь повторить, — его

слова были скорее обещанием, чем угрозой. Обещанием, которое ей вдруг захотелось, чтобы он сдержал. — Или, может быть, в следующий раз я прикую тебя к своей кровати, и каждый дюйм твоего трахабельного тела будет в моем распоряжении.

Его властный тон послал через все тело Алли волну жара и вместе с ней поток эротических образов. Она представила себя прикованной к постели Хадсона, находящейся полностью в его власти, забывшейся в исступленном наслаждении.

— Ты представляешь это себе, не так ли?

— Да.

— Хорошо. Потому что прямо сейчас я не могу перестать представлять тебя на своем столе, голую и влажную. Твои бедра приподнимаются в предвкушении, жажде ощутить меня внутри. И похрен, что мой ассистент в считанных метрах отсюда, потому что это должно случиться здесь. И это должно случиться сейчас.

С ее губ сорвался изумленный вздох.

— Ты на работе?

— Да. Я вышвырнул всех из своего офиса посреди заключения сделки.

— Серьезно? — ее сердце заколотилось быстрее. — Почему?

— Я начал думать о прошлой ночи, как ты распростерлась на моем обеденном столе, как раскачивалась под моим ртом. Пятнадцать тысяч долларов в час я плачу лучшим юридическим специалистам, каких можно купить за деньги, а сам не мог сосредоточиться ни на едином их слове. Все, что я слышал — это звуки, которые ты издаешь, когда я внутри тебя, те небольшие стоны удовольствия, когда ты на грани оргазма.

Дыхание Алли прервалось. Его признание шокировало ее, и в то же время она поняла, что невероятно возбудилась. Она крепче сжала бедра, изумляясь, как один телефонный разговор мог заставить ее корчиться от желания.

— Я очистил кабинет, чтобы позвонить тебе, и в данный момент я смотрю в окно, а мой возбужденный член достает до живота. Это заводит тебя, Алли? Знание того, что мой член обнажен и готов для тебя?

— Да, — едва слышно прошептала она, представляя его развалившимся в кресле. Пиджак снят, галстук ослаблен, ширинка расстегнута.

— А теперь делай, как сказано, и снимай трусики.

Алли тяжело вздохнула и запустила руку под платье. Пальцы ее дрожали, когда она большими пальцами зацепила кружево трусиков и спустила их по ногам.

— Сняла?

— Да.

Голос Хадсона был хриплым и низким, но тон стал более чувственным.

— Ложись на постель.

Она заперла дверь, тихий щелчок эхом разнесся в темноте. Серебро лунного света указало ей дорогу до кровати, она подчинилась его приказам и легла на спину посреди горы подушек.

— Подними платье до бедер.

Ее пальцы вцепились в зеленую ткань, задирая ее до бедер. Холодный воздух хлынул на ее обнаженное естество, заставляя чувствовать себя уязвимой и беззащитно открытой. Она знала, чего он хочет, чего потребует дальше, и готовила себя к этому.

— Коснись себя. Почувствуй, какая ты горячая и влажная.

Алли поколебалась, прежде чем нерешительно коснуться пальцами внутренней стороны

бедра. С патио донесся смех, и она тут же напряглась. Даже если она как-то сумеет заблокировать весь остальной мир, этого будет недостаточно. Сладкая боль между ног молила об его прикосновении, а не об ее собственном.

— Я не могу, — прошептала она.

Хадсон застонал.

— Проклятье, Алли. Мой член еще никогда не был таким твердым и толстым. Мне просто необходимо взять его в кулак и двигаться так, будто я внутри тебя.

Одна лишь мысль о том, как Хадсон ублажает себя, послала неожиданную волну возбуждения через все ее тело. Она тяжело сглотнула.

— Что тебя останавливает?

— Потому что я хочу, чтобы ты была со мной, детка. Мы сделаем это медленно и приятно. Закрой глаза и ласково проведи руками по шее, накрой ладонями грудь. Ощути, насколько они идеальны.

Глаза Алли сами собой закрылись. Она последовала его инструкциям, позволила своим рукам скользнуть вниз по горлу, вдоль линии декольте. Когда она обхватила руками груди, дыхание ее сбилось.

Он тут же отдал следующую команду:

— Сожми их так, как это сделал бы я.

Она сделала так, как он сказал, и во тьме комнаты он был с ней. Он прижимался к ней всем своим теплым телом. Его руки сжимали и массировали ее грудь. Его губы блуждали по ее шее.

— Вот так. Пусть твои соски затвердеют и будут готовы для моего рта, — его низкий голос отдавался в ее теле, приумножая каждое ощущение от того, как она водила кончиками пальцев по своим грудям. Ее соски напряглись под тонкой тканью платья, и она мягко обводила их кругами. — Ущипни их, как будто я поочередно касаюсь их языком и прикусываю зубами.

Она поймала соски между большими пальцами и указательными, представляя, как зубы Хадсона задевают ее кожу, затем сжала их и потянула.

— А теперь почувствуй, как мои руки скользят по твоему животу, а за ними следуют мягкие поцелуи, — его дыхание сделалось шумным, слова его ласкали ее кожу. — Вот так, детка, я слышу, как ты завелась, — каждый дюйм ее тела пульсировал от предвкушения. — А теперь ласкай себя вместо меня. Почувствуй, как мои пальцы разводят твои губки, скользят по твоей коже.

Издали донеслась музыка, призрачное напоминание, что они не одни, но Алли было уже плевать.

Она осталась далеко за пределами смущения или стыда. Она потерялась в моменте, полностью сосредоточившись на голосе Хадсона и скользнув рукой между ног. Она задохнулась от собственного прикосновения и простонала его имя.

— Скажи мне, что ты чувствуешь, Алли. Ты готова для меня?

— О боже, да, — она была такой влажной, такой готовой. Она нуждалась, чтобы он был здесь, наполнил ее, взял ее.

— Погладь себя, почувствуй, как мой член трется о тебя, — его голос был напряженным от сдерживаемого желания, и она знала, что он борется с собственным оргазмом, ожидая, пока она кончит вместе с ним. — Дай мне услышать, как тебе хорошо. Ты хочешь меня внутри, да?

— Пожалуйста, — она простонала его имя и пропала, покоряясь всем его приказам, пока он подводил их все ближе к грани.

— Кончи со мной, Алли, — он тяжело выдыхал на каждое слово. — Проклятье.

Жгучее наслаждение разорвало ее на части, и она стиснула покрывало так, что побелели костяшки пальцев. Она зарылась головой в подушку, заглушая крики.

— Вот что ты со мной делаешь, Алли, — все еще тяжелое дыхание Хадсона раздавалось у ее уха. — В твоей власти заставить меня кончить сильнее, чем когда бы то ни было, и этого все равно недостаточно. Приходи ко мне сегодня, я не смогу ждать до завтра.

— Да, — кое-как выговорила она, все еще не до конца придя в себя. Алли села и провела пальцами по волосам. Ей не нужно было зеркало, чтобы знать, что ее лицо все еще пылает.

— Ах да, и вот еще, Алессандра, — она даже по телефону знала, что он улыбается. — Наслаждайся остатком вечера.

Лимузин еле полз по району Астор. Хадсон поправил галстук, кажется, уже десятый раз с тех пор, как они свернули на эту улицу. Когда они наконец остановились перед особняком Алли, он заставил руки оставить галстук в покое и схватился за ручку двери в тот же момент, как водитель начал выходить из машины.

— Я сам, Макс.

— Да, сэр, — Макс кивнул и закрыл дверь обратно.

Хадсон выбрался из лимузина и застегнул пиджак. Господи, он нервничал. Как на первом свидании, даже ладони вспотели. Широкими шагами он направился к особняку, поднимаясь через две ступеньки, пока не очутился у парадной двери. Он надавил на кнопку звонка и провел руками по волосам.

Дверь распахнулась, и дыхание Хадсона сделалось частым и прерывистым от вида Алли в элегантном угольно-сером платье, изо всех сил облежавшим каждый сочный изгиб ее тела. Он был не уверен, что видел его целиком, поскольку глаза его постоянно блуждали по каждому дюйму ее обнаженной кожи. Он не мог оторвать от нее жадного взгляда, мысли сразу же наполнились образами, навеки запечатленными в его памяти. То, как она выглядела под ним, со светлыми кудрями, разметавшимися по подушкам; на нем, руками опираясь на его грудь и принимая его в себя; или перед ним, когда он глубоко брал ее сзади. Христос, он почти ощущал ее мягкую попку своим пахом, двигаясь в ее тесном, горячем теле. Он затвердел лишь от одной мысли об этом. Слава богу, пиджак он застегнул, так что его член не войдет в дверь вперед его самого. Он хотел, чтобы сегодняшний вечер был ради нее. Чтобы он был идеален.

Алли потеряла висячую бриллиантовую сережку в левом ухе.

— Привет.

— И тебе привет. Ты прекрасно выглядишь. Это платье вызывает у меня желание или прикрыть тебя, или пересмотреть планы на вечер.

— Ваше сообщение было весьма загадочным, мистер Чейз. Почему мне нужно было так наряжаться?

— Это сюрприз, — Хадсон взял из рук Алли палантин и обернул им ее плечи. Затем высвободил из-под него ее волосы и, коснувшись указательным пальцем шеи, едва поборол желание прижаться губами к ее затылку.

Рука его опустилась на обнаженную кожу ее поясницы, и Хадсон повел Алли к лимузину, где Макс уже ждал возле открытой двери. Алли забралась внутрь, Хадсон сел рядом. И стоило ему это сделать, как он тут же осознал, как невероятно она пахла, и это совсем не помогало облегчить боль между ног. Он сделал глубокий вдох. Этот вечер обещал быть долгим, а он был не из тех парней, которые долго держат руки при себе. Особенно когда она чертовски сексуальна в этом платье, которое так и молит его расстегнуть.

Когда лимузин стал набирать скорость, Алли уставилась в окно. Хадсон буквально

слышал, как крутятся шестеренки в ее голове, пытаясь по маршруту вычислить, куда он ее везет. Нервное предвкушение потрескивало в воздухе между ними, а он наблюдал, как она пыталась сложить кусочки пазла воедино.

Он потянулся к ней, сжимая ее руку и ритмично поглаживая большим пальцем середину ладони. Этот простой жест должен был успокоить ее и обнадежить его, но в результате только свел его с ума, заставив вспомнить о потенциальной катастрофе, которая вот-вот укусит его за задницу.

Лимузин завернул на парковку. Пробка окружила их, пешеходы расступались перед машиной, косясь и пытаясь угадать, кто же внутри, и в то же время не показывая вида. Алли пригнула голову, пытаясь через окно разглядеть парадный вход огромного здания с Моцартом, Бетховеном и Бахом, вытесанными из камня. Узнавание пронеслось по ее лицу, и она повернулась к Хадсону, улыбаясь:

— Симфония?

Хадсон незаметно выдохнул от облегчения, увидев ее реакцию.

— Мне удалось подергать за кое-какие ниточки и достать билеты.

Алли наклонилась и прижалась к нему губами.

— Спасибо.

Его указательный палец погладил ее подбородок, скользнув ниже.

— Мне только в радость, — воспользовавшись преимуществом тонированных стекол, он накрыл ее рот поцелуем. Губы ее раскрылись, и его язык скользнул внутрь, мягко и медленно поглаживая. Хадсон услышал тихий щелчок отстегнутого ремня безопасности, равносильный зеленому свету, и привлек Алли себе на колени. Она была самой невероятной девушкой из всех, кого он когда-либо знал. Он застонал ей в рот, углубляя поцелуй — полизывая, дразня, пробуя на вкус. И это вызвало желание целовать ее повсюду с таким же пылом. Его руки скользнули вниз по обнаженной коже ее спины, а ее пальцы зарылись в его волосы, слегка дернув, именно так, как ему нравилось.

Едва не потеряв контроль, он оторвался от ее губ. Хриплое дыхание опаляло ее губы.

— Христос, Алли, я должен вытащить тебя из этого лимузина, пока не приказал водителю ехать и не останавливаться.

На секунду она засомневалась, губы ее замерли у самого его рта, но потом слезла с его колен. Хадсон зашипел, когда она задела эрекцию, барабанной дробью пульсировавшую по ширинке. Он устроил член поудобнее в штанах. Он ошибался, думая, что вечер будет долгим. Он будет мучительным.

Дверь открылась, и когда Алли вышла из лимузина, Хадсон тут же очутился позади нее, поймав палантин, когда ветер сдул его с ее обнаженных плеч. Он накинул палантин обратно и осторожно поместил руку под тонкую ткань, поглаживая большим пальцем ее позвоночник. Пальцы его задержались на начале молнии, и все, о чем он мог думать — вытряхнуть ее из этого платья и опрокинуть на кожаные сиденья, широко раздвинув ноги. Проклятье. Он провел рукой по волосам и захлопнул дверь, сдерживаясь, чтобы не затащить ее обратно в машину и не насладиться ею посреди Чикаго.

Поднимаясь к кирпично-каменному зданию концертного зала, Хадсон положил руку на поясницу Алли. И тут же ощутил, как она внезапно напряглась.

— Не надо, — прошептала она едва слышно.

Он придержал дверь и убрал руку с ее поясницы. Плечи ее заметно расслабились. Когда они миновали золотую эмблему Симфонического оркестра Цинциннати, высеченную на

мраморной плите, он напомнил себе, что бывать в таких местах для нее обычное дело, так же, как и для парня вроде него сходить в Макдональдс.

Они начали подниматься по лестнице, и Хадсон наблюдал, как ее рука скользит по полированным перилам. Он хотел, чтобы ее нежная ручка была на его руке, ее изящные пальцы изогнулись бы вокруг его бицепса. Боже, он хотел этой связи; почувствовать ее руку ближе, а вместо этого ощущал лишь расстояние между ними. Но он понимал ее беспокойство. Находиться с ним здесь и выказывать что-то большее, чем профессиональное отношение — значит, гарантированно угодить в проклятые газеты. Она была помолвленной наследницей, а он — плейбой-миллиардер. И снова это грязный секрет.

Когда они добрались до вершины лестницы, Хадсон провел ее сквозь толпу, гудящую о "сезоне" этого года. Черт, окружавшие их люди были холоднее стекляшек в их ушах и на их шеях. Когда ее взгляд окинул комнату, его взгляд последовал за ним, ненадолго задержавшись на баре. Он склонился к уху Алли.

— Хочешь выпить? — он выпрямился обратно. — Мне бы не помешал стаканчик.

Или пять.

Алли кивнула.

— Сейчас вернусь.

Женщины оборачивались ему вслед, когда он проходил мимо, взглядами провожали его до бара; без сомнений, они любопытствовали о последних слухах в прессе или оценивали стоимость его активов. По их мнению, им просто повезло. Забавно, чем упорнее он работал, тем сильнее выглядел везунчиком.

— Пино гриджо и Блю Лейбл, чистый.

Когда бармен поставил заказ на барную стойку, Хадсон взял в руки хрустальный бокал с лучшим скотчем и все равно чувствовал себя так, будто держит банку дешевого пива. Он залпом выпил алкоголь и заказал еще одну порцию, взгляды узнающих его людей жгли спину.

Проклятье, эта идея выглядит все хуже и хуже.

Он бросил пятидесятку на барную стойку и проделал обратный путь сквозь толпу. Чем ближе он подходил, тем яснее видел нервозность на лице Алли и то, как она вцепилась в свой клатч.

— Мне жаль, если это было ошибкой, — сказал он, протягивая ей бокал белого вина.

Алли встретилась с ним глазами и ее взгляд смягчился.

— Мне очень понравился твой сюрприз с этими билетами. Ты запомнил... — ее голос оборвался. — Это очень заботливо с твоей стороны.

— Мы можем уйти, если хочешь.

— Нет, я хочу остаться.

— Может, мне лучше уйти? Я могу забрать тебя после концерта, если...

Она накрыла ладонью его предплечье.

— Я хочу быть здесь с тобой.

Прикосновение было небрежным, но от его интимности стиснуло грудь, точно она сжимала его сердце.

Он опустил голову, и все вокруг исчезло. Звон бокалов, приглушенные разговоры, звуки музыкальных инструментов, готовящихся к концерту. Все это исчезло. В тот момент она была для него всем миром.

Его губы приблизились к ее, и в тот же мгновение она поднялась на цыпочки.

Лампы над головой заморгали, давая пятиминутное предупреждение, и вмиг звуки шумного зала вернулись.

Алли мягко опустилась на каблуки, и Хадсон выпрямился. Какого хрена он творит?

Они были на людях, ради всего святого. Хотя с ней все вокруг испарялось.

— Нам лучше занять свои места, — сказал Хадсон. Он указал в сторону ложи, но воздержался от того, чтобы касаться ее спины. Очутившись в ложе, он закрыл дверь и отодвинул красную бархатную штору, чтобы присоединиться к Алли на их местах.

Хадсон прошел позади ее стула, обитого красным плюшем, и выгодная позиция обеспечила ему потрясающий вид.

Она скрестила ноги, и разрез платья приоткрылся. Пресвятой Иисус, ох уж эти ноги. Следующие три часа будут адской тренировкой самоконтроля.

Хадсон наклонился к ее уху. Жест был вполне невинным — один человек хочет поговорить с другим среди шума настраиваемых инструментов. Его губы скользнули по ее уху, и он прошептал:

— Не могу дождаться, когда отвезу тебя домой. И раздену, — он занял свое место и сверкнул похотливой улыбкой. — Но с другой стороны, чего только не случается в темноте.

Алли раскрыла рот от изумления, когда огни концертной залы приглушились. Все глаза были прикованы к дирижеру, занявшему свое место на подиуме. Все, кроме ее. Она была слишком занята созерцанием невозмутимого профиля Хадсона, чтобы уделять внимание взмахам дирижерской палочки. Симфоническая картина "В Средней Азии" Александра Бородина всегда была одной из ее любимых, но даже вдохновляющие звуки валторны не могли привлечь ее внимания.

Чего только не случается в темноте.

Он же не серьезно. Он не стал бы на самом деле предпринимать что-то в ложе. В открытую. Где все могут увидеть. Он бы не осмелился. Она проглотила ком в горле. Или осмелился бы?

Как выяснилось, ей нечего было бояться. Во время первой части выступления Хадсон вел себя в точности как подобает джентльмену, и Алли чувствовала себя немного глупо из-за того, что ожидала иного. И если уж совсем быть честной, была капельку разочарована. *Господи, Синклер, соберись. Откуда это в тебе взялось?* Подумав, она поняла, что в действительности надеялась на какое-то подтверждение, что она не задела его чувства. Учитывая, как она вела себя, когда они только пришли, удивительно, что он все еще в этом здании. Она отреагировала слишком бурно. Какая разница, если кто-то увидел бы их вместе? Сходить на симфонию с другом — не такое уж большое дело.

Она тихо усмехнулась сама себе. Ну да, с другом, который прошлую неделю только и делал, что имел ее на всех воображимых поверхностях.

Второй частью представления этим вечером стал концерт для флейты Хачатуряна. Когда он начался, Алли украдкой глянула на Хадсона, надеясь, что он не умер со скуки. Взгляды их встретились, и к ее огромному облегчению он улыбнулся. Теплый румянец залил ее щеки. Что такого было в этом мужчине, что заставляло ее чувствовать себя столь раскованной в одно мгновение и невероятно стеснительной в следующую секунду? Он посмотрел ей в глаза, и взгляд его постепенно начинал блуждать, становился темнее, горячее, и она поймала себя на том, что начинает ерзать от напряжения.

Алли отвернулась, невидящим взглядом уставившись на сцену перед собой. Хадсон переменял позу так, чтобы его рука оказалась рядом с ее на подлокотнике, не касаясь, но приблизившись достаточно для того, чтобы она могла ощутить тепло, исходящее от его тела. И затем легким движением запястья установил контакт. Едва уловимый взглядом, легкий, но ощущавшийся как электрический разряд, прошедший между ними в той крошечной точке, где кожа соприкоснулась с кожей.

Трубный звук возвестил начало четвертой симфонии Чайковского, и тишина накрыла всех присутствующих. Хадсон слегка наклонил голову к ней:

— Положи палантин на колени, — произнес он тихим, хрипловатым голосом.

Ее глаза метнулись к нему и встретили его взгляд, полный порочных мыслей. Она

поколебалась, его слова возбуждали и пугали одновременно. Балкон скрывал их от любопытных глаз, но все же...

— Давай, — произнес он одними губами.

Сердцебиение Алли ускорилося, и, стянув палантин с плеч, она аккуратно уложила его себе на колени. Ее тело загудело от предвкушения, когда он небрежно положил руку на свое правое бедро, тесно прижатое к ее левой ноге. Она ждала, затаив дыхание, и... ничего. Первое движение закончилось, едва успев начаться, Хадсон с увлеченным вниманием наблюдал за музыкантами в смокингах, а Алли, нетронутая, ерзала на своем сиденье.

Сбитая с толку, она выдохнула и скрестила ноги, правую на левую. Его движение было столь крошечным, что она никогда бы и не заметила, что его рука сдвинулась с колен. Однако она почувствовала это. Его пальцы скользнули под кашемировую ткань палантина и слегка погладили ее икру. Алли вздрогнула, и его пальцы замерли. Когда она расслабилась, он продолжил поглаживать и ласкать, медленно продвигаясь выше. Он задержался, выписывая ленивые круги на ее коленной чашечке, затем позволил пальца соскользнуть обратно на икру лишь для того, чтобы заново начать круг своих пыток. Он продолжал по той же схеме — поглаживающие движения вверх, затем обратно вниз, пока Алли отчаянно пыталась контролировать сбивающееся дыхание.

Музыка нарастала, и его рука опустилась под ее колено, легонько подталкивая. Ее расширившиеся светло-карие глаза встретились с немой просьбой в его пронзительно-голубых, и она медленно сняла ногу с ноги.

Его пальцы раскрыли разрез платья. Широкий палантин все прикрывал, но Алли все равно его поправила.

Сердце ее заколотилось, когда он погладил ее обнаженную кожу, поднимаясь все выше и выше с каждым движением руки.

Туда и обратно. Туда и обратно. Ровный ритм идеально ложился на музыку второй части симфонии, а когда дирижер перешел к третьей, это сделал и Хадсон. Без предупреждения его рука зарылась меж ее бедер. Его пальцы скользнули под ее трусики, и до нее донеслось едва слышное шипение, когда он ощутил доказательство ее желания.

Музыка замедлилась и притихла, а он провел пальцами прямо там, где она была влажной и жаждущей его прикосновений. Затем протяжная нота флейты прервала тишину зала, и два толстых пальца протолкнулись глубоко внутрь нее. Ее глаза метнулись к Хадсону, и он встретил ее взгляд, его неподвижные пальцы наполняли ее, растягивая. Медленно, не спеша, он начал двигаться неумолимыми ровными толчками, заботясь о том, чтобы не привлекать внимания никакими неожиданными или повторяющимися движениями, которые можно было бы увидеть поверх балкона. С резким движением запястья его пальцы изогнулись, умело находя то сладкое местечко, заставлявшее ее плавиться в его руках.

Алли подавила стон, когда его большой палец неожиданно погладил клитор, двигаясь ритмичными круговыми движениями, тогда как его пальцы продолжали свои провокационные ласки. Ее взгляд скользнул по толпе внизу зала, но все следили лишь за безумными жестами дирижера, не догадываясь, какой взрыв нарастает в приватной ложе над ними.

Она ощутила на себе его взгляд, наблюдающий за ее реакцией. По жару, заливающему щеки, она знала, что покраснела. Но заметил ли он, как колотится в груди ее сердце? Чувствовал ли он дикий ритм ее пульса? Или то, как ее губы раскрылись в безмолвном вздохе? Ее ладони стиснули бархатные подлокотники, она пыталась подавить необузданные

ощущения внутри, но бесполезно. Сладкая боль между ног становилась невыносимой, он ближе и ближе подталкивал ее к полной потере контроля.

А сам сидел, как будто абсолютно равнодушный.

Словно прочитав ее мысли, Хадсон взял ее руку и исподтишка положил на свое колено, позаботившись о том, чтобы скрыть этот жест.

— Коснись меня, — прошептал он. — Почувствуй, как я затвердел для тебя.

Его эрекция натянула брюки костюма, и легким движением бедер он подстроился под ее ладонь. Он хотел ее, и любой ценой, судя по всему. Это было слишком. До сих пор она удерживала капельку контроля, сопротивляясь желанию податься навстречу его ищущим пальцам. Но от ощущения твердого доказательства его возбуждения, его явного желания и жажды ее голос разума разлетелся вдребезги. Смелым и наглым движением она обвила пальцами его длину и сжала. Он резко закрыл глаза, а когда вновь открыл, взгляд его горел желанием.

— Мы уходим, — сказал он, когда началась четвертая и заключительная часть. Он встал, беря Алли за руку и поднимая на ноги. Он отдернул бархатную штору, и когда они очутились у двери, штора упала обратно, отрезая их и оставляя в совершенной темноте.

Хадсон остановился и развернулся на пятках. Одним стремительным движением он обрушился на Алли, прижимая ее к стене ложи. Ее губы распахнулись во вздохе, и он воспользовался этим, свирепо целуя ее долгими, глубокими ударами языка. Его напряженное тело придавило ее, окутало со всех сторон, ошеломляя ощущениями, и она застонала от отчаянной жажды, запуская руки в его волосы.

— Я не дотерплю до дома, — он отодвинулся на считанные секунды, и она услышала тихий щелчок пряжки ремня. — Я собираюсь трахнуть тебя. Здесь. Сейчас.

Его дико эротичные слова потрясли ее, и всплеск чистой похоти пронесся по ее венам.

— Кто-нибудь может войти, — задыхалась она.

— Плевать.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

И в тот момент ей самой было плевать. Вообще. Внизу находились сотни людей, внимательно слушающих четвертую часть симфонии Чайковского, разносившуюся по залу, и все равно она могла думать лишь о том, как сильно желать ощутить его внутри.

Его руки переключились с ширинки на ее бедра, задирая платье выше, пока он не добрался до промокшего атласа ее трусиков. Он застонал, поглаживая влажную ткань, и тут же схватился за край. Алли ощутила резкий рывок, и нежная ткань разорвалась, спадая с ее тело, а ее жаждущее естество ощутило поток прохладного воздуха.

Она потянулась к Хадсону, приспуская его брюки ровно настолько, чтобы высвободить его из боксеров, и в следующий момент он сократил дистанцию между ними, сплавляя их губы воедино, прижимая ее к стене сильным мускулистым телом. Она ощутила пульсацию его горячей твердой эрекции и задрожала. И она знала, что как только он войдет в нее, это будет быстрой, яростной схваткой.

Рука Хадсона погладила ее бедро сзади. Он поднял ее ногу, раскрывая ее, и закинул ее колено себе на талию. Плотная штора обеспечивала почти полную темноту, но благодаря тонкой полоске света, пробивавшейся из-под двери, Алли различала дымку желания, клубившуюся в его ярко-голубых глазах. Он согнул колени и вошел в нее одним глубоким толчком, заставившим ее резко втянуть воздух. Он отступил и вонзился снова, пробиваясь глубже. Она чувствовала себя абсолютно наполненной, невозможно было сказать, где

заканчивался он и начиналась она.

Ее голова запрокинулась к стене, он двигался в ней плавными безжалостными движениями, заставлявшими ее стонать от того, как идеально они друг другу подходили. Никому еще не удавалось распалить ее страсть так, как Хадсону. Он был тем, что ей нужно, тем, чего она желала.

Их окружил звук барабанов, пламенный ритм, возносивший их выше и выше, его толчки становились все более дикими и отчаянными. Она изо всех сил стиснула пиджак на его плечах, ослепляющий темп вот-вот грозился поглотить ее.

Музыка возросла до крещендо, и все ее тело начало содрогаться. Пульсирующая дрожь зародилась в ее естестве, а затем раскатилась волнами по всему ее телу, вторя инструментам на сцене внизу. Барабаны пробили свои финальные ноты, и Алли уронила голову, пряча лицо на шее Хадсона, чтобы приглушить крик острого наслаждения, сорвавшийся с губ. Оргазм накрыл ее с головой, и она зубами вцепилась в кожу Хадсона. Он застонал, когда она впилась в него, помечая, все его тело содрогнулось, вминаясь в нее до отказа в последний раз, и он кончил.

Как только судороги стихли, Хадсон бережно опустил ее на ноги. Она покачнулась на каблуках, и он придержал ее, обняв за талию.

— Кажется, я начинаю любить классическую музыку, — сказал он.

Все еще задыхаясь, она умудрилась усмехнуться.

— Я думала, для тебя все звучит одинаково.

— Это — другое дело, — он посерьезнел и провел большим пальцем по опухшим от поцелуев губам Алли, но тут же свернул порочной улыбкой. — На самом деле, надо вернуться домой и переслушать это несколько раз.

Алли влетела сквозь вращающиеся двери отеля Дрейк и поспешила вверх по лестнице. Консьерж выглянул из-за своего стола, когда она прошла мимо, но Алли не нуждалась в указаниях. За несколько лет она десятки раз бывала на Палм Корте.

Арфистка была на своем месте, там же, где и каждый день во время послеобеденного чая. Ноты, безупречно сорванные со струн, переливались по воздуху, идеально гармонируя с журчанием фонтана в центре комнаты. Драпированные шифоном колонны обрамляли сцену, за ними ресторан расширялся в уютную зону отдыха с роскошными диванами, обитыми бархатом, и белыми льняными стульями. Алли окинула взглядом комнату и увидела, что мать сидела на одном из стульев, спиной к фонтану, и только что поставила чайную чашечку китайского фарфора на белый мраморный столик перед собой.

— Ты опоздала, — проворчала Виктория. Она наклонила голову в знак приглашения. Несмотря на свое раздражение, Алли подчинилась, стараясь не запачкать мать помадой, когда наклонилась и прижалась к ней щекой.

— У меня есть работа, мама. Я не могу бросить все просто потому, что ты оставила голосовое сообщение и вызвала меня на чай.

Ее мать оскорбилась.

— Тебя не *вызывали* на чай, Алессандра. Мне просто нужно было обсудить с тобой кое-какие вопросы, а это казалось идеальным местом встречи.

Едва она села на темно-коричневый диван, ее поприветствовал официант в смокинге.

— Добро пожаловать в Палм Корт, — сказал он. — Что могу предложить вам для начала?

— Я возьму Эрл Грей. Без кофеина, пожалуйста. Без сливок, без сахара, но немного меда отдельно было бы здорово, — подумав, она добавила: — О, и апельсиновую дольку вместо лимона, если есть. — Официант отошел, кивнув, и Алли повернулась к матери. — Что такого срочного?

— Вчера мне звонила Элизабет Прескотт. Она сказала, что Хилари попросила тебя быть ее партнером по игре следующим летом.

Алли вонзила ногти в ладони. Ее мать действительно выдернула ее посреди рабочего дня, чтобы поговорить о теннисе? И даже если она каким-то образом пребывала в заблуждении, что Алли заинтересована в игре, то до сезона в любом случае еще шесть месяцев.

— Мама, если ты позвонила мне, чтобы обсудить...

— Она также пригласила меня послушать симфонию прошлым вечером, — она смотрела на Алли, выражение ее лица ни о чем не говорило.

Алли постаралась сохранить ровный тон голоса.

— Вот как.

— Да, похоже, ее муж не смог из-за обстоятельств, давших о себе знать в последний

момент, и она столь любезно предложила мне лишний билет. У них были отличные места. Главный зал, центральный проход, — Виктория поднесла чашечку к губам и отпила небольшой глоток. — Конечно же, я бы предпочла места в ложе, — медленными и методичными движениями она поставила чашку с блюдцем обратно на маленький столик.

Сердце Алли бухало у нее в груди, но внешне она сохраняла идеальное спокойствие, изо всех сил стараясь казаться равнодушной, пока мать изучала ее лицо на предмет малейшей тени реакции. Не отрывая взгляда от Алли, она легонько промокнула угол рта салфеткой. Закончив, она аккуратно сложила ее и уложила на колени своего мятно-зеленого костюма от St. John.

— Тебе понравилось представление, Алессандра?

Подошел официант с заказом Алли, давая ей несколько драгоценных секунд, чтобы собраться с мыслями.

Отрицать было бесполезно. Очевидно, мать видела ее в ложе с Хадсоном. Единственный вопрос, который оставался — как много она увидела. Ее живот скрутило от одной мысли. *Держись, Алли.*

Все, что ей нужно было сделать — выпить свой чай, немного поговорить и убраться отсюда к чертовой матери.

— Очень даже, — Алли потянулась к крошечному блюдцу с медом, как всегда делала на многочисленных чаепитиях. Только в этот раз, когда она опускала полную меда ложку в чай, ее рука немного дрожала.

Возможно, ее мать не заметила.

— Меня пригласил один из благотворителей фонда. Я встретила с ним в прошлом месяце на мероприятии в музее.

— Да, я видела, как вы с ним танцевали тем вечером.

Эта женщина хоть что-нибудь пропускает?

— Он недавно приехал в город и попросил быть его гостьей. Ты знаешь, как я расстроилась, узнав, что Джулиан забыл забронировать билеты. Кроме того, я подумала, что это даст мне возможность более детально обсудить работу, которую мы проделали в "Лучшем начале", возможно, обеспечить еще одно пожертвование, — Алли помедлила, чтобы не начать нервно тараторить. Она выдохнула через нос, успокаиваясь. — Мы никогда не достигли бы изначальной цели без его помощи.

— Я прекрасно знаю, какой щедрый чек выписал мистер Чейз.

Она знает его имя?

— Ты в курсе?

— Мое дело — знать всех основных игроков, Алессандра, и я говорю не только о фонде.

Официант поставил между ними трехуровневую безукоризненно блестящую стойку. На каждом уровне было фарфоровые блюда с множеством канапе, хлеба с фруктами, булочек и французских пирожных. На один неловкий момент официант поколебался, а затем спасся бегством на кухню. *Везучий ублюдок.*

— Я просто обожаю это место. В нем намного больше души, чем во всех этих вульгарных отелях, которые строятся в наши дни, — ее мать взяла себе огурец и томат на хлебе без корочки, но не откусила ни кусочка. Вместо этого она положила сэндвич себе на тарелку и подняла подбородок. — Родословную ничем не заменить, Алессандра. Ты должна это хорошенько запомнить. Несколько удачных вложений не причисляют этого мужчину к тому же классу, что и Джулиана.

— Но нужно отдать и дань уважения мужчине, который сам себя сделал, мама. Некоторым людям не довелось родиться с титулом или семейным состоянием. Им пришлось упорно трудиться, чтобы добиться желаемого в жизни. Все, чем владеет Хадсон Чейз, было заработано, а не унаследовано.

Ноздри Виктории слегка раздулись.

— Весьма пламенная речь в защиту того, кто всего лишь благотворитель, — она наклонилась ближе, голос ее превратился в смертоносный шепот. — Не думай, что можешь меня обдурить, юная леди. Ты едва ли будешь первой женщиной, которая наслаждается тем, что пустилась во все тяжкие, — ее ладонь пригладила и без того идеально гладкий французский пучок волос. — Видит Бог, Паоло скрасил не один мой вечер.

Кто, черт побери, такой Паоло? Алли пробежалась по воспоминаниям и с визгом притормозила, когда перед глазами всплыло лицо ее детского инструктора по теннису.

— Теннисист?

Мать выгнула бровь.

— Его частные уроки сотворили чудеса с моими ударами, но я бы ни за что не позволила ему сопровождать меня на светское мероприятие.

Сердце Алли упало от осознания, что ее мать была ходячим клише. Голос ее дрогнул, когда он спросила:

— А папа знает?

— Мы с твоим отцом пришли к компромиссу много лет назад. Мы живем в таком мире, Алессандра, но ты едва ли можешь рассчитывать на такую вседозволенность, — взгляд Виктории перескочил на кольцо на пальце Алли. — Подожди, пока не получишь его обручальное кольцо, затем дашь ему наследника для титула... а до тех пор тебе стоит быть осмотрительной. Мужчины склонны закрывать глаза на некоторые... увлечения, до тех пор, пока их нужды удовлетворены. Но ни один мужчина не потерпит неловкого выставления напоказ, которое ты устроила прошлым вечером.

Каждый мускул в теле Алли напрягся, она гадала, сколько же увидела ее мать. Балкон определенно скрывал руку Хадсона из виду. И на коленях у нее был палантин. Неужели она мельком видела их из-за шторы? О боже. Алли подумала, что ее вот-вот вытошнит.

— Честно говоря, Элизабет чудом не заметила, как ты смотрела на этого мужчину.

Все, что она видела — это пара жарких взглядов? Алли выдохнула бы от облегчения, если бы не находилась под пронзительным взглядом матери.

— Я не стану унижаться из-за твоих неосторожных поступков, Алессандра.

Официант ненавязчиво подошел к их столику. Виктория натянуто улыбнулась ему и попросила чек, затем вновь переключилась на Алли.

— Думаю, это будет отличным местом для коктейлей, как думаешь?

Брови Алли собрались к переносице.

— Коктейлей?

Мать кивнула и отпила еще глоток чая.

— Да, перед приемом. Они уберут диваны и стулья с дороги и поставят несколько высоких столов. Конечно же, мы драпируем их шелком, украсим свечами и свежими цветами. Поставщик провизии предложил паста-бар или стойку с нарезкой, но я остановилась на традиционных закусках. Серебряные подносы и белые перчатки куда элегантнее, чем очередь, выстроившаяся к углу с едой. Ради всего святого, это же Дрейк, а не сеть фаст-фуда.

Виктория продолжала описывать свое видение идеального свадебного приема. Смотри прямо перед собой, Алли заметила, что ей открывается идеальный вид на двери бального зала вдалеке. Слова "Зал Голд Кост", похоже, наводнили голову матери, поскольку она затронула все, от высоты ваз на столах до размера танцпола. Каждая деталь была тщательно спланирована, вплоть до места их встречи.

Алли слушала, но не вслушивалась, как-то ухитряясь кивать в нужные моменты. Она потирала ладонями бархат дивана. Где, черт подери, ходит официант с чеком?

Она удрала, как только чек был оплачен, буквально сбежав вниз по лестнице. Свежий порыв ветра стал долгожданным облегчением до тех пор, пока она не посмотрела через улицу, на вход в здание Палмолив. В груди стало тесно. Ей нужно было порвать с Хадсоном. Откладывание неизбежного не вело ни к чему хорошему, и чем больше времени они проведут вместе, тем труднее будет в конце. И теперь, когда у матери зародились подозрения...

— Такси? — спросил швейцар.

— Да, пожалуйста.

Ее телефон пиликнул, сообщая об смс, и она посмотрела на экран.

Это было от Хадсона. *Освободил остаток дня. Ранний ужин у меня дома?*

На часах лишь половина пятого, а Хадсон готов бросить работу. Для нее. Она посмотрела вверх, на здание.

Был ли он уже там, ждал ли?

— Мэм?

Она повернулась и увидела, что швейцар придерживает дверь такси.

— Все еще желаете такси?

Алли перевела взгляд на такси и быстро набрала ответ. *Не могу. Куча работы. Позвоню позже.*

И не перечитывая, нажала "отправить" и забралась в такси.

— Выпей. Выглядишь так, будто тебе это необходимо, — Хадсон протянул Алли низкий стакан. Она покачала головой, продолжая мерить шагами пространство от камина до дивана, петляя туда-сюда вдоль живописного вида из окон. — Тогда мне это необходимо, потому что такое чувство, что мне не понравится то, что ты собираешься сказать.

— Я не могу продолжать бегать сюда с зубной щеткой и запасными трусиками в сумочке.

— Я бы выделил тебе ящик, но проблема не в этом, не так ли? — поскольку ответом ему была тишина, он продолжил: — В этом месте ты должна рассказать мне, что происходит на самом деле.

Хадсон сделал большой глоток из стакана и медленно проглотил выпивку. Он наблюдал за ее движениями и был готов поспорить, что все это как-то связано с тем бредом сивой кобылы насчет работы допоздна, которой она отправила ему в сообщении.

— Выкладывай.

Она остановилась у камина.

— Я больше так не могу.

— Это не твое решение, — он залпом допил остатки скотча, наклонился и поставил стакан на журнальный столик чуть резче, чем рассчитывал. — Не в этот раз.

— Моя мать сегодня вызвала меня в Дрейк, Хадсон. Видимо, она заметила нас на концерте, и ей необходимо было обсудить это за чаем и булочками.

— Понимаю.

— Она будет следить за каждым моим шагом.

Вся легкомысленность исчезла из выражения его лица. Виктория Синклер здесь имела больший вес, чем он сам. Нахрен все это, хватит ей.

— Твоя мать играет в игры с играми, Алессандра.

Лицо Алли омрачилось, и она повернулась к огню.

Хадсон подошел ближе и провел пальцем по ее подбородку, заставляя посмотреть ему в глаза. Тон его смягчился.

— У тебя есть право самой контролировать свою жизнь.

Эти простые слова повисли между ними, и почувствовав их вес, он понял, что должен вытащить Алли из этого дерьмового урагана. Она была готова сбежать, он видел это на ее лице. Черт, да она была одной ногой на пороге. Но слов будет недостаточно. Он собирался показать ей, заставить ее увидеть, что то, чего она желает, стоит прямо перед ней.

— Давай уедем на выходные. Только мы двое.

Она покачала головой.

— Я не могу просто исчезнуть на все выходные.

— Ты не пропадешь с лица земли, и там ловит сотовый... ну почти везде. Если только ты не думаешь, что мать отслеживает твой телефон. Тогда, думаю, он обретет новый дом на

дне озера.

Алли рассмеялась.

— Не думаю, что понадобится уничтожать сотовый. Не то чтобы она не стала отслеживать меня, если бы могла, но эта женщина едва справляется с смс-ками.

— Что скажешь? — глазами он проследил крошечную складку меж ее бровей. Она появлялась, когда Алли колебалась в нерешительности, тяготилась неопределенностью или просто сердилась.

— Я не знаю, — Алли прикусила нижнюю губу. — Уже вечер четверга, куда мы сможем отправиться в такой короткий срок?

— У меня есть местечко в паре часов отсюда на озере Женева. В это время года там просто прекрасно, когда вся листва опала. Мы можем прогуляться на озеро или остаться дома, чтобы я мог перецеловать каждый дюйм твоего прекрасного тела, — он сверкнул улыбкой. — Кроме того, я соскучился по своему байку.

— Наконец-то накопил, чтобы купить себе мотоцикл, какой хотел? — поддразнила она.

— Удалось наскрести несколько баксов. И мне не терпится прокатить тебя на нем, — он опустил голову к ее горлу, оставляя след из невесомых точно перышко поцелуев. — Есть идея.

Алли склонила голову набок.

— Звучит заманчиво.

— Тогда решено, — он поднял голову и прижался губами к ее лбу. — Теперь как насчет выпивки?

— Да, пожалуйста.

Хадсон подошел к барной стойке и дернул за дверь винного холодильника. Основная часть его коллекции хранилась внизу, но он всегда держал несколько бутылок под рукой на кухне. Он как раз вытащил с полки бутылку калифорнийского шардоне, когда зазвонил телефон. Он поставил вино на гранитную столешницу и выхватил трубку из гнезда.

— Чейз.

Когда Алли подошла ближе, Хадсон развернулся на 180 градусов и пробежался рукой по волосам.

— Пропустите его наверх.

Он повесил трубку и, тихо выругавшись, повернулся к ней лицом.

— Что там? — спросила она.

Он напрягся, стиснув зубы.

— Мой брат.

— Ник здесь? — в последний раз Алли видела братишку Хадсона, когда тому было всего двенадцать лет. Кривая ухмылка, копна неуправляемых волос и огромные карие глаза, полные героическим восхищением старшим братом. Алли улыбнулась. Ей не терпелось вновь его увидеть.

— Ага, но сейчас не время для воссоединения, — Хадсон быстро подошел к Алли и взял ее за локоть. — Мне нужно, чтобы ты подождала в моей комнате.

— Что? — Алли нахмурилась. — Почему я должна ждать там? Это всего лишь твой брат.

Да, верно, она только что сорвалась из-за того, что ее мать видела их на концерте, но это же другое. Это Ник. Он хранил их секрет десять лет назад. И ее не беспокоило, если он узнает о них сейчас.

— Ты должна довериться мне в этом, Алли, — широкими размеренными шагами он направлялся вместе с ней по коридору к его спальне. Его поведение полностью изменилось со звонком швейцара. Напряжение волнами прокатывалось по всему телу. Когда они дошли до двери в спальню, она услышала, как вдалеке с тихим сигналом прибыл лифт.

— Оставайся здесь, — сказал он. — Это не займет много времени.

Он повернулся и вышел, закрыв за собой дверь.

Что, черт побери, только что произошло? Хадсон торопливо вытолкнул ее из комнаты. Сердце Алли опустилось. Вот как он думает о ней? Что ей стыдно, когда ее видят с ним? Да ничего подобного. В нормальных обстоятельствах она гордилась бы выйти с ним рука об руку. Но эта ситуация была далека от нормальной. Паника, которую она ощутила ранее, не имела ничего общего с его прошлым или с его происхождением. Но так или иначе, она заставила его думать, будто так и есть.

Алли тяжело вздохнула, признавая, что в данный момент не могла ничего сделать, только ждать.

Можно еще готовиться ко сну. Она не планировала оставаться на ночь, но после неожиданного прихода Ника и странной реакции Хадсона она ни за что не уйдет. Только не тогда, когда возникло столько вопросов без ответов.

Она выхватила футболку из комода Хадсона и направилась в хозяйскую ванную, чтобы переодеться и почистить зубы. В ящике лежала новая зубная щетка, рядом со щеткой Хадсона. Она распаковала ее, улыбнувшись этому жесту. Под жесткой внешностью скрывался милый и внимательный мужчина. Конечно, он возненавидел бы это описание, если бы услышал. Представив, какое у него было бы лицо, она рассмеялась со ртом, полным зубной пасты, но это была правда. Она бесчисленное количество раз видела его мягкие стороны, хотя очевиднее всего это было заметно по тому, как он обращался с Ником.

Хадсон всегда был таким хорошим с братишкой. Он терпеливо выдерживал непрекращающийся поток вопросов, которые могли прийти в голову только

двенадцатилетнему мальчишке. Он заботился о нем, всегда убеждаясь, что Ник был дома до комендантского часа. И он был добр к нему, позволяя Нику ходить за ними хвостиком, хотя тот постоянно дразнил Хадсона из-за того, что у него есть "деееееевушка".

Что же изменилось? Почему он настаивал, чтобы она осталась в комнате? Алли сплюнула и прополоскала рот, обдумывая все эти вопросы, затем вытерла лицо полотенцем. Любопытство в итоге взяло над ней верх, и она тихонько выбралась из комнаты Хадсона.

Добравшись до конца коридора, она услышала голос, принадлежавший предположительно Нику.

— Ты должен помочь мне, чувак.

— Куда, черт побери, ты постоянно смотришь?

— На твой лифт. Это гребаная хрень вообще закрывается?

— Это частный лифт, Никки. Вот, выпей это, — раздражение в голосе Хадсона было ощутимым, и хотя она не видела его, она могла представить глубокую складку между его бровей. — Сколько дней ты не спал в этот раз?

— Не могу нахрен спать. Я даже не бывал дома.

— Почему? Опять просрочил чертову ренту? — Хадсон практически кричал. — Прекрати смотреть на хренов лифт и сядь уже нахер.

Алли высунула голову из-за угла и украдкой взглянула на двух братьев. Хадсон стоял спиной к ней, загораживая Ника, который очевидно послушался брата и сел уже нахер. Хадсон провел рукой по волосам и отошел к окну, давая Алли возможность взглянуть на Ника. Ей пришлось закрыть рот рукой, чтобы сдержать вздох.

Конечно же, он выглядел иначе — теперь он был старше, двадцать два года, может, двадцать три — этого она ожидала. Но она не ожидала увидеть его таким взъерошенным и взбудораженным. Он постукивал пяткой по полу, нога его дергалась в безумном темпе, руки тормозили бутылку с водой. *Открутить крышку. Закрутить крышку.* И даже издали она видела, как сильно он потел. *Открутить крышку.* Ник бросил пластиковую крышечку на журнальный столик и сделал большой глоток. Осушив бутылку, он вытер рот тыльной стороной ладони.

Хадсон повернулся лицом к брату, и Алли была ошеломлена их семейным сходством.

Она никогда не замечала этого в молодости, но несмотря на свое нынешнее состояние, Ник был так похож на старшего брата. Та же линия подбородка, тот же нос, те же темные волнистые волосы — хотя у Ника они были намного длиннее, и судя по виду, несколько дней невымытые. Самой непохожей чертой в них были глаза. Ясно-синие у Хадсона и темно-карие у Ника. В груди у Алли стало тесно, когда она всмотрелась в глаза Ника с темными кругами под ними. Когда-то столь теплый и полный жизни, их взгляд теперь был отсутствующим и нервно дергался по комнате.

— Они преследуют меня. Ублюдох, наверное, наблюдает за моим домом.

— Слушай, у тебя ломка и ты несешь чушь, — сказал Хадсон, но Ник, похоже, не слушал. Все его внимание было сосредоточено на отскребывании этикетки от бутылки. Без предупреждения он вскочил и начал мерить шагами комнату, точно запертое в клетке животное. Когда он оказался в пределах досягаемости, Хадсон поймал его за воротник.

— Давай, можешь отоспаться внизу или в кинотеатре, выбирай сам.

Ник вырвался из его хватки. Хадсон долго смотрел на него, затем покачал головой и отвернулся. Алли спряталась за угол, боясь, что ее обнаружат. Она уже кралась по направлению к хозяйской спальне, когда голос Ника остановил ее на полпути.

— Ты не слушаешь меня! — проорал он.

— Я прекрасно тебя слышу. О какой сумме мы говорим?

Воцарилась долгая пауза, и когда Ник наконец заговорил, голос его был намного тише.

— Гребанная куча денег.

— Сколько, Ник?

Ник пробормотал несколько слов, которые ей не удалось разобрать.

— Блять! — взорвался Хадсон. — Как ты мог быть таким тупым?

Алли вздрогнула от звука кулака, ударившего по чему-то твердому.

— Я не собирался всерьез лезть в это дерьмо. Я клянусь, Хадсон, это...

— Не смей заканчивать это чертово предложение.

Открылся кухонный шкафчик. Звякнули стаканы. С глухим стуком поставили бутылку.

И затем воцарилась лишь напряженная тишина.

Когда Хадсон наконец заговорил, Алли поняла, что он использовал эту паузу, чтобы обуздать свой нрав. Голос звучал ровно, но слова все еще острее бритвы.

— Сейчас ты внимательно меня послушаешь, потому что условия этой сделки обсуждению не подлежат. Я дам тебе эту сумму, но ты отправляешься на реабилитацию. Завтра. Считай это расплатой.

— У меня все под контролем, бро. Не надо реабилитацию.

— Есть лишь один правильный ответ, Ник.

Ник промямлил ответ, и следующее, что услышала Алли, были шаги Хадсона по гостиной. *Дерьмо!* Она быстро метнулась по коридору, и когда он вошел в комнату, она уже сидела на кровати, скрестив под собой ноги.

— Все в порядке?

— Нормально, — Хадсон прошел через комнату, едва глянув на нее. Каждый мускул на его лице напрягся, когда он сорвал с запястья часы и бросил на комод.

Далее карманы. Он опустошил их, небрежно бросив в кучу бумажник, мелочь и телефон. Закончив, он рывком открыл ящик комода, вытащил пару пижамных штанов и исчез в ванной.

Очевидно, он был далеко от "нормально".

Алли заползла в постель и скользнула под покрывало. Выдохнув, она прислонилась к изголовью, скрестила руки на груди и стала ждать. Когда Хадсон через несколько минут появился из ванной, одежда его сменилась, но не настроение.

Он отбросил одеяло и растянулся на постели, закрыв предплечьем глаза. Алли пристроилась на подушку рядом с ним, наблюдая, как тяжело поднимается и опускается его грудь. Некоторое время спустя стало понятно, что Хадсон не собирался рассказывать о позднем визите брата. Придется Алли самой заговорить об очевидном.

Она глубоко вздохнула и призналась:

— Я подслушивала.

Хадсон поднял руку с глаз и посмотрел на нее с непроницаемым выражением лица.

— Только что?

Она кивнула.

— Прости. Просто ты был так расстроен, — Алли пыталась найти оправдания, а Хадсон вновь опустил руку на лицо, никак не реагируя и ничего не поясняя. — Я понятия не имела.

— О чем? Что мой брат — наркоман? — в его голосе прозвучала тихая покорность, и она невольно задумалась о том, что возможно, он впервые признался себе в этом, не говоря

уж о том, чтобы произнести вслух.

— Долго он употребляет?

Хадсон провел рукой по лицу.

— У Ника были тяжелые времена, — в его глазах застыла неизмеримая печаль, и на какое-то мгновение нечто большее, нечто более темное. — Особенно после смерти мамы.

Их мать умерла? Это было для нее новостью.

Прошло некоторое время, прежде чем Хадсон снова заговорил, и в этот раз его голос смягчился до едва слышного шепота.

— Ее нашел Ник, — он закрыл глаза. — Он все еще пытался разбудить ее, когда я пришел. Тряс ее, кричал, звал по имени.

У Алли встал ком в горле от одной мысли, как малютка, которого она когда-то знала, прильнул к своей мертвой матери. Глаза ее увлажнились, когда она представила, как страшно ему, должно быть, было. Ни один маленький мальчик не должен хоронить свою маму, не говоря уж о том, чтобы обнаружить ее бездыханное тело.

Челюсть Хадсона напряглась.

— Это привычное поведение для Ника — являться на ночь глядя, просить денег — но сегодня он был в худшем состоянии, что я когда-либо видел, — он прерывисто выдохнул. — Если он будет продолжать в том же духе, то закончит точно так же, как она, передозировкой черт знает чего. Дерьмо, я не могу... — голос Хадсона сорвался, все тело напряглось. Мгновение спустя он прочистил горло, и когда он продолжил говорить, его голос был полон стальной решимости. Генеральный директор вернулся, разбираясь с проблемой. — Я должен заставить его обратиться за помощью.

— Он согласился на сделку, на реабилитацию? — спросила она. Голос ее был полон непролитых слез.

— Он сказал, что пойдет туда, — похоже, Хадсон был не слишком убежден.

— Нам лучше отменить поездку. Ты должен сосредоточиться на Нике.

— Нет, я отвезу его утром, затем заверну и заберу тебя. Сможешь уйти после обеда?

— Да, наверное, будет нормально, — Алли изучала его лицо, изо всех сил пытаясь расшифровать его выражение. — Ты уверен?

— Я мало что могу сделать, пока он будет в клинике.

Хадсон снова замолчал. Она могла лишь представить, каким беспомощным он себя чувствовал. Потому что она чувствовала себя точно так же, глядя на него сейчас. Неспособная облегчить его беспокойство и боль.

Алли подвинулась ближе. Хадсон обнял ее, принимая ее утешение, прижимая к своему боку и касаясь губами макушки. Она ответила тем же, запечатлев нежный поцелуй на его обнаженной груди, и ощутила, как он расслабился под ее прикосновениями. Такое утешение она могла ему дать. Если хотя бы на одну ночь он потеряется в ней.

Ее ладонь скользнула по его животу, по кубикам его пресса, губы проложили цепочку влажных поцелуев по груди. Его грудь расширилась, и когда ее язык закружил вокруг его соска, в его горле завибрировал одобряющий стон. Ее рот двинулся дальше, мягко посасывая и пощипывая кожу на его ребрах. Хадсон водил рукой вниз и вверх по ее спине, пока ее ищущие пальцы выводили ритмичные узоры. Алли посмотрела на него. Пылающим взглядом он наблюдал, как она исследовала его торс пальцами и языком.

Желая большего, она потянулась к завязкам его штанов. Когда она сдернула их, его эрекция выскочила наружу, твердая, с поблескивающей капелькой на головке. Дразня его

легкими точно перышко прикосновениями, она проследила пальцами точеные изгибы его бедер. Он дернулся, когда тыльной стороной ладони она задела твердый ствол его эрекции, и по ее губам скользнула довольная улыбка. О да, это она могла сделать. Она могла отплатить ему той же монетой, на которую он сам не скупился.

Алли стащила пижамные штаны ниже. Она провела ногтями по одному бедру вниз, затем по другому вверх. Затем ее рука скользнула по его животу и повторила тот же путь, нарочно задевая напрягшуюся эрекцию. Потом она вновь провела ногтями по внутренней стороне его ноги. Бедра его напряглись.

— Коснись меня, — прошептал он.

Она запечатлела влажный поцелуй на его груди и наконец взяла его в руки. Дыхание Хадсона сорвалось на шипение, когда она стала ласкать его член, такой твердый и все же бархатисто-мягкий. Его бедра опять конвульсивно дернулись. Инстинктивно она усилила хватку, сжимая и поглаживая его увеличивающуюся длину. Его глаза закрылись, и когда ее язык стал кружить вокруг ее пупка, низкий стон сорвался с его губ. Это был самый эротичный звук, что она когда-либо слышала. Все ее тело загорелось желанием большего. Касаться каждого дюйма его тела было недостаточно. Она хотела попробовать его на вкус. Его полностью. Она наклонилась вперед и взяла в рот его головку.

Его глаза распахнулись.

— Алли.

Он посмотрел на нее глазами, горящими желанием, а она играла языком с головкой его члена. Его рука бережно легла на ее голову, а ее язык продолжал описывать круги. Раскрыв губы, она начала нерешительно сосать его, беря все глубже, постепенно находя ритм. Его веки опустились, дыхание свистом вырывалось сквозь зубы.

— Ах, проклятье, да, вот так.

Подвинувшись между его ног, она прижала его эрекцию к животу и провела всем языком от основания до головки, прежде чем полностью взять член в рот. Его бедра дернулись, толкаясь глубже в нее.

Она протолкнула его до стенки горла и с сильным сосущим движением выпустила. Ее язык покружил вокруг головки, и затем она вновь глубоко втянула член в рот.

Его пальцы вцепились в ее волосы.

— Боже, Алли... так хорошо.

Теплая сладкая боль разлилась меж ее бедер. Слышать свое имя от него заставило ее практически задыхаться от нужды. Она и не догадывалась, что дарить ему наслаждение может оказаться таким возбуждающим. Но глядя на него, она не могла представить ничего более возбуждающего, чем ощущение его у себя во рту.

Глаза Хадсона сверкали желанием, он наблюдал, как она снова и снова берет его.

— Ах, Алли... — он выдавливал слова сквозь стиснутые губы. — Ты сейчас доведешь меня до оргазма, — он резко втянул воздух и выдохнул предупреждение. — Остановись сейчас же, если не хочешь, чтобы я кончил.

Алли схватила его за бедра, чувствуя, как мышцы напрягаются под ее ладонями. Он дернулся у нее во рту, и она знала, что он уже близко. Она сосала жестче, наслаждаясь тем, что может заставить его потерять контроль. Пальцы в ее волосах сжались крепче, ритм его бедер участился.

— Я сейчас кончу, — он резко выдыхал каждое слово. Сделав глубокий толчок, он застыл и с криком кончил, наполняя ее рот своим освобождением. — Проклятье, Алли.

Она глянула на него, пока солоноватый вкус его наслаждения стекал по ее горлу. Боже, она любила смотреть, как он кончает. И осознание, что это ее прикосновения, ее рот заставили его потерять рассудок, сделало это все намного слаще. Она села на пятки, с победной улыбкой наблюдая, как все напряжение покинуло его тело.

Грудь Хадсона тяжело вздымалась, пока он пытался восстановить дыхание.

— Это было весьма неожиданно, — сказал он, приподнимаясь на локте и подгибая одну ногу. — Потрясающе, но неожиданно, — он поднялся, не отводя от нее взгляда, и теперь они сидели лицом к лицу. Одной рукой он опирался на кровать, тогда как другая ласкала ее бедро. — Ты завелась, делая это?

Простые движения его руки по ее коже заставили ее живот скрутиться.

— А ты как думаешь? — спросила она.

Его ладонь скользнула между ее колен, и она открылась ему, раздвигая ноги, когда его ладонь подвинулась выше. У Алли перехватило дыхание, когда его пальцы погладили шелк ее трусиков.

— О, думаю, что возбуждалась. Думаю, держа мой член во рту, ты изнывала от желания ощутить его между своих бедер, — его грубые слова послали волну жара через ее естество, все ее тело пульсировало желанием.

Его пальцы продолжали свою неумолимую пытку, поглаживая влажную ткань. Закрыв глаза, она сосредоточилась лишь на движении его пальцев туда и обратно. Туда и обратно. Пока ее бедра не начали покачиваться под его рукой.

— Я прав, Алессандра? Ты жаждешь ощутить меня внутри?

Она резко втянула воздух, когда его палец нырнул под край трусиков.

— Да.

Он рванулся к ней, проникая языком в ее рот и одновременно вводя один палец внутрь. Желание неслось по ее венам. Она потянулась к нему, вцепилась ему в волосы, притягивая его ближе. Его язык ласкал ее рот в том же ритме, что и его палец, массирующий местечко глубоко внутри нее.

Ее спина изогнулась, и тогда он другой рукой накрыл ее грудь, большим пальцем поглаживая напрягшийся сосок, проступивший через ткань футболки. Он застонал ей в рот, затем отстранился, стащил с нее футболку через голову и опрокинул на постель.

Хадсон навис над ней. Он опустил голову и поймал ее нижнюю губу зубами, нежно потянув, прежде чем накрыть ее губы долгим и жестким поцелуем. Она ответила ему, обвивая руками его шею, призывая его еще ближе. Его тело скользило по ее телу, пока каждый дюйм ее кожи не оказался покрыт им.

И все же этого было недостаточно. Она нуждалась в большем. Отчаянно желая трения, она приподняла бедра, но он лишь отстранился.

Она захныкала от потери контакта, затем задрожала, когда его рука скользнула по ее животу и под нежную ткань ее трусиков. Сладкая боль между ног распространилась по всему телу, когда его пальцы нажали и вновь отпустили. Он сдвинулся ниже, помедлив у входа. Кружа, лаская... сводя ее с ума. Она закричала, когда один, а затем и два пальца толкнулись в нее. Его голос прохрипел ей на ухо о том, как здорово было чувствовать ее губы на своем члене и как сильно ему хочется ощутить влагу ее тела сейчас. Он усилил свои слова, прижав увеличившийся член к ее бедру, тогда как его пальцы продолжали двигаться в ровном ритме. Ее мышцы напряглись, его пальцы и слова все ближе подталкивали ее к желанному освобождению.

Его язык обвел раковинку ее уха и затем губы очутились на шее, медленно прокладывая дорожку поцелуев по всему ее телу. Он ленивыми кругами обводил ее напряженные соски, затем слегка царапнул их зубами. Она извивалась под ним, почти обезумев от желания.

— Пожалуйста, Хадсон...

Животом она ощутила его улыбку.

— О нет, детка, око за око.

— Что? — задыхаясь, она подняла голову. Хадсон посмотрел на нее из-под темных ресниц. Его глаза были полны похотливых намерений. Языком он провел сначала по одному изгибу ее таза, затем по другому.

— Ты была безжалостна в своем стремлении, Алессандра, — его руки с обеих сторон взялись за ее трусики, опуская их ниже, пока он продолжал прокладывать дорожку поцелуев. — Теперь моя очередь.

Резким движением Алли открыла шкафчик в ванной и начала набирать полные руки разных вещей. Зубная паста, косметика, лосьон. Она не останавливалась и не разбирала их, просто закидывала все подряд в косметичку. Меньше всего сейчас нужно было, чтобы мать заявила без предупреждения и застала ее за упаковкой вещей в поездку на выходные. А теперь, когда Виктория настороже, возможно было все что угодно. Конечно же, она бы предложила идеально логичное объяснение — *я была по соседству и просто обязана показать тебе эти образцы* — но это не более чем отговорка. Чем скорее она вытащит Хадсона из своей квартиры, тем лучше.

Она попыталась оставить его ждать в машине под невинным предлогом типа "Нет нужды подниматься, я вернусь через несколько минут".

Ну да, сработало, как же.

— Черта с два я буду ждать в машине, — сказал он.

Судя по его успеху в мире бизнеса, мало что могло запугать Хадсона Чейза.

Ни безжалостный соперник в совете директоров, ни тем более разгневанная мать в гостиную. Но вне его понимания оставался тот факт, что если Виктория Ингрэм Синклер почувствует, что имидж ее семьи находится под угрозой, то нельзя сказать, насколько далеко она готова зайти, чтобы его защитить. Внешне ее мать казалась ветреной светской львицей, но на самом деле среди чикагской элиты она была проницательным и могущественным игроком. Реакция Алли на чаепитие с матерью имела куда большее значение, чем простое столкновение характеров матери и дочери. Она опасалась, что могло случиться с Хадсоном, стань он мишенью для ярости ее матери.

Алли закинула в спортивную сумку фен и ботинки хайкеры, и быстро застегнула молнию. Подняв сумку с постели и вынося ее в гостиную, она появилась как раз в тот момент, когда Хадсон убирал мобильник обратно в нагрудный карман пиджака. Даже не спрашивая, она знала, что он опять звонил брату.

Этим утром они проснулись и обнаружили, что Ник куда-то ушел еще до рассвета, и с тех пор Хадсон безуспешно пытался связаться с ним. Он даже ездил в квартиру Ника, пока Алли была на работе, но сказал, что судя по виду, Ник там не был несколько дней.

— Есть что-нибудь? — спросила она, опуская битком набитую спортивную сумку на диван.

Хадсон провел рукой по волосам и ослабил узел галстука.

— Снова голосовая почта.

— Ты уверен, что не хочешь отменить? — спросила она его по меньшей мере в десятый раз.

— Уверен. Ник, скорее всего, отлеживается. Пару дней он будет отсыпаться после ломки.

Несколько секунд она обдумывала его ответ. Часть ее все еще была убеждена, что лучше

отменить поездку, чтобы Хадсон мог искать Ника, но возможно, Хадсон был прав, что он попросту где-то вырубился. Бедный парень выглядел измотанным. И кроме того, если бы Ник был готов принять помощь, он не стал бы сматываться посреди ночи.

Хадсон взял чемодан Алли.

— Готова?

— Почти, дай только закончить паковать вещи.

Его бровь взлетела вверх.

— У тебя еще что-то есть? — изумление в его голосе было нескрываемым, и впервые за весь день он слегка улыбнулся. Хадсон был таким тихим и замкнутым с тех пор, как обнаружил, что Ник сбежал от их сделки. Но теперь, глядя на нее с притворным ужасом, нахмуренные черты его лица расслабились в искренней улыбке, коснувшейся и голубых глаз.

— Всегда два, — она направилась к спальне и обернулась к нему через плечо, изо всех сил стараясь выглядеть невинной и показывая два пальца. — Они маленькие.

Метнувшись обратно в коридор, она услышала, как ее спортивная сумка с грохотом упала на пол гостиной. Мгновение спустя Хадсон оказался в дверях ее комнаты.

— Христос, Алли, мы уезжаем только на выходные.

Уперев руки в бока, она осмотрела одежду, разложенную по всей постели.

— Я не знаю, сколько нарядов мне понадобится.

Поймав ее за запястье, Хадсон обхватил ее руками и прижал спиной к своей груди.

— Не в моих планах позволять тебе оставаться одетой так долго, чтобы думать о смене наряда, — он уткнулся носом в ее волосы. — Я хочу, чтобы это тело было готово для меня в любой момент.

Его слова опьяняли, и все ниже талии вдруг содрогнулось от желания. Если он будет также продолжать — водить по ее ушку языком, прикусывать мочку, *о да, вот так* — они никогда не выйдут за пределы ее спальни, не говоря уж о Чикаго.

— Хадсон, я серьезно. Я же не знаю, куда мы направляемся или что будем делать, — она вывернулась из его рук и подошла к гардеробной. Когда мгновение спустя она появилась оттуда с охапкой свитеров и джинсов, то увидела Хадсона, развалившегося на ее постели. Он опирался на локоть, а на лице играла та самая его сексуальная ухмылка, и выглядел он соблазнительно во всех смыслах. Один вид его заставил Алли замереть. Она невольно вспомнила последний раз, когда он растянулся на этой кровати... обнаженный... луна отбрасывала тени, резко очерчивая контуры его груди, когда он двигался над ней... под ней... внутри нее...

— Думаю, ты знаешь, что мы будем делать, Алессандра, — сказал он, медленно растягивая слова и выдергивая ее из воспоминаний, точно прочитав мысли. — Что касается того, где — моя кровать, джакузи...

— О, джакузи! Мне нужен купальник, — Алли бросила груды одежды и направилась к комоду. Достав бикини из нижнего ящика, она засунула его в сумку, но Хадсон тут же вытащил его и отбросил в сторону.

— Тебе это не понадобится. Вообще тебе половина этого не понадобится, — сказал он, вытаскивая один за другим предметы ее туалета из сумки, пока кое-что интересное не попало на глаза. — Вот это, по-твоему, надевают в лес? — Хадсон сел, натянув большими пальцами черную кружевную подвязку, и сверкнул порочной улыбкой. — Это бы замечательно смотрелось на багажнике моего байка.

Алли закатила глаза и выхватила подвязку из рук Хадсона.

— Этому там не место.

— Как хочешь. Но это, — сказал он, с ухмылкой вытаскивая розовую кружевную сорочку, — определенно поедет с нами. Вещь жизненной необходимости.

— Дай сюда, — она попыталась выхватить откровенное белье, но он не дал.

— О нет, это поедет со мной. Для безопасности, — Хадсон притянул Алли между своих ног. Его широкие ладони пробежались по ребрам и обхватили ее грудь. — Если только ты не хочешь надеть ее прямо сейчас.

Его полная надежды улыбка заставила ее внутренности превратиться в теплый мед. Она улыбнулась в ответ, высвобождаясь из объятий.

— Если мы начнем это сейчас, мы никогда не уедем.

— Верно. И чем скорее мы туда доберемся, тем скорее я тебя раздену, — Хадсон встал и игриво шлепнул ее по попке. — Собирайся.

Алли опустила голову на кожаное сидение Хадсонова Рендж Ровера Автобиографи.

Они ехали уже около часа, и чем дальше они отъезжали от границ города, тем более расслабленной она себя чувствовала.

Так много времени прошло с тех пор, как она выбиралась из мира стекла и бетона, что Алли и забыла, как прекрасна загородная природа в это время года. Некоторые деревья все еще были зеленые, но большинство уже теряло листву, несмотря на теплые деньки. Яркие оттенки золотого, оранжевого и красного раскрасили пейзаж наподобие вариации на тему Моне от матери-природы.

Как только они приблизились к городку на озере Женева, пролетающие мимо холмы уступили место роскошным курортам, обширным полям для гольфа и конюшням, обнесенным белыми деревянными заборами. Сам город был весьма старомодным, ярко выкрашенные магазинчики и рестораны выстроились вдоль берега. Это было одно из тех мест, за которые городские тусовщики выкладывают бешеные деньги, чтобы "убежать от всего этого", и где десятки розничных торговцев были более чем счастливы помочь им потратить денежки. Арт-галереи, антикварные лавки и ювелирные магазины заполнили обе стороны улицы, не говоря уж о нескольких высококлассных магазинах спортивных товаров, готовых обслужить искателей острых ощущений на природе.

На одном из окон висел знак, рекламирующий тарзанки. Живот Алли ухнул вниз от одной лишь мысли. Она глянула на Хадсона, надеясь, что болтаться в упряжи не было его видением идеального отдыха на природе.

— Ты бы хотел сделать что-то особенное, пока мы здесь? — спросила она.

Хадсон с любопытством приподнял бровь и посмотрел на нее.

— Вы даете мне карт-бланш, мисс Синклер?

Она почувствовала, как лицо запылало.

— Я имела в виду что-то вроде игры в гольф или езды на лошадях. В таком роде.

Хадсон хохотнул.

— Вместо лошади я предпочитаю Харлей, — Рендж Ровер остановился на красный свет, и темный взгляд Хадсона встретился с ее взглядом. — Что касается остального нашего пребывания здесь, думаю, я ясно заявил о своих намерениях еще в твоём особняке.

Не отрывая от нее взгляда, он взял ее за руку и запечатлел нежный поцелуй на

костышках ее пальцев. Ощущение его губ на коже заставило Алли поерзать на сиденье. Она хотела чувствовать эти губы каждым дюймом своего тела, как они целуют ее, лизут, заставляют кончить. Глаза Хадсона слегка расширились, когда она заерзала под его горячим взглядом. Он в точности знал, как влияет на нее. Но вместо того, чтобы сердиться из-за его самодовольного вида, она вдруг поняла, что едва справляется с искушением схватить его руку и опустить между своих бедер, чтобы он сам увидел, насколько был прав.

Светофор переключился, и Хадсон, нежно сжав ее ладонь, отпустил, вновь кладя руку на руль. Его нога резко вдавила педаль газа, машина рванулась вперед, вжимая Алли в податливую кожу сиденья. Она отвернулась к окну, чтобы скрыть улыбку. Если скорость автомобиля была показателем, то похоже, не одна она боролась со своими желаниями.

Алли смотрела на воду, пока внедорожник мчался вдоль береговой линии. Солнце только-только начинало садиться, и поздние послеобеденные лучи заставили поверхность озера сиять серебристым блеском. Вдалеке гребное колесо двухэтажного парохода вспенивало воду. Старомодный корабль выглядел бы как дома скорее на могучей Миссисипи, чем на девятимильном озере, но тем не менее был очарователен.

— Приехали, — сказал Хадсон. Автобиографи резко завернул налево меж каменных стен, мелькавших по обе стороны извилистой подъездной дорожки, ведущей на поляну на вершине холма. Алли выглянула из окна. Особняк из дерева и камня возвышался над ней остроконечной крышей и двумя этажами окон. Хадсон припарковал машину перед домом рядом с широкой лестницей. Наверху ждала деревянная дверь со стеклянной вставкой. Алли наклонилась вперед, рассматривая линии широкого деревянного настила, которым был отделан весь дом. Повернувшись обратно, она увидела, что Хадсон выжидающе наблюдает за ней.

— Он прекрасен, — сказала она.

Уголок его рта приподнялся в смущенной улыбке.

— Мне не терпится показать тебе остальное. Жди здесь, — мгновение спустя он оказался у дверцы с ее стороны, протягивая ей руку и помогая выйти из машины. Он подвел ее к лестнице почти с детским восторгом, но резко остановился, едва они поднялись. Алли услышала слабое жужжание его мобильного, когда Хадсон потянулся в карман джинсов. Глянув на экран, он нахмурился, но отключил сигнал вызова нажатием кнопки. Очевидно, не тот звонок, которого он ожидал.

— Дай мне минутку, чтобы вытащить сумки и проверить свои сообщения, а потом я тебе все тут покажу, — Хадсон отпер дверь и включил кое-где свет, прежде чем вновь сбежать вниз по лестнице, прижав телефон к уху. Алли надеялась, что ему удастся связаться с Ником, пусть даже просто услышать его голос и узнать, что с ним все в порядке. Но едва подумав об этом, она осознала, что шансы крайне малы. Ник был не готов принять помощь Хадсона. Она вздрогнула от мысли о том, сколько еще худших вещей может произойти до тех пор, пока он станет готов.

Ожидая возвращения Хадсона, Алли бродила по великолепной комнате.

Современный деревенский стиль был полной противоположностью его обширному пентхаусу. Темные балки из состаренного дерева крест-накрест пересекались над головой, тогда как весь пол был составлен из широких досок. Камин из серых и желтовато-коричневых камней простирался до самого потолка, как и окна, выглядывавшие на верхушки деревьев. Ряд книжных полок содержал внушительную коллекцию книг в твердых обложках, но центром комнаты был огромный секционный диван, окружавший стеганный пуфик. Он

был из потрепанной коричневой кожи, той, которая на ощупь бывает мягче масла, с подушками в тканых наволочках по бокам.

По правую сторону от нее располагалась кухня. Потолок с балками и дощатый пол переходили в открытое пространство, и те же камни, что и на камине, образовывали подобие очага вокруг варочной поверхности с двенадцатью конфорками. Столешницей служила мраморная плита, которая размерами могла посоперничать с некоторыми обеденными столами, по обе стороны от нее стояли шесть барных стульев. Очевидно, что дом создавался для развлечений.

Стеклянные двери вели к обширному пространству за кухней. Открыв их, Алли обнаружила несколько стульев из тикового дерева с зелено-бронзовыми подушками, расположенных вокруг наружного очага. Через равные промежутки вдоль перил были установлены газовые факелы, а вдали на платформе размещалось огромное джакузи.

Которое, можно поклясться, могло рассказать парочку историй.

Непрощеный укол ревности скрутил живот, и она переключила внимание на вид. Солнце начинало садиться, и уходящие лучи оставляли золотое отражение на озере внизу.

Она вздохнула. Это был идеально романтичный побег. Она знала, что все это глупо, но прислонившись к перилам и глядя на вершины сосен, она в глубине души не могла отделаться от вопроса, сколько еще женщин наслаждалось этим видом.

Дверь позади нее открылась.

— Вот ты где, — сказал Хадсон.

— Изумительный вид. Давно ты владеешь этим местом?

— Месяцев шесть. Я купил его весной, почти в то же время, что и пентхаус.

— Должно быть, пользуется популярностью у девушек, — слова сорвались с ее губ прежде, чем Алли успела себя остановить. Она уже собиралась извиниться, сказать, что это не ее дело, но его ответ заставил ее раскрыть рот от удивления.

— Ты единственный человек, которого я сюда когда-либо привозил.

Он выдержал ее взгляд на протяжении долгого момента, так много несказанного оставалось между ними, пока наконец Алли не нарушила неловкое молчание.

— Как насчет экскурсии?

Его губы сжались в тонкую линию, и он кивнул.

— Точно. Экскурсия.

Она последовала за ним на кухню, где он показал ей несколько навороченных кухонных приспособлений, которыми, как она подозревала, почти не пользовались, затем обратно в главную комнату. Хадсон показал ей две гостевых комнаты, располагавшихся в остальной части первого этажа, и протянул руку.

— Хочешь увидеть, что наверху? — спросил он. Эти четыре слова содержали столько обещаний.

Она вложила руку в его ладонь, и он слегка сжал ее, прежде чем отвести по лестнице в хозяйские апартаменты. Спальня Хадсона имела такой же сногсшибательный вид, что и главный зал, даже еще больше, учитывая добавившуюся высоту. Невысокие кожаные кресла стояли перед камином, напротив которого располагался вход, как она предположила, в хозяйскую ванную, а прямо у очага стояла акустическая гитара.

Она хотела было спросить, играл ли он на этом инструменте, но мысль прервалась, когда ее взгляд упал на кровать размером "больше-жизни".

Изголовье и изножье были покрыты богатой темно-коричневой кожей, отделанной под

диван-честерфилд. Проведя рукой по округлым контурам изножья, она невольно подумала, насколько оно было похоже на диван в игровой комнате Хадсона. Образы глазной повязки и наручников заполнили ее мысли, сердце начало бешено колотиться. Тут ее плеча коснулась рука, и она подпрыгнула. Хадсон внезапно оказался позади нее, отбрасывая ее волосы на одну сторону и губами находя изгиб ее шеи.

— Надень это, — он протянул руку, с которой свешивалась ее розовая сорочка. — И когда вернешься, я хочу привязать тебя к своей постели.

Мягкий стон сорвался с ее губ, когда он провел кончиком языка по основанию ее шеи.

— Посмотри на постель, Алли, — ее сердце колотилось от смеси возбуждения и нервозности. — Представь себя полностью в моей власти. А теперь иди переодеваться.

Алли держала глаза закрытыми, изо всех сил пытаясь отгородиться от солнечного света, заливавшего комнату. Она была не готова проснуться. Только не тогда, когда ее мысли были полны картин с участием шелковых пут и атласных повязок на глаза. А это было перо? А лед? Атака на ее чувства была ошеломляющей, возбуждающей... умопомрачительной.

Воспоминания горячили ее кровь, и сонная улыбка расплзлась по лицу.

Она потянулась, скользнув рукой по прохладным простыням, но обнаружила лишь пустую постель.

Поморгав, чтобы сфокусировать взгляд, она снова потянулась, растягивая сладко болящие мышцы.

Алли всегда гордилась тем, что держала себя в форме, даже в колледже, где пицца была важной частью рациона, но прошедшая неделя с Хадсоном была уникальным в своем роде упражнением. И кстати о мистере Ненасытном, где он?

Дверь в ванную была открыта, но оттуда не доносилось шума льющейся воды. Во всей комнате царил тишина, не считая раздававшегося время от времени щебетания птиц.

И двигателя, набравшего обороты.

Какого черта?

Алли села, от чего простыня соскользнула с ее обнаженного тела, и выглянула в огромное панорамное окно.

Все, что ей отсюда было видно — лишь чистое голубое небо. Алли свесилась с кровати, где на полу кучей лежала ее кружевная ночнушка. Хадсон так настаивал, чтобы взять эту вещицу с собой, а сам практически сразу стянул ее с Алли.

На моем полу она выглядит еще лучше. Его слова отвлекли ее, пока двигатель, набравший обороты, не взревел вновь.

Не увидев в поле зрения халата, Алли завернулась в простыню и выбралась из кровати на разведку.

Стеклянные французские двери вели на маленький балкончик, и открыв их, она обнаружила Хадсона, сидевшего на подъездной дорожке внизу. На Харлее. Одетого в кожу.

У Алли пересохло во рту. До сих пор она видела его одетым лишь как генеральный директор крупной компании — вшитых на заказ костюмах или кашемировых свитерах. Теперь же он выглядел как плохой парень далеко не из лучшего района города. Ее кожа разогрелась от одного лишь его вида, начиная от мотоциклетных ботинок и выцветших джинсов до черной кожаной куртки. Она понимала, что в открытую глаза, но ничего не могла с собой поделать. Там, внизу, оседлав обтекаемую черную машину из стали, сидел парень, которого она когда-то знала. Только теперь он имел власть, контроль и, если это возможно, был в десять раз сексуальнее. Как будто Хадсон версии 2.0.

Он выключил двигатель и улыбнулся ей снизу вверх.

— Доброе утро, засоня.

— Доброе утро, — Алли опустила подбородок и убрала прядь волос за ухо. Почему-то она вдруг почувствовала, что очень стесняется. Возможно, дело в том, что она вышла на балкон раздетой, или же дело в ночи примитивного и безудержного секса. Она почувствовала, как лицо заливает румянец от одной лишь мысли о том, что он с ней проделывал накануне, о том, что она не прочь испытать с ним еще раз. Она прочистила горло, изо всех сил стараясь сохранить голос спокойным.

— Так это тот самый байк, о котором я столько слышала?

— Он самый, — он наклонил мотоцикл набок, установив его на подножку, и слез. — Одевайся. Мы отправляемся покататься.

Трепет возбуждения прошелся по всему ее телу.

— Сейчас спущусь.

Алли поспешила вернуться в дом, быстро переделась в джинсы и легкий свитерок. Она почистила зубы, собрала волосы в свободный конский хвост и, схватив кожаную куртку, бегом слетела вниз по лестнице. Она поедет на Харлее с Хадсоном! Когда она подошла к посыпанной гравием дорожке, то увидела Хадсона, прислонившегося к сиденью байка и державшего в руках шлем.

— Я уже волновался, собираешься ли ты вообще просыпаться?

— Наверное, дело в свежем воздухе.

Выгнув бровь, он выпрямился и отошел от байка.

— Ну, я бы встала пораньше, но ты не давал мне спать всю ночь.

— Я точно помню данные мне конкретные инструкции, — он привлек ее к себе, рукой скользя по изгибам ее попки, прижимая ближе, бедрами потираясь о низ ее живота. — Не останавливайся, Хадсон. О Боже, не останавливайся.

Жар разлился меж ее ног, тело предательски реагировало на его слова, находясь в пошлом настроении. Положив обе руки ему на грудь, она игриво оттолкнула его.

— Ну, теперь можешь остановиться.

Хадсон хохотнул.

— Вот, — сказал он, протягивая Алли шлем. — Надевай.

Алли взяла шлем и скептически осмотрела.

— Не думаю, что он подойдет поверх конского хвоста.

— Не обсуждается. Но возможно, тебе будет удобнее с распущенными волосами, — он протянул руку и аккуратно стянул ее резинку, позволяя длинным светлым кудрям каскадом рассыпаться по ее плечам. Костяшки его пальцев погладили ее щеку. — Ты прекрасно выглядишь.

Его прикосновение воспламенило ее кожу. Она посмотрела на него из-под ресниц, гадая, удастся ли им хотя бы вернуться в дом, не говоря уж о поездке на байке. Если бы он захотел взять ее здесь, на гравии, наверное, она бы позволила.

— Так как эта штука устроена? — спросила она, разрушая связь. И когда она подняла шлем в воздух, рука ее дрожала.

— Позволь мне, — он осторожно надел на нее шлем и застегнул ремень под подбородком. Отрегулировав натяжение ремня и сочтя его достаточным, он переключился на ее куртку, застегнув молнию до подбородка. — На байке может быть прохладно.

Алли подавила желание закатить глаза. Только что он едва не обратил ее в лужицу прямо на подъездной дорожке, а теперь сюсюкается как с ребенком.

— Так куда мы направляемся? — спросила она.

— Я думал отправиться на север, захватить что-нибудь поесть, и возможно, посетить одну из виноделен. Здесь есть одна в здании бывшей фабрики, выглядит интересно и недалеко расположена, — Хадсон забрался на Харлей, застегнул свой шлем и затем завел байк. Двигатель с ревом проснулся. — Забирайся, детка.

Алли приняла предложенную им руку и уселась на сиденье позади него. Она обхватила руками его талию, прижимаясь всем телом, и глубоко вдохнула. Свежий аромат сосны смешался с запахом его тела и богатым ароматом кожи. Она не могла представить ничего более сексуального.

Хадсон вывел байк с подъездной дорожки. Едва очутившись на асфальтированной дороге, они сорвались с места как пуля. Алли взвизгнула от восторга. Рев двигателя волнами отдавался в ее теле, и она сжала ногами его бедра. Боже, это так возбуждало. Почему люди ездят на машинах, если могут ездить на мотоциклах? Она хихикнула, когда собственные шаловливые мыслишки дали ей ответ.

Потому что в итоге дело кончится сексом на обочине, вот почему.

Несколько миль байк проехал вдоль северного берега озера, затем свернул в более лесистую область. Деревья, раскрашенные яркими красками, выстроились по обе стороны дороги, но солнце все равно пробивалось довольно часто. Алли закрыла глаза, подставляя лицо его теплым лучам. Руки ее скользнули под куртку Хадсона, распластавшись по ткани его черной футболки. Она любила ощущаться под пальцами его напряженные мускулы. Она любила свежий загородный воздух и просторную дорогу. Но больше всего ей нравилось, что Хадсон делится с ней чем-то очень значимым для него самого.

Они остановились позавтракать в закусочной, поели жирной еды прямо из бумажных пакетов и затем поехали в винодельню, которую упоминал Хадсон еще дома. Покрытая плющом и выкрашенная в веджвудский голубой, винодельня Стоун Крик источала шарм Старого света, который заставлял ее выглядеть так, точно ее выдернули из французской провинции. Хадсон завернул Харлей к зданию из известняка, выключил зажигание и поставил байк на подножку. Держась за его руку, Алли слезла с байка и, уже расстегивая шлем, услышала, как зазвонил его телефон..

Хадсон выудил мобильник из кармана и нахмурился, посмотрев на экран.

— Я должен ответить.

— Ник? — спросила она. И на какой-то момент она исполнилась надежды, но он покачал головой.

— Чейз, — сказал он в трубку. Повернувшись к Алли спиной, он рассеянно прошел несколько шагов. — Время не улучшит положения. Их финансовые прогнозы — бред сивой кобылы. Они загнаны в угол, — он мельком глянул на Алли, стоящую у байка и наблюдавшую за ним. — Сейчас не лучшее время. Разберитесь с этим, — сказал он, сбрасывая вызов.

— Все хорошо?

— Порядок, — не поясняя, он взял Алли за руку. — Готова попробовать вино?

— Показывай дорогу.

Хадсон привел ее к входу в винодельню, где он приобрел два билета на тур и дегустацию. Выяснилось, что он был прав насчет того, что здание было отремонтированной фабрикой. Построенное еще в 1860-х, когда-то оно вмещало ткацкие станки и вязальные машины, но годы спустя прохладные подземные погреба оказались идеальным местом для брожения и выдержки вина.

После объяснений, как процесс протекает в настоящее время — от давления винограда до закупорки бутылок — гид повел их группу вниз по узкому лестничному пролету в погреб, полный дубовых бочек высотой более 6 футов. Внизу каждой бочки располагалась небольшая дверца, и гид пояснил, что раньше это использовалось виноделами, чтобы забираться внутрь и очищать бочку от осадка. Он открыл одну и спросил, не желает ли кто-нибудь протиснуться через крохотное отверстие, посоветовав добровольцам:

— Вам нужно опереться на локти, впихнуть ноги по пояс, затем одну руку...

— Ни за что туда не полезу, — прошептала Алли.

Хадсон выгнул бровь, глядя на крохотную дверь.

— Хорошо, потому что я не смог бы за тобой последовать.

— Было бы забавно, если бы ты залез. Только мы двое, одни, в темноте, — слова слетели с ее губ почти без раздумий, но она продолжила и наградила его дьявольской улыбкой. — Думаешь, они заметят, что мы отстали от экскурсии?

Уголок рта Хадсона дернулся, и он покачал головой. Очевидно, не одна Алли гадала, что на нее нашло. Он обнял рукой ее шею, притягивая ее ближе и целуя в макушку.

— Заманчиво.

Экскурсия завершилась в комнате для дегустаций с видом на Стоун Крик. Алли подошла к огромным окнам, чтобы понаблюдать за ручьем, обрушивающимся с высоты открытого водного колеса.

— Это прекрасно, — сказала она. — Напоминает "Маленький домик в прериях" (книга для детей, автор Лора Инглз Уайлдер, — прим. пер.)

Хадсон склонился к ее уху.

— Не могу сказать, что это первое пришло мне на ум.

Она склонила голову набок, почти опасаясь спрашивать. Но как и всегда, когда дело касалось Хадсона Чейза, она не смогла устоять.

— И что же первое пришло тебе на ум?

Он обвил ее руками сзади и зарылся носом в ее волосы.

— Уложить тебя на одеяло на берегу лица и заниматься любовью.

Алли повернулась в кольцо его рук и с недоверием уставилась на Хадсона.

— Заниматься любовью?

Его ответная улыбка растопила ее сердце.

— Часами.

Что и говорить о том, как долго они стояли там, улыбаясь как идиоты, пока их не прервал экскурсовод, указавший на бар.

— Леди и джентльмены, дегустация вот-вот начнется.

Экскурсовод жестом попросил всех собраться в кучу.

— Потеснитесь. Мы все тут друзья.

Хадсон прижался к Алли сзади, ловя ее в клетку своих рук, ладонями небрежно упершись в барную стойку. Алли опустила затылок на его грудь и улыбнулась ему снизу вверх. Эта простая улыбка всякий раз переворачивала все у него внутри.

— Слушай внимательно. Потом устрой тебе опрос, — его губы погладили ее ушко, а голос понизился так, чтобы только она могла расслышать. — Ответишь неправильно — отшлепаю.

Щекой он почувствовал, как ее лицо залил теплый румянец, и улыбнулся, когда Алли начала суетливо вертеть в руках бокал для вина — привычка, которую он замечал за ней всякий раз, когда она не знала, что сказать или как реагировать. Начало презентации дало ей временную отсрочку.

— Мы начнем со здешнего неизменного фаворита — Клюквенного Румянца, — экскурсовод проходил мимо стойки, наливая по несколько унций вина каждому в бокал. Он остановился, чтобы наполнить бокал Алли, и затем склонил бутылку, чтобы налить Хадсону.

Но Хадсон отпустил барную стойку и накрыл бокал рукой.

— Нет, спасибо.

Парень продолжил движение вдоль линии бокалов.

— Это сладкое виноградное вино со свежей ноткой сока висконсинской клюквы, придающей ему очаровательный оттенок румянца, — закончив разливать, он поставил бутылку. — Ну, не стойте же просто так, пейте.

Алли развернулась лицом к Хадсону, поднеся бокал к губам.

— Ты не собираешься ничего пробовать?

— Нет, не тогда, когда я за рулем байка. Однако, — кончиками пальцев он приласкал ее щеку, — я наслаждаюсь, наблюдая за тобой.

Алли сделала глоток вина.

— Даже слишком сладкое, — прошептала она перед тем, как осушить бокал до конца.

Он засмеялся.

— Балуете внутреннего сладкоежку? А я думал, что ты только ради шоколада пройдешь огонь и воду.

— Хмм... шоколад это хорошо. Надо будет заехать в магазин и купить все для смора * (12).

Зубы Хадсона поймали раковинку ее ушка.

— Я бы хотел слизывать растаявший шоколад с твоего прекрасного тела, — он услышал, как дыхание Алли прервалось от этих слов, и уже собрался углубиться в детали, как его прервал гид.

— Следующим мы пробуем Водопад Рислинг, — объявил он. Начиная с

противоположного конца барной стойки, гид стал разливать вино из ярко-синей бутылки. — Легкое, полусухое сладкое, оно выиграло множество наград, включая Лучшее вино класса по версии Чейрмен в прошлом году.

Хадсон внимательно наблюдал через плечо, как Алли поднесла ко рту белое вино.

— Как тебе это?

— Дай еще раз попробовать, и скажу, — она сделала еще один глоток. — Вкусно. Очень искристое. Действительно чувствуешь вкус груши.

Он усмехнулся.

— Груши? Столь сложный букет, мисс Синклер.

Алли посмотрела на него снизу вверх, щеки порозовели, глаза сделались слегка стеклянными.

— Секрет в том, чтобы взять в рот и покрутить на языке, — ее язык выстрелил наружу и облизал губы.

Хадсон резко закрыл глаза.

— Конечно же, правильный финал решает все, — продолжала она. — Знаю, некоторые предпочитают не глотать, но правильный финал может сделать опыт еще более приятным. Разве вы не согласны, мистер Чейз?

Ох, он был чертовски согласен.

Хадсон стиснул талию Алли, пальцами зарываясь в ее мягкий свитер и вжимаясь сзади затвердевающей эрекцией.

— Думаю, тебе нужно сделать еще глоточек, — предложил он лишь для того, чтобы вновь понаблюдать, как она язычком увлажняет губы.

— С удовольствием, — она улыбнулась поверх бокала и допила остатки Рислинга.

Смех и звон бокалов заполнял всю комнату, и гиду пришлось буквально кричать, чтобы быть услышанным:

— Все готовы для Бон Вивана?

Нестройное "Даа" эхом прокатилось по дегустационной комнате.

Гид хихикнул.

— Ах, Любитель Жизни. И все вы без сомнения имеете вкус к жизни и наслаждаетесь ею, — на сей раз он начал с середины, налив в бокал Алли щедрую порцию и продолжив свою нескончаемую речь. — Чтобы сохранить особенность винограда, это вино не выдерживается в дубовой древесине. В результате имеем замечательный легкий красный оттенок.

Алли поднесла бокал к губам и распределила вес тела так, чтобы бедрами задеть Хадсона. Она решительно сводила его с ума, потираясь о него после каждого глотка.

— Прошли часы с тех пор, как я был в тебе, — голос его был тихим и напряженным. — А ты делаешь меня болезненно твердым, дразня своей восхитительной задницей.

Допивая красное вино, Алли скользнула рукой назад, между их телами, и погладила его сквозь джинсы.

Хадсон зашипел сквозь стиснутые зубы и склонился к ее уху.

— Продолжай в том же духе. С меня станется выкупить это место, чтобы трахнуть тебя на барной стойке, — и с черной Американ Экспресс в кармане у него были на то средства.

— Финальный выбор — наше Каберне Совиньон, крепкое, насыщенное красное вино, десять месяцев выдерживавшееся в дубовой бочке.

Алли убрала руку сзади и подняла бокал, как только ей налили вино.

— О, это мне действительно нравится.

— Дай попробую, — Хадсон запустил пальцы в волосы Алли и дернул ее голову назад. Его рот мягко скользнул по ее губам, язык проник внутрь, дразня неторопливым поцелуем. Ее запах атаковал все его чувства, и он мысленно застонал. Наконец, оторвавшись от ее губ, он посмотрел на гида.

— Мы возьмем бутылку этого.

Хадсон протянул гиду кредитку и быстро расписался на чеке. Он схватил бутылку за горло и посмотрел на Алли, большим пальцем поглаживая ее нижнюю губу.

— Готова идти?

— Очень готова, — мягко промурлыкала она.

— Тебе необязательно было допивать все до конца, — его рука скользнула под тяжесть ее волос, массируя основание шеи, пока они кратчайшим путем направлялись к байку. — Хотя может так даже лучше для меня.

— Было бы грубо с моей стороны не допивать! Мы же на экскурсии, они сами делают эти вина.

Хадсон хихикнул.

— Да, огромное количество женщин в юбках и с шарфами на голове давят виноград босыми ногами.

— Смеешься надо мной? — Алли игриво ткнула его локтем под ребра. Потеряв равновесие, она споткнулась и упала ему в руки.

— Не смею, — он помог ей восстановить равновесие. — Ты же не свалишься с байка, а?

— Конечно нет. Куда теперь?

— Возвращаемся ко мне, — он уложил бутылку вина в кожаную седельную сумку сбоку байка, затем протянул Алли шлем.

— Читаешь мои мысли, — сказала она, натягивая шлем на голову.

— Я хотел вернуться по Змеиной дороге. В это время года там прекрасно.

Алли уставилась на него, раскрыв рот.

— Змеиная дорога? — ее голос прозвучал на пару октав выше обычного.

Хадсон засмеялся.

— Змеиной она называется из-за изгибов и поворотов, — его рука скользнула по ее подбородку. — Посмотри наверх, детка.

Алли запрокинула голову, и он быстро застегнул ремешок шлема.

— Это же не долгий путь, да?

Он запечатлел быстрый крепкий поцелуй на ее губах.

— Так не терпится раздеть меня, — широко улыбаясь, он перекинул одну ногу через сиденье и надел свой шлем. — Продолжай думать об этом.

Хадсон привстал и завел мотор на всю мощность. Харлей под ним с ревом пробудился к жизни, и внезапно Хадсон захотел ощутить всю свободу дороги вместе с ней на этом байке.

Он протянул руку.

— Давай, садись.

Алли вложила ладонь в его руку и перекинула ногу, забираясь на байк. Скользнув вперед, она обвила руками его талию, все ее тело сплавилось с его.

— Готова, детка?

Она кивнула и крепче ухватилась за него.

Хадсон нажал на рычаг газа на руле, и с ревом двигателя они вырулили на дорогу.

Несколько миль они петляли по Змеиной дороге, байк жужжал и пульсировал под ними точно живой.

Хадсон провез их меж округлых холмов, через аллеи, укрытые деревьями, где желтая листва таяла в оранжевой, затем загоралась краснотой, пока они пронеслись мимо. Они миновали нескольких байкеров по пути и встретили какого-то дурака, додумавшегося буксировать лодку по дьявольской дороге, но в остальном они были одни.

И когда перед ними раскинулась дорога, они были почти неприкасаемы. Хадсон не хотел, чтобы их время вместе заканчивалось. Он был эгоистичен и ненасытен, и хотел большего, нежели несколько дней наедине с ней.

Позади него Алли расслабилась. Он чувствовал, как интимно к нему прижимается каждый дюйм ее тела. Ее идеальные груди на своей спине, ее ноги, обхватившие его бедра, руки, скользнувшие по талии к паху. Дерзкие пальцы погладили его сквозь деним джинсов, и член тут же затвердел. Он крепче вцепился в руль. Вскоре он мог думать лишь о том, как мягкая кожа внутренней стороны ее бедер будет ощущаться на его ногах, когда он будет входить и выходить из нее, медленно и жестко.

Хадсон стиснул зубы. С каждым поглаживанием Алли его эмоции и желание становились все более взрывоопасными. Мягким движением он переключил передачи и завернул на узкое ответвление от дороги, съезжая в уединенную площадку для пикника на краю озера. Выключив зажигание байка, он поставил его на подножку и повесил свой шлем на руль.

— Иди сюда, — Хадсон обхватил рукой талию Алли и притянул ближе к себе так, чтобы ее ноги обхватили ее бедра. Он снял с нее шлем и позволил ему упасть на землю. Кончики ее волос спутались, щеки пылали от прохладного октябрьского ветра.

— Мы закончим то, что ты начала, — ладонями обхватив ее лицо, он захватил ее рот, словно жил лишь ради того, чтобы целовать ее, губы его отчаянно двигались поверх ее. Почувствовав на языке темные и чувственные фруктовые нотки Каберне, он застонал от порочного вкуса.

Алли забралась руками под его футболку. Его пресс напрягся, когда ее руки спустились по бокам прямо к ширинке. Бесстрашные пальцы расстегивали пуговицу одну за другой, освобождая его из джинсов, пока наконец он, горячий и тяжелый, не выпал в ее ладони. Бедра его напряглись, когда она взяла его обеими руками. Боже, как приятно. Всякий раз, когда она касалась его, это было так приятно.

Собрав остатки самоконтроля, он поймал ее нижнюю губу зубами и задрожал, когда ее рука обхватила головку члена. Ее кожа казалась атласной, и это напомнило ему, каким мягким было все ее тело.

— Алли, — его рука сжалась в кулак в ее волосах, и он смял ее рот грубым поцелуем, изнывая от желания поцеловать все ее тело.

— Сожми меня, — хрипло прошептал он, и ее хватка усилилась. — Еще раз.

Алли сжала руки, поглаживая его ствол. Его дыхание становилось все более шумным и хриплым, бедра произвольно покачивались. Он был полностью в ее власти, пока его твердая длина скользила в ее руках, сделавшихся скользкими от его возбуждения.

Он распахнул глаза.

— Достаточно, — он задыхался. — Слишком близко.

Хадсон едва мог связно мыслить. Единственное, чего он хотел — вновь очутиться в ней. Нужда была столь мощной, что бросала вызов здравому смыслу. Часть его хотела

насладиться ею неспешно, но они были на улице, на краю долбаного озера. Он исследует ее тело позже. Пока что желание пересиливало логику.

Схватив Алли, он вскочил с байка. Не медля, он перегнул ее через сиденье, расстегнул джинсы и сдернул их вместе с трусиками одним резким рывком. Он упал на колени, поглаживая ее бедра сзади, разводя их пошире.

— О да, этого я и хочу, — распластав язык, он лизнул самый центр ее естества и забылся в блаженстве.

Его пальцы вцепились в ее попку, пока он атаковал ее горячую плоть своими губами. Алли издала тихий стон, выгибая спину, прижимаясь к его рту. Он потерялся щетиной об ее естество, желая покрыть себя ее запахом, которым он был опьянен. Затем он погрузил в нее язык. И не было места лучше, чем меж ее бедер, и неважно, находился ли он там ртом, пальцами или членом.

Она закричала, когда его язык коснулся ее там, пожирая с искусной безжалостностью, как будто он голодал, а она была единственной, кто мог его насытить. Ее бедра задрожали под его руками. Не поднимая головы, он уговаривал ее и голосом, и плавно погружающимся языком.

— Отдайся этому, Алли.

Алли запрокинула голову и бурно кончила. Ее сладкий вкус оставался на его языке, и все же он желал большего.

Поднявшись за ней, он взял член в руку и погладил головкой влажные складки, размазывая влагу возбуждения. Он подстроился бедрами, раскрывая ее и входя одним мощным толчком. Дыхание резко вырвалось из его легких.

— Я так чертовски глубоко.

— О боже, да, — застонала Алли. Она царапала кожу сиденья, выгибаясь назад, навстречу его толчкам. — Трахни меня, Хадсон. Сильнее.

Ад и черти, она была дикой и неукротимой. И он любил это. Любил наблюдать, как она избавляется от всех запретов, бесстыдно сдаваясь во власть наслаждения. Внутри она была влажной и обжигающе горячей. Для него. Он не просто трахал ее, она была под его кожей, была каждым вздохом в его легких. Навалившись на ее бедра, он вминался в нее с первобытной дикостью, его тело ударяло по изгибам ее задницы.

— Достаточно сильно для тебя?

— Да, — выдохнула она. — Пожалуйста.

Она потянулась назад, накрыв его руку на ее бедре, пытаясь притянуть его ближе. Глаза ее были закрыты, губы приоткрылись. Она потеряла контроль точно так же, как и он сам.

— Я чувствую, что ты уже готова кончить, — он нагнулся над ней, хрипло дыша в шею. Свободной рукой он коснулся ее клитора, массируя влажную плоть, овладевая ей снова и снова, беря все, что хотел, пока она отдавалась ему.

Алли закричала, стискивая его внутри. И в ту же секунду, когда он вновь наполнил ее, его член сделался твердым до невозможности, каждое ощущение умножилось и он последовал за ней, находя собственное освобождение.

Они оба задыхались, навалившись на байк, пока не вернулась способность чувствовать. Хадсон нихрена не понимал, как Харлей устоял.

— Не совсем этого я ожидал, предлагая прокатиться. Хотя я не жалею, — он выпрямился, поднимая ее вместе с собой. — Поехали домой. Я собираюсь сделать это еще раз, но уже медленно. Я хочу провести часы внутри тебя.

Хадсон отбросил волосы с ее лица и накрыл губы долгим медленным поцелуем. И когда ее губы ответили, из ниоткуда возникла мысль: *Ты нужна мне. Не отпускай нас.*

*(12) С'мор или смор — традиционный американский десерт, который едят в детских лагерях обычно по вечерам у бивачного костра. S'more состоит из поджаренного маршмэллоу и куска шоколада, прослоенных в два куска крекера 'грама'

Алли прошлась вдоль книжных полок, занимавших целую стену в гостиной Хадсона. Большинство из них были о политике и банках, но то тут, то там попадалась и художественная литература.

— Ты все их прочел?

Хадсон выглянул из-за барной стойки.

— Большинство. Мне хватает бессмысленной болтовни в офисе. И когда удается сбежать от этого, меньше всего хочется воплей богом забытого телевизора.

Быстрый осмотр комнаты подтвердил, что в поле зрения не было телевизора. Немного подумав, Алли не смогла вспомнить, чтобы где-то встречала его во время экскурсии по дому. Конечно же, ее отвлекли размеры постели. Не говоря уж о пошлых намерениях, которые он шептал ей на ушко.

— Здесь я люблю тишину, только книги и мой байк, — он повернулся и открыл один из шкафов. — В библиотеке в моей квартире собрана еще большая коллекция.

Мыслями Алли перенеслась к выдающейся библиотеке на верхнем этаже его пентхауса. Она представила, как проводит ленивое воскресенье там, с ним, развалившись перед камином, поглощая книги одну за другой, затем поглощая друг друга. *Ммм*. Пир и для тела, и для ума.

— Вина? — предложил он, вытаскивая из грез наяву.

— С удовольствием, — и когда она потянулась к одной из книг, в голову пришла мысль. — О, открой бутылку, которую мы купили сегодня.

— Так и собирался. Не терпится узнать, так ли оно хорошо, как показалось на вкус, — взгляд Хадсона потемнел от чувственного обещания, и под ним ее соски затвердели. Его глаза слегка сверкнули, и она знала, что эта реакция не осталась незамеченной. Теплый румянец разлился по ее лицу. *Боже, да что с ней такое?* Возможно, хватит с нее вина на сегодня.

Алли быстро отвернулась к книжному шкафу, делая мысленную заметку в следующий визит на винодельню лишь пробовать, а не лакать залпом. Понимающая улыбка озарила ее лицо. Опять-таки, возможно, ее настроение никак не связано с вином, а лишь с возмутительно ненасытным мужчиной на кухне.

Бродя мимо книжных шкафов, она чувствовала, как за ней следует его взгляд. Жар пронесся по ее телу точно медленно тлеющий огонь. Остановившись перед стереосистемой, она вытащила iPod из гнезда и, украдкой глянув на Хадсона, притворилась, будто с интересом изучает плейлисты. Он определенно наблюдал за ней, не отводя испепеляющего взгляда и одновременно загоняя штопор в пробку. У Алли пересохло во рту. О да, ей определенно понадобится это вино.

Захватив бокалы, он босиком прошлепал через всю кухню.

— Дай мне знать, когда проголодаешься, и я покажу тебе внушительную коллекцию

меню доставки еды, — он протянул ей бокал и чокнулся своим. — Твое здоровье.

— Твое здоровье, — наблюдая за ним, она покачивала вино в бокале, прежде чем поднести к губам.

Что-то изменилось. И не просто его волосы, все еще влажные после душа, и не повседневная одежда. Она видела его таким раньше. Он выглядел расслабленным, почти беззаботным. Почти как Хадсон Чейз, каким она его помнила.

— Ах, очень даже хорошо, — сказал он, опуская бокал. — Ты сделала удачный выбор, — опустив голову, он языком провел по ее нижней губе. — Хотя я все равно уверен, что на тебе оно вкуснее.

— Попробуй еще чуть-чуть, чтобы убедиться, — она поднялась на цыпочки и бедром ощутила вибрацию.

Хадсон нахмурился, вытаскивая телефон и глядя на экран.

— Если тебе нужно ответить...

Зажав кнопку, он выключил телефон и засунул обратно в карман.

— Это может подождать.

— Что если Ник позвонит или будут проблемы на работе?

— Он не позвонит. И не станет звонить, пока ему опять что-то понадобится. А что касается офиса, сутки они выдержат и без меня, — его взгляд переключился на iPod в руках Алли. — Понравилось что-то?

— Несколько песен — очень даже, — она пролистывала список исполнителей. — У вас весьма разнообразный вкус, мистер Чейз.

— У меня обширные интересы, мисс Синклер, — усмехнувшись поверх бокала, он сделал еще один глоток.

Хмм, вроде пошлого дартса.

Алли переключила внимание обратно на iPod, пока ее бесстыдные соски не решили устроить еще одно представление.

Череп с крыльями летучей мыши внезапно возник на экране.

— Avenged Sevenfold?

— Когда я зол. Мое спасение для непростых дней.

— Полагаю, по черепу на обложке я должна была догадаться, — ее палец прокрутил дальше.

— Mumford & Sons?

— Ребята отлично играют на банджо.

— И Journey?

— Да брось, — он притворно оскорбился, прижав руку к груди. — Классика.

— Справедливо, — Алли глянула вниз, и уголок ее рта дернулся в улыбке. — Как насчет другой классики — Мадонна?

Он невинно поднял руки.

— О нет, это все Ник.

Она рассмеялась.

— Полагаю, Карли Саймон здесь тоже из-за Ника?

Хадсон притих, уставившись на свой бокал с вином.

— Любимая певица мамы, — пробормотал он. Мрачные эмоции бросили тень на его лицо. И не только печаль. Было что-то еще, что-то более глубокое. Алли изо всех сил пыталась разобраться, но он вновь отпил вина, а когда опустил бокал, то исчезло.

Забрав iPod из ее рук, он быстро прокрутил список исполнителей.

— А еще здесь есть Фрэнк, — он поставил плеер обратно в гнездо, и Summer Wind, песня, под которую они танцевали в Филдовском музее, наполнила комнату.

Хадсон взял ее бокал и поставил рядом со своим на стол.

— Потанцуешь со мной?

Улыбаясь, он протянул руку. Это была та же смущенная улыбка, что и годы назад. Та, от которой ее сердце неизменно таяло. Даже теперь, спустя столько времени, она производила тот же эффект. Алли знала, что с мокрыми волосами и без макияжа выглядит далеко не гламурно. Но то, как он на нее смотрел, заставляло ее чувствовать себя так, будто она провела целый день в салоне, готовясь к роскошному приему.

Она вложила руку в его ладонь.

— С удовольствием.

— Хорошо, — сказал он, обвивая рукой ее талию, — потому что я не взял чековую книжку.

Она отстранилась, чтобы посмотреть на него.

— Чековую книжку?

— Миллион долларов — обычная ставка за танец с вами. Вы успешно привлекаете покупателей, мисс Синклер, — он улыбнулся Алли, затем развернул ее, кружа по гостиной. И когда он наконец остановился, у нее перехватило дыхание.

Заразившись его игривым настроением, она с напускной скромностью улыбнулась, глядя из-под ресниц.

— Ты еще при первой встрече знал, что у меня высокие запросы.

Хадсон рассмеялся, запрокинув голову.

— Алессандра, ты даешь новое значение понятию "высокие запросы".

Алли раскрыла рот.

— Вот как?

— И я ничего не стал бы менять, — его глаза светились теплым весельем. — Мне нравится, что у тебя целый час уходит на то, чтобы заказать чашку кофе.

Она поджала губы, но тщетно. Невозможно было сопротивляться его ты-не-можешь-на-меня-злиться улыбке.

И даже зная, что должна обидеться на его комментарий, Алли не смогла удержаться и была побеждена явной привязанностью, звучащей в его голосе. Она улыбнулась и покачала головой.

— Рада повеселить вас, мистер Чейз.

— Всегда, мисс Синклер. Всегда, — он сблизил их тела, рука на ее поясице напряглась.

— Между прочим, еще раз спасибо. Мы бы ни за что не достигли цели без твоего пожертвования.

— Я рад был помочь. Ты должна чувствовать что-то вроде триумфа из-за столь очевидного успеха. И тебе удалось сломать привычную схему, когда кучка старых упрямец со стадным инстинктом собирается вокруг столиков.

Его похвала тронула ее. Алли проделала большую работу, пытаясь сделать мероприятие, которое отличалось бы от типичного ужина, сервированного в стандартном бальном зале. И тот факт, что Хадсон заметил это, значил для нее невероятно много.

— Ты планируешь проводить такие мероприятия периодически?

— Музей был моим первым опытом крупного сбора средств.

— Ну, ты установила высокую планку. Я с нетерпением жду возможности посетить будущие мероприятия, спланированные тобой.

Она открыла рот, чтобы заговорить, но тут же снова закрыла.

Хадсон ничего не упустил.

— Выкладывай.

— Харрис Групп предложили мне должность планировщика мероприятий на полную ставку.

Его брови взлетели вверх.

— Впечатляет. Это престижная организация, — он раскрутил ее и вновь привлек к себе. — Соглашаешься?

Она покачала головой.

— Я отказалась. Но мистер Харрис сказал, что дверь всегда открыта, если я передумаю.

— А ты передумала?

— Нет. Хотя это определенно заманчивое предложение. Я не могу просто так бросить фонд. У меня есть обязательства, и люди ждут, чтобы я их выполнила.

— Позволь мне кое-что спросить... Чего *ты сама* хочешь?

Она прикусила нижнюю губу, обдумывая ответ.

— Мне нравится моя работа в "Лучшем начале". Люди, которых я там встретила, просто замечательные, и так хотят помочь детям. Но мне также понравилось готовить то мероприятие. От и до, даже досадные детали. На новом месте я могла бы по-прежнему собирать деньги для фонда, но при этом принести пользу в других, не менее важных вещах.

Она помедлила, голос ее смягчился.

— Впервые в жизни я чувствую, будто нашла что-то, в чем я действительно хороша. Я сама. Не моя фамилия или деньги моей семьи. Только я.

— Это твоя жизнь, Алли, — привлекая ее ближе, он взял ее руку и прижал к своей груди. — Ты должна делать то, что делает тебя счастливой.

Она прислонилась к нему, сомневаясь, что они все еще говорят о ее работе. Они слегка покачивались на месте, пока Синатра тихо напевал про лето юной любви. Текст песни вызывал в воображении образы песчаных пляжей, сплетенных воедино рук и медленных долгих поцелуев. Но, как и говорилось в песне, любое лето заканчивается, закончился и их танец.

— Хмм, летний ветерок, — Хадсон прижался щекой к ее виску, обдав теплым дыханием ее ухо. Сладостные мурашки пробежались по ее коже, и она задрожала. — Замерзла?

— Немножко, — это было не совсем ложью.

Он провел руками вверх-вниз по ее рукам, смягчая гусиную кожу от мурашек.

— Садись. Я разожгу камин.

Алли села на ковер перед камином, пока Хадсон укладывал несколько березовых поленьев на решетку.

— А что насчет тебя, — спросила она, подбирая колени к подбородку и прислоняясь к дивану. — Управлять империей — об этом ты всегда мечтал?

— Не совсем. Но опять-таки, мечты меняются, — он поджег растопку, и когда белая кора зашла язычками пламени, закрыл защитный экран.

Вопрос был лишь безобидным проявлением любопытства, и его отрезвляющий ответ удивил ее. Она ждала объяснения, но так и не дождалась.

— Как так? — наконец, подтолкнула она.

Подойдя к ней, он скользнул сзади нее, устраивая ее между ног.

— Ну, для начала, я никогда не думал даже, что пойду в колледж, не говоря уж о том, чтобы иметь свою компанию.

Она гадала, что же изменило ход жизни Хадсона. Очевидно, что-то все же сделало это, поскольку теперь он был одним из самых влиятельных бизнесменов страны. Но за то лето, что они провели вместе, он ни разу не высказал намерения отправиться в колледж.

— Что заставило тебя передумать?

Хадсон взял руку Алли и накрыл своей ладонью.

— Ну, либо так, либо продолжать работать в доках. Водить эту чертову лодку и тусоваться с той же старой компанией, что никуда меня не приведет.

Алли повернулась в его руках, не зная, как спросить очевидное.

— Как ты...

— Нашел на это деньги? Займы, подработка. Я хватался за любую работу, что мне предлагали, но обычно торчал, моя посуда в кафетерии. На выходных подрабатывал помощником бармена, — он слегка усмехнулся. — Опять посуда.

Она вновь прислонилась к его груди.

— Похоже, у тебя не было времени веселиться.

Хадсон нахмурился.

— Я был там не ради веселья.

Пламя взметнулось выше, когда загорелись сами поленья. Она наблюдала за огнем, невольно вспоминая свой опыт в колледже. Получить приглашение на нужную вечеринку было почти так же важно, как посещать нужные лекции, или даже важнее. А плата за обучение никогда не была проблемой. Хадсон отправился в колледж, чтобы упорно учиться и изменить свою жизнь. Все своими силами.

— Что заставило тебя нацелиться на Уолл-стрит? — спросила она.

— Я попал на стажировку и понял, что преуспеваю в этом. Входить в уязвимые компании, улучшать важные детали за счет личных ресурсов, маневрируя миллионами долларов или без предупреждения срывая сделки... в конце концов, это стало игрой. Даже спортом.

— Твоей личной версией Монополии?

Он усмехнулся.

— Полагаю, да. И мне понравились власть и контроль, которые приходят вместе с деньгами, — его объятия сжались крепче. — Хотя ничто из этого не могло вернуть мне то, что я потерял.

— Ты имеешь в виду маму? — мягко спросила она.

— И Ника.

— Ника?

Хадсон кивнул.

— Они забрали его от меня.

Что? Алли села. — Забрали его? Кто его забрал?

— Государство, — его слова были едва различимы. — И пяти минут не прошло после сообщения о маминой смерти.

Хадсон закрыл глаза, нахмутив брови, словно испытывая боль. Несколько секунд он сидел молча, и Алли гадала, продолжит ли он вообще. Но затем он открыл глаза, все тело его

напряглось. Повернув голову, он посмотрел на нее, в глазах стоял невыносимый ужас. Алли задержала дыхание.

Все это возвращалось к нему.

— Когда доктор вышел, с ним был шериф и какая-то леди из службы опеки. Он сказал, что ему жаль, и они сделали все, что могли.

— Ник, должно быть, был так напуган, — сказала она, эхом вторя его голосу.

— Я никогда не забуду его взгляд, когда он понял, что происходит. Он начал кричать, умолять меня не позволить им забрать его. Господи, его, кажется, слышал весь госпиталь.

Ее сердце сжалось от одной мысли о маленьком напуганном мальчике, потерявшем маму и теперь лишившемся дома.

— У них были основания?

— Они вывалили на меня целую гору дерьма о том, что это для его же блага, — он провел рукой по волосам, резко выдохнув. — Ну да, гребанного лучшего блага. Следующее, что я помню — это как шериф пытался вытащить Ника наружу, к машине, но он вцепился в мою руку. Чем сильнее тянул шериф, тем сильнее Ники держался за меня. Он продолжал кричать, чтобы я сделал что-то, но шериф уже расстегивал наручники, точно ожидал от меня проблем, — Хадсон побледнел, и когда он вновь заговорил, голос больше напоминал скрежет гравия. — Я ни хрена не мог поделаться, лишь отцепить его пальцы от своей руки.

Полено в камине перекаатилось, вышибая искру. Сквозь слезы, жгущие глаза, Алли смотрела, как Хадсон невидящим взглядом уставился на пламя перед собой. Его боль и страдание были почти физически осязаемы. В конце концов, он оказался тем, что оттолкнул своего брата. Он разбил его сердце. Она даже не представить не могла, как это было тяжело.

Тишина повисла между ними. И вновь Алли невольно задумалась, что стало с отцом Хадсона. Она спрашивала об этом, когда они были подростками, но немногословный ответ Хадсона дал понять, что он не хочет это обсуждать. И как бы она ни хотела, чтобы он ей открылся, она отказалась от расспросов. Вместо этого она просто взяла его за руку, позволяя Хадсону рассказывать то, что он хотел, по порядку.

Несколько долгих мгновений спустя он прочистил горло и продолжил.

— После этого Ника швыряли из одной приемной семьи в другую. Он звонил, умолял меня прийти и забрать его, угрожал сбежать. Я пытался забрать его под свою опеку, но кто отдал бы маленького мальчика какому-то мудаку?

— Ты сам был ребенком, Хадсон.

Он мельком глянул на нее.

— Я должен был привести свою жизнь в порядок. Мой брат нуждался во мне, но у меня не было средств вытащить его из этой долбанной системы, — он вздохнул и тихо добавил: — То, как все обернулось тем летом, позволило мне трезво взглянуть на свою жизнь. Все, что я сделал с тех пор, было продиктовано желанием никогда не ощущать себя таким беспомощным.

Алли коснулась щеки Хадсона, заставляя посмотреть на нее.

— То, что случилось с Ником — не твоя вина. Любому видно, как ты любишь своего брата, Хадсон, но тогда ты мало что мог поделаться. Ты пытаешься помочь ему теперь, и это главное.

— Ты сама видела, он ходячая катастрофа. Я все время лишь подводил его.

— Ты дашь ему помощь, в которой он нуждается. Даже если нам придется разбить лагерь в его квартире, он отправится на реабилитацию.

Он слабо улыбнулся и запечатлел быстрый нежный поцелуй на ее губах.

— Я ценю это, но Ник — моя ответственность, не твоя.

В этот момент Алли осознала, что Хадсон видел в Нике не только свою ответственность, но и свой провал. Слушая его историю, она не могла отделаться от чувства, что здесь есть и ее вина. Если бы она не исчезла из жизни Хадсона, даже не попрощавшись, возможно, он мог бы обратиться к ней за помощью? Возможно, она была бы другом, в котором он больше всего нуждался? Ему пришлось в одиночку выстоять все битвы, но теперь такой необходимости уже не было.

— Хадсон, ты и так многое перенес. Позволь мне помочь, если есть шанс. Я просто... — она подавила всхлип. — Я хотела бы повернуть все вспять. Мне жаль, что я не была рядом. Мне жаль, что я причинила тебе боль.

Его пальцы коснулись ее щеки.

— Не нужно извиняться, Алли. Я никогда не жалел о времени, что мы провели вместе. Те дни с тобой были лучшими в моей жизни, — он слабо улыбнулся. — Ты была первой женщиной, о которой мне хотелось заботиться, а не просто взять прокатиться.

Алли улыбнулась и покачала головой. Вечный плохой мальчик.

— Я бы солгала, если бы сказала, что не думала о той последней ночи на лодке раз или два за последние десять лет. Или о ночи, когда мы катались на колесе обозрения дюжину раз, — она уютно прижалась к его теплой груди. — Не думаю, что когда-то была счастливее, чем тем летом.

— А это? — его рука погладила ее спину. — Это тоже приятно, не так ли?

Алли напряглась, зная, что он спрашивает о большем, и Хадсон замер.

— Не отвечай, — сказал он, выскользывая из-за нее. Он встал и взбежал вверх по лестнице. Вернувшись, он держал что-то в руке и смущенно улыбался.

— Кажется, это твое, — он потянул руку, хрупкая ниточка ракушек свешивалась с его пальца.

Алли изумленно распахнула рот. Это был ножной браслет из ракушек, ее ножной браслет. Она узнала его в ту же секунду. Для нее этот браслет символизировал все, что они когда-то разделили. Потеряв его в их последнюю ночь, она была опустошена, потому что лишилась последнего напоминания о нем.

— Я думала, что никогда больше его не увижу, — ее глаза наполнились слезами. — Ты хранил его все это время?

— Да, — Хадсон сел рядом на ковер и аккуратно притянул ее ногу себе на колени. Ракушки выстроились ровным рядком, когда-то потерянные были заменены новыми. Застегнув браслет на ее ноге, он задержал руку, лаская ее кожу. Алли было любопытно, вспоминает ли он, как и она сама, тот момент, когда он впервые сделал это.

С нежностью он поднял ее ногу и запечатлел легкий поцелуй на лодыжке.

— Ты оставила мне надежду, — прошептал он.

Алли отдернула ногу и забралась Хадсону на колени, обхватывая ногами его бедра и держа его лицо в ладонях.

— Хадсон... — ее голос сорвался. Им столько нужно было обсудить, столько всего она хотела сказать. Но в тот момент слова покинули ее.

Подняв руку, он погладил ее щеку костяшками пальцев.

— Что такое, Алли?

Закрыв глаза, она подалась навстречу его прикосновению. Вновь открыв глаза, она

встретилась с пронзительным голубым взглядом, сканирующим как будто саму ее душу. Ее сердце дрогнуло, и она была потеряна. Единственное, что имело значение — этот мужчина, этот момент. Она хотела показать ему своим телом то, что ее сердце никогда не могло сказать.

Она прерывисто выдохнула.

— Все хорошо. Займись со мной любовью, Хадсон.

Скользнув рукой на ее затылок, он привлек ее к себе, целуя медленными, глубокими, затяжными поцелуями. Зарывшись пальцами в его волосы, Алли притягивала его ближе, наслаждаясь ненасытными жадными ударами его языка. Со стоном она поцеловала его в ответ, вторя его движениям.

Изучая, пробуя, поглощая.

Поцелуй все продолжался и продолжался, и Алли подумала, что может кончить лишь от чистейшего удовольствия его поцелуя.

Проведя руками по спине, Хадсон обхватил ее попку и сжал. Алли изумленно вздохнула, когда он дернул ее ближе, устанавливая интимный контакт с внушительной эрекцией, распиравшей джинсы.

— Какие чувства ты будишь во мне... — хрипло прошептал он. Глядя ей в глаза, он напряг бедра. Тонкая ткань штанишек для йоги создавала лишь призрачный барьер, позволяя его толстому стволу толкнуться в сладкое местечко меж ее ног. Вновь накрыв ее рот губами, он принялся двигать бедрами, снова и снова толкаясь к ней, имитируя то, как двигался бы внутри нее, пока она не начала беспокойно ерзать на его коленях.

Потянувшись вниз, Хадсон поднял полу свитера Алли и стянул его через голову. Его пальцы проследили края кружевного лифчика, затем подхватили бретельки и спустили вниз, отчего ее дыхание прервалось. Он наклонился вперед, утыкаясь в ее волосы, руками дотянувшись до застежки на спине. Изогнув запястье, он расстегнул лифчик, позволив ему упасть.

Опустив голову, он прижался влажными теплыми губами к ее плечу, затем провел языком вдоль ключицы. Горячее нетерпение пульсировало по венам Алли, и она выгнулась в немой мольбе. Одной рукой накрыв ее грудь и большим пальцем лаская напрягшийся сосок, Хадсон другой рукой провел по ее позвоночнику. Распластав пальцы на ее спине, он прижался к ней, побуждая сильнее прогнуться назад.

— Такая красивая, — промурлыкал он. Задев языком один сосок, он проложил дорожку поцелуев к другому, оставляя влажный горячий след на чувствительной коже. Медленно лаская ее, он описывал ленивые круги вокруг напрягшейся вершинки, прежде чем глубоко втянуть в рот. Все ее тело задрожало, с губ сорвался беспомощный стон, когда он бережно прикусил сосок зубами и потянул.

Желая коснуться его кожи, Алли скользнула руками под его футболку. Ладони ее блуждали по его твердому прессу и груди, медленно исследуя контуры мышц, поднимая ткань все выше.

Вцепившись в тонкий хлопок, она стянула его футболку через голову и отбросила в сторону. Руки двигались по широким плечам, опускаясь ниже. Когда ее пальцы слегка царапнули его соски, он резко выдохнул и, внезапно обхватив ее руками, притянул ближе, запечатывая губы страстным поцелуем. В этот раз, когда он привлек ее в свои объятия, между ними не было барьеров, не было стен. Лишь кожа к коже. Ее дыхание было прерывистым и возбужденным, соски терлись об его грудь, при каждом вздохе.

Стремительным движением он опустил ее на пол, сдергивая черные штаны для йоги, и сам растянулся рядом, перед огнем. Его горячий взгляд окинул ее с ног до головы.

— Без трусиков? — он облизнул губы, и она практически содрогнулась.

Опустив руки, Алли погладила его эрекцию сквозь мягкую ткань джинсов.

— Предпочитаю носить твои, — одну за другой она расстегнула пуговицы ширинки, дернула за молнию и наконец забралась пальцами под резинку боксеров. Взяв член в руки, она нежно сжала его, поглаживая от головки до основания, и он вздрогнул, низкий стон зародился в его горле.

— По правде говоря, я заберу их прямо сейчас, если не возражаешь.

Его губы изогнулись в сексуальной улыбке.

— Как тебе угодно.

Он смотрел на нее, в глазах плескались теплые отсветы огня. Она сдернула боксеры и джинсы одним движением. Когда его эрекция высвободилась, она вновь взяла его член, решительно обхватывая пальцами его длину. Хадсон резко закрыл глаза и напрягся в ее руках.

— Что теперь? — все веселье ушло из его голоса, оставив место лишь необузданному обжигающему желанию. Его нескрываемая жажда послала волну жара по всему ее телу.

— Я хочу взять тебя в рот, — прошептала она.

Его ответный стон был полон сладостной муки.

Согнувшись, она подразнила его легкими касаниями языка, затем приоткрыла губы и взяла его в рот. Из-под опущенных век Хадсон наблюдал, как она медленно выпустила его, обдавая его увлажнившуюся плоть теплым дыханием. Он напряг бедра, и она улыбнулась. *Хмм, кто здесь хочет большего?* С радостью подчинившись, она покружила языком вокруг головки, затем провела вниз-вверх по всей длине, забирая его в рот и вновь отпуская.

Он запустил пальцы в ее волосы, изгибаясь всем телом и толкаясь глубже.

— Да, — прошипел он сквозь стиснутые зубы.

Ощущение его пульсирующего и подрагивавшего члена во рту доводило ее до безумия. Она любила то, что могла сотворить с ним, заставить его на мгновение забыть себя в ней. Вдохновленная его наслаждением, она стала сосать жестче, находя руками и ртом идеальный ритм.

Мышцы его пресса напряглись.

— Хватит. Я хочу быть в тебе, когда кончу, — слова торопливо сорвались с его губ. Нагнувшись к ней, он накрыл ее всем телом и обрушился на ее губы.

Со стоном он перекатил Алли на спину, коленями раздвигая ее ноги и устраиваясь между бедер.

Переноса вес на локти, он сплел их пальцы воедино, удерживая их по обе стороны от ее головы. Глядя на нее сверху вниз, он накрыл ее губы нежным поцелуем, углубляя его и одновременно соединяя их тела, проникая все глубже внутрь.

Погрузившись по самую мошонку, он замер. Тишина комнаты нарушалась лишь звуками их дыхания, слившегося воедино, и потрескиванием камина.

— Ты все, что мне нужно, — прошептал он. Медленно начиная двигаться, он то отступал, то входил снова в нарочито медленном ритме.

Алли застонала, обожая ощущение его внутри себя, как он наполнял ее, как двигался внутри. Она обхватила его ногами, пятками упираясь в его задницу, побуждая двигаться быстрее.

— Медленно, — шепнул он, скользнув языком по ее нижней губе и лениво прикусывая. — Я хочу сделать это медленно.

Он продолжал свою ленивую пытку, выходя по самую головку и вновь возвращаясь. Алли выгнула шею, нетерпеливо застонав. Его тщательно рассчитанные толчки доводили ее до безумия. Ад и рай слились воедино.

Когда он скользнул глубже, она выгнулась всем телом, хватая ртом воздух.

— Пожалуйста, Хадсон...

Постепенно он наращивал темп, и она медленно, но верно приближалась к грани. Его тело двигалось над ней с размеренной решительностью, он возносил ее все выше и выше. Алли чувствовала, как все внутри нее ожило, когда его толчки стали короче и резче.

— Вот так, Алли, — прорычал он. — Кончи со мной.

Его слова стали ее погубелью, и она затряслась от головокружительного удовольствия. Ее оргазм длился и длился, пульсирующими волнами прокатываясь по всему телу, а он продолжал вновь и вновь входить в нее.

Стиснув ее пальцы, Хадсон мощно и протяжно кончил, пролившись в нее с последним сильным толчком. Не отпуская ее рук, он упал на нее сверху, зарывшись лицом в ее шею. Когда он наконец отпустил ее пальцы, она обвила его руками, крепко прижимая к себе, эмоции нахлынули на нее, поднимаясь непролитыми слезами на глазах.

Миновав мили извилистых поворотов, Хадсон легким маневром ввел Рендж Ровер в воскресный трафик шоссе I-94, крепко сжимая руль. Воздух во внедорожнике был спертым от повисшей тишины. Он столько хотел сказать Алли, что от потока мыслей голова гудела. Но всякий раз, когда он открывал свой чертов рот, страх выболтать все начистоту застывал на языке. Быть на вторых позициях — не в его натуре, и всякий раз, когда он думал об этом ублюдке маркизе, это приводило в действие его собственнические инстинкты.

Фары машин на встречной полосе шоссе время от времени освещали машину, подсвечивая ее лицо и позволяя ему украдкой посматривать на нее. Его глаза скользили по изящному профилю Алли и вновь возвращались на дорогу впереди. Ее попытки завязать разговор встречали его односложные ответы и ни к чему не привели, но когда вдалеке возникли очертания города, она попыталась вновь.

— У тебя сегодня плотный график? — спросила она.

— Черт, — он полез за телефоном и включил его. Эта штука засветилась как чертова рождественская елка от уведомлений о пропущенных сообщениях, электронных письмах и голосовой почте. Все это маячило как сигнал тревоги.

Хадсон открыл голосовые сообщения, и перепуганный голос Ника раздался из динамика. "Это я. Позвони, как только получишь сообщение". Затем последовал глубокий вздох, и голос зазвучал увереннее. "Где ты, черт тебя дерит?"

Сообщение закончилось, начало проигрываться следующее, за ним еще и еще. С каждым новым сообщением Ник звучал все хуже, скатываясь в настоящую паническую атаку. Когда начало проигрываться очередное сообщение и этот хрипловатый от никотина голос заполнил салон, Хадсон выругался себе под нос.

— Хадсон, чувак, мне нужно, чтобы ты притащил сюда свою задницу...

Выдернув телефон из гнезда, он прижал его к уху. Заворачивая к своему дому и въезжая на парковку, он чувствовал, как Алли за ним наблюдает.

— Я должен забрать Ника. Иди наверх и чувствуй себя как дома.

— Хочешь, чтобы я пошла с тобой?

— Нет, — его тон был непреклонным. — Подожди меня, — приподняв бедра, он залез в задний карман джинсов и достал из бумажника карточку. — Для лифта, — сказал он, протягивая ее. — Он сразу поднимет тебя наверх.

Она вцепилась в дверную ручку.

— С Ником все хорошо? — беспокойство в ее голосе было осязаемым. Он хотел взять ее лицо в руки и сказать, что все будет хорошо, но сам был в этом не уверен.

— Да... думаю, да, — когда Алли неохотно выбралась из машины, он нажал на кнопку вызова и поднес телефон к уху. С визгом шин он влился в трафик, в зеркало заднего вида наблюдая, как Алли стоит на обочине и смотрит ему вслед.

Когда на звонок ответили, он не стал дожидаться приветствия.

— Насколько все плохо? — рывкнул он в телефон, пролетая на желтый за секунду до того, как он сменился на красный.

Владелец бара сложил пальцы в подобие пистолета и указал в направлении подсобки, как только Хадсон вошел в двери. Его живот скрутило узлом, пока он проходил по грязному заведению. Это место навеки пропахло вонью кислого пива и нарушало с дюжину санитарных норм.

Взявшись за ручку, Хадсон вошел в подсобку и тут же споткнулся на полушаге. Он отшатнулся назад и провел рукой по волосам. Отвратительная сцена точно вышла из его повторяющегося кошмара. Кровь, много крови и посреди нее человек, лежащий без сознания. Не желая трогать его, Хадсон поддел тело ногой. Ничего.

Посмотрев на Ника, он увидел, что тот меряет шагами комнату, точно зверь в клетке. Пара синяков уже начала проявляться на лице, кровь сочилась из пореза под глазом, капая с подбородка.

Глаза Хадсона вернулись к мертвому парню с проломленным черепом и остаткам сломанного стула рядом. Кровь вытекала из-под его головы, сальные волосы пропитались густой жидкостью. Когда она начала приближаться к ботинкам Хадсона, образы замелькали быстрой непрерывной чередой. Выстрел. Пропитавшиеся кровью джинсы. Крики отца.

Повернувшись спиной к месту преступления, Хадсон глубоко вздохнул и заблокировал эти воспоминания.

Он закрыл дверь и пригвоздил брата жестким взглядом.

— Какого хрена здесь произошло, Ник?

— Это был несчастный случай, Хадсон, клянусь. Ублюдок хотел меня убить, — Ник продолжал ходить туда-обратно, туда-обратно. — Блять. Блять. Блять.

Глаза Хадсона следили за передвижениями Ника.

— Кто он?

Ник перестал мельтешить и пустым взглядом шокированных глаз уставился на Хадсона.

— Он... а, просто знакомый.

Хадсон прищурился.

— Хрень полная. Кто он блять такой, Ник?

— Мой... да, мой дилер.

— Что произошло? — процедил он сквозь стиснутые зубы.

— Я не хочу тебя втягивать.

— Поздно, — он схватил Ника за ворот и усадил на стул. — Начинай говорить. Сейчас же.

— Я не знаю, чувак, все случилось так быстро. Наверное, он ударился головой, — Ник выдохнул и вытер ладони о бедра. — Он хотел деньги, которые я ему должен. Я сказал, что у меня их нет, и у него совсем крыша съехала, он пошел на меня с гребаным стулом.

Хадсон бегло глянул на сломанный стул, который теперь годился только на растопку.

— Он начал выбивать из меня дерьмо, бро. Я уверен, он убил бы меня, если бы я его не толкнул.

— Блять, Ник, — Хадсон знал, что брат употреблял все больше и больше. Когда дело приняло серьезный оборот, инстинкты взяли верх, отказываясь проигрывать в бойне, ведущей на глубину шесть футов. Но что за хрень. Пресса не упустит эту возможность

повеселиться, а окружной прокурор поджарит Ника, просто чтобы доказать, что родственники богатых и знаменитых не выше буквы закона. Черта с два он позволит брату оказаться в очередной системе, из которой он также не мог его вытащить, даже с его средствами и командой адвокатов.

Дверь открылась, и Хадсон пригвоздил Ника заткнись-нахрен-взглядом.

— Вы двое закончили с семейным воссоединением?

Услышав щелчок зажигалки, Хадсон повернулся и увидел прикуривавшего владельца бара.

— Кто-то еще знает?

— Нет, в этой части города каждый решает свои проблемы. У многих парней здесь список судимости длиннее моей руки, — он протяжно выдохнул сигаретный дым. — Они разбегутся в разные стороны как тараканы, если здесь появятся копы.

— Хорошо. Пусть так и остается, — Хадсон достал бумажник. — Уверен, здесь еще один мертвый наркоман не станет большой новостью.

— Ага, не поверишь, что мы иногда находим в мусорных баках за баром.

Хадсон большим пальцем пересчитал пачку сотенных купюр, владелец бара наблюдал за ним, едва не пуская слюни.

— Считай это первоначальным взносом.

Алли слепо уставилась на экран телевизора, бездумно пролистывая сотни каналов, когда наконец услышала отдаленный сигнал лифта. *Наконец-то!* Прошло почти два часа с тех пор, как Хадсон оставил ее на обочине у пентхауса, и она с ума сходила от беспокойства.

Она соскочила с дивана и пронеслась вниз по лестнице, спустившись как раз тогда, когда открылись двери лифта.

Хадсон вышел первым. Черты его лица ужесточились, широкими шагами он пересек фойе, почти не глянув в ее сторону. Ник, очевидно, был слегка навеселе, опустив голову и засунув руки в карманы джинсов.

Внезапно осознав ситуацию, Алли потянула вниз подол позаимствованной футболки. Учитывая, что ее чемодан остался в машине, у нее было немного вариантов. Но прошло десять лет с тех пор, как она в последний раз видела Ника, и хотя футболка Хадсона была достаточно длинной, она не стала бы переодеваться ко сну, если бы знала, что он зайдет. Хотя опять-таки, едва ли это традиционное воссоединение.

На мгновение она помедлила, не зная, что сказать, затем прочистила горло и начала с простого:

— Привет, Ник.

Он остановился, услышав ее голос.

— О, привет, Алли. Не знал, что ты здесь.

Ее рука взметнулась ко рту.

— О боже...

Одежда Ника вся была заляпана кровью, а лицо было ужасно избито. Он смотрел на нее точно олень, парализованный светом фар, затем опустил голову и последовал за братом в пентхаус.

Алли пошла за ними.

Она нашла их на кухне. Хадсон излучал плохо сдерживаемую ярость, открывая и закрывая шкафчики с куда большей силой, чем того требовалось, пока не нашел бутылку виски. Он налил себе большую порцию, Ник продолжал тихо стоять у другого конца барной стойки, переминаясь с ноги на ногу. Ожидая дальнейших инструкций, она отважилась спросить.

— Что произошло?

— Эм... — воспаленные глаза Ника метнулись к брату.

Хадсон помедлил, наполовину поднеся бокал ко рту. Взгляд, которым он наградил Ника, говорил многое, самое безобидное из которого — "даже не думай нахрен".

Алли раздраженно выдохнула. Стена между ними вернулась. Она ни за что не собиралась позволять ему постоянно уходить от темы, но сейчас травмы Ника были важнее.

— Дай посмотрю, — она откинула волосы с его лица, пытаясь осмотреть глубокий порез под глазом. — Думаешь, придется накладывать швы?

Ник вздрогнул и увернулся.

— Нее, я в норме. Все пройдет. Вымою с мылом да и все.

— Думаю, здесь этим не обойдется, — она повернулась к Хадсону. — У тебя есть аптечка?

— Он большой мальчик, Алессандра. Может сам о себе позаботиться, — его челюсть напряглась, когда он посмотрел на младшего брата. — Иди в постель, Ник.

— А... ага. Долгий был день, — Ник слизнул кровь, засохшую в уголке рта.

— Ну, давай хотя бы я дам тебе не много льда, — Алли повернулась и взяла чистое полотенце, наполнив его горстью ледяных кубиков. — Вот, это поможет снять отек.

Он слабо улыбнулся.

— Спасибо, Алли. Рад снова тебя видеть.

— Да, взаимно, — она смотрела, как Ник неуклюже выходит из комнаты. Он врезался в стену, но быстро оправился и пошел к лестнице. Алли проследила за ним, чтобы убедиться, что он благополучно поднялся, затем пошла искать Хадсона.

Он оказался в гостиной, потягивая скотч и глядя в окно на темную тень озера Мичиган. Очевидно, он был расстроен тем, что нашел, отправившись за Ником, но она не могла понять, почему он так холоден к младшему брату, которого так любил. Не говоря уж о злости, которую она чувствовала в свой адрес. Враждебность исходила от него волнами, и Алли отчасти была уверена, что это как-то связано с его настроением по дороге домой. Их совместные выходные были идеальны, но что-то возникло в тот момент, когда они уехали с озера, и чем ближе они подъезжали к черте города, тем сильнее он отдалялся.

Осушив бокал, он пошел на кухню, чтобы налить себе еще. Алли ждала, что он объяснит — или, черт побери, хоть что-нибудь скажет, — но он просто развернулся на пятках и вышел из комнаты.

Она последовала за ним в его кабинет.

— Ты собираешься сказать мне, что происходит?

Он прислонился к углу стола и сделал глоток янтарной жидкости.

— Может, ты первая?

— Что ты имеешь в виду?

— Это, — он указал на пространство между ними. — Этот фарс. Столько лет спустя я все еще твой маленький грязный секрет, не так ли?

Алли застыла.

— Конечно же нет.

— Черт подери, а ведешь себя именно так. Твоя мать увидела нас на концерте, и твоей первой реакцией было бегство.

— Я не могла сказать ей правду.

— Правильно, потому что я всегда буду парнем из плохого района. Неважно, сколько у меня денег, я никогда не буду достаточно хорош.

— Это неправда, — тихо сказала она. — Я помолвлена, Хадсон. Ты знал это с самого начала.

Прищурившись, он обдумывал ее слова, затем залпом допил алкоголь.

— Твоя правда, — ровными методичными движениями он поставил пустой бокал позади себя и скрестил руки на груди. Когда он заговорил, голос его был пугающе спокойным. — Скажи, Алессандра, он звал тебя с собой в Париж? Две недели — долгий срок для разлуки. Сколько раз он звонил тебе, пока...

Алли подняла руку.

— Прекрати.

С нее довольно. Она повернулась, чтобы уйти, но он поймал ее за запястье.

— Не прекращу, пока ты не перестанешь лгать себе и не положишь конец этой шараде.

— Не все так просто, — отрезала она.

Хадсон издал резкий смешок.

— Почему, потому что чертовы приглашения разосланы? Это какое-то правило высшего общества? После объявления нет обратного хода, смотри страницу 6? Правила, по которым ты живешь, в создании которых ты не участвовала, больше не применимы, Алессандра. Если ты и дальше будешь позволять людям вести тебя по predetermined тропе, то ты не та женщина, за которую я тебя принимаю.

Слезы навернулись на глаза Алли.

— Я не знаю, что ты от меня хочешь, — она невольно шагнула назад, когда Хадсон оттолкнулся от стола. Он подошел ближе, остановившись прямо перед ней, прижав ее спиной к книжному шкафу. Его близость, глубина его взгляда захлестнули ее, и она отвернулась, разрываясь между желанием сбежать и желанием обнять его и никогда не отпускать.

Он взял ее за подбородок и бережно приподнял голову. Голубые глаза обжигали искренностью.

— Я хочу, чтобы ты спросила себя — что сделает тебя счастливой. Не твоих родителей, а тебя саму.

Слезинка скатилась по ее щеке, и он поймал ее большим пальцем.

— В тебе есть все, чтобы добиваться желаемого, — тихим уговаривающим тоном проговорил он. — У тебя есть все для этого.

Опустив голову, Хадсон прижался к ее губам нежным поцелуем. Его губы мягко двигались поверх ее, язык легонько поглаживал губы, пока она их не приоткрыла. Медленно, даже благоговейно он проник внутрь, поддразнивая и пробуя ее на вкус мягкими неглубокими лижущими движениями, плавя все ее тело.

Глубоко вздохнув, он прижался к ней лбом.

— Я обещал себе не поднимать эту тему до следующих выходных, но я больше так не могу, Алли. Не могу притворяться, что двух недель будет достаточно, — его нетерпеливый голос сошел до едва слышного шепота. — Мысль о том, что ты уйдешь, рвет меня на части, проворачивая нож в моей душе.

Его признание опалило ее точно огонь, зажигая ее тело отчаянной нуждой. Она вцепилась в него, притягивая ближе и целуя со всеми чувствами, сдерживаемыми последние две недели. Каждая эмоция, каждое желание, каждое произнесенное слово вылилось в этот поцелуй.

— Я не стану тебя делить, — прошептал он ей в губы. — Я не могу. И дело не в мужской гордости.

Хадсон отстранился, глядя на нее потемневшими глазами.

— Мысль о том, как другой мужчина касается тебя... — его рука погладила изгиб ее талии. — Занимается с тобой любовью... — пальцы больно сжали ее бедро. — Это невыносимо.

Подхватив ее бедро, он забросил ее ногу себе на талию, ногой упираясь в нижнюю полку. Изогнув бедра, он прижал ее к книжному шкафу.

— Либо я, либо он.

Ее тело двигалось по своему желанию, прижимаясь к эрекции, распиравшей его брюки.

Он наблюдал за ней из-под полуопущенных век.

— Если ты честно скажешь, что хочешь завязать с этим, я не стану стоять на твоём пути, — его пальцы переплелись с ее, и он поднял ее руку над головой. — Я оставлю тебя в покое, если это будет твоим решением.

Алли почувствовала, как помолвочное кольцо соскользнуло с ее пальца.

— Но сегодня ты моя.

Двигаясь быстро и стремительно, Хадсон расстегнул ширинку и сдвинул в сторону ее трусики. Одним ловким движением он вошел в нее, подчеркивая свои слова мощным толчком. Она застонала, наслаждаясь ощущением его внутри, но он быстро отстранился. Пустота, оставшаяся после него, отозвалась непрошеной болью.

— Еще? — его голос был хриплым.

— Да.

Застонав, он снова вошел в нее по самое основание.

— Сильнее, — выдохнула она, желая получить все, что он способен был дать.

Алли судорожно выдохнула, когда он навалился на нее, заявляя права на ее тело и губы. Снова и снова он брал ее, удары языка вторили его толчкам с той же яростной страстью. Все ее чувства обострились. Запах его кожи, ощущение его тела, вкус его губ. Она была окружена им, изнутри и снаружи.

Рукой обхватив ее талию, он опустил ее навстречу тяжелым мощным ударам своего тела, и она изогнула бедра, пытаясь принять его глубже. Она вцепилась в его плечи, чувствуя, как перекатились мышцы спины, когда он схватился за полку над ее головой. Ногой опираясь на нижнюю полку, он вминался в нее, практически забираясь на книжный шкаф, пытаясь войти в нее глубже и глубже. Ее глаза закрылись, запечатывая ощущения от его мощных глубоких толчков — он наполнял ее, растягивал, овладевал ею — и горячая слеза стекла по щеке. Интенсивность их соития, их связи была почти невыносимой.

Он двигался быстрее, толкался все выше, пока, наконец, ощущения не стали слишком сильными. Ее спина выгнулась, оттолкнувшись от полок, все тело взорвалось бурным потоком наслаждения.

— Еще разок, — прорычал он, и одним движением бедер вновь довел ее до грани.

Запрокинув голову, отчаянно выкрикнув его имя, она сотрясалась в неистовых судорогах. Хадсон продолжал трахать ее, безжалостно и неустанно, она кончала снова и снова, оргазмы накатывали один за другим, все ее естество содрогалось и отдавалось наслаждению.

С долгим хриплым стоном он вломился в нее последний раз, зарывшись лицом в ее шею и находя собственное освобождение. Хриплое дыхание обжигало ее кожу.

— Никогда не достаточно, Алли. Этого никогда не будет достаточно.

Содрогнувшись всем телом в безмолвном рыдании, она рухнула на его грудь. Полностью истощенная. Полностью удовлетворенная.

Полностью принадлежащая ему.

Раздались выстрелы.

Как кулак, вылетевший из темноты, ночной кошмар с яростью завладел Хадсоном. Он не мог шевельнуться, сердце бешено колотилось в груди.

Охваченный водоворотом ужаса, он оказался на коленях, неспособный говорить. Смерть окружила его, металлический привкус крови встал в горле. Она заляпала его рубашку, ручейками стекала с его пальцев.

Свет сигнальных огней залил маленький супермаркет и картина прояснилась. Они вернулись за чем-то. На что он так наивно рассчитывал? Уничтожающее горе преследовало каждую клетку его тела.

Проснись, черт побери... проснись. Хадсон с нарастающей паникой стиснул простыни.

Чья-то рука слабо взяла его руку и сжала. Вокруг царил хаос. Люди бегали туда-сюда, выкрикивая команды. Мать подползла на коленях, скользя по этой проклятой жидкости, окрасившей ее ноги, и обхватила его руками, прижимая к груди. Она была такой холодной, хотя в комнате было душно, и он вспотел.

И с последним вздохом рука, державшая его, разжалась. Звук мамино крика рикошетом отлетел от стен, такой громкий, что ему казалось, что лампы под потолком должны разлететься вдребезги.

Он должен плакать, разве нет? С криком, застрявшим в горле, Хадсон зажмурился, пытаясь выдавить слезы по тому, кого должен был оплакивать. Почему он не плакал?

Почему он не плакал из-за человека, который столько для него значил?

Это его вина...

Все его вина.

— Хадсон, — нежные прохладные руки коснулись его груди. — Хадсон, проснись.

Стиснув простыни так, что побелели костяшки, Хадсон согнул ноги, грудь его вздымалась от тяжелого дыхания.

— Хадсон. Это сон. Проснись.

Он резко вскочил.

— Что? Что такое? — его взгляд метался по комнате.

— Тебе приснился кошмар.

— Господи, — закрыв глаза, Хадсон провел рукой по лицу, остатки сна цеплялись за него, словно последствия физического удара.

— Ты в порядке? — спросила она. В голосе слышалось беспокойство.

— Ага. — Да нихрена. — Ага.

Он посмотрел на Алли, сидящую рядом с ним на коленях, и подумал, как запуталась и испоганилась ее жизнь из-за него. Ей не нужен такой мужчина, который запорол все, что

только можно было, со своей семьей, но импульсивное желание быть с ней походило на безумие.

Несколькими ловкими и быстрыми движениями Хадсон перекатил ее под себя. Она задохнулась, когда он сдернул ее футболку через голову, обнажая все тело, прежде чем завладеть ее ртом с первобытным отчаянием.

— Я хочу тебя, — сцепившись с ней лодыжками, он широко раздвинул ее ноги. Кошмар все еще был свеж в его памяти, и он лишь хотел забыться в мягкости меж ее бедер, чувствовать, как она обвивает его. Всего на один момент он хотел освободиться от груза прошлого. От груза своей вины.

— Подожди, Хадсон, подожди, — часто дыша, она толкнула его в грудь. — Нам надо поговорить. Ты кричал.

Он прижался губами к ее шее, нежно посасывая кожу.

— Мне не нужны разговоры. Мне нужна ты. Мне нужно это.

Она застонала, выгибаясь в его руках, когда его член погладил ее половые губы. Запечатывая ее губы поцелуем, лаская глубокими ударами языка, он сплел их пальцы воедино и опустил ее руку к месту соединения их тел.

— Почувствуй, как я беру тебя.

С жаждой, подогревающей и без того почти изнурительное желание, он вошел в нее одним мощным толчком.

Алли постукивала ногой по полу лобби, смотря на убывающие цифры над лифтом, мечтая, чтобы они сменялись быстрее. Она опаздывала, серьезно опаздывала, а она никогда раньше не опаздывала на работу. Никогда.

— Что ж так долго-то, — пробормотала она.

Захотев проверить время, она выудила телефон из сумочки и поняла, что так и не включила его. И едва включившись, он сразу завибрировал от пропущенных звонков и сообщений. Последнее было от Харпер. Алли прочла его, заходя в лифт.

Собрание прямо СЕЙЧАС. Где ты?

— Дерьмо, — тихо выругалась она, засовывая телефон в карман джинсов. Джинсов, на работе! Еще одна вещь, которой она себе не позволяла, но отчаянные времена и все такое. Она проспала — пункт?3 в списке "я никогда" — и едва нашла время почистить зубы и собрать волосы в хвост, куда там заезжать домой за рабочей одеждой.

Двери лифта открылись. Пройдя мимо своего офиса, Алли направилась напрямиком в конференц-зал. Когда она тихо скользнула в комнату, мистер Эллис не прервался, продолжая, как ни в чем не бывало, пока она занимала свое место за столом. Алли проигнорировала поднятую бровь Харпер, бросив сумочку на пол и включая планшет. Входящее сообщение вскочило в окне чата в углу экрана еще до того, как она успела просмотреть вопросы к совещанию.

С каких пор мы начали Небрежные Понедельники?

Харпер не только не оставит джинсы незамеченными, но и не преминет это упомянуть. Но с другой стороны Алли действительно понадобится более подходящая одежда на остаток рабочей недели. Она сделала мысленную пометку заехать к себе после работы и захватить что-нибудь. Одежду, туфли, белье. Кстати об этом, на ланче надо будет прикупить белья, учитывая, сколько порвал Хадсон. Мысль о том, как его пальцы разрывают атлас и кружево заставила ее щеки залиться легким румянцем.

Спустя считанные секунды выскочило новое сообщение.

Боже, ты провела выходные с НИМ, да?

И за ним еще одно...

Даже не пытайся отрицать, я вижу, ты не ночевала дома.

И еще одно...

Ты не сможешь избежать меня вечно.

Нет, но она определенно попытается. Алли бросила на Харпер недовольный взгляд и переключилась на план совещания. Она просмотрела пункты, отчаянно пытаясь понять, который из них сейчас обсуждается.

— Вы с Харпер справитесь, Алессандра?

Услышав голос босса, Алли вскинула голову. *Справимся с чем?* Боже, она была в полном раздрае. А это лишь понедельник.

— Не вопрос, — сказала она, гадая, на что только что подписалась. Пришло сообщение от Харпер, которая, очевидно, прочла ее мысли. Ну, или ее паникующее лицо.

Бюджет на учебники.

А, ладно.

— Спасибо, — одними губами произнесла Алли. Внезапно зародился зевок, и смутившись, она быстро прикрыла рот рукой. Глаза Харпер расширились, и она немедленно начала печатать. Алли нахмурилась. *Супер, что еще?*

Мать твою, ты наконец-то это сделала!

Харпер выпучила глаза в ответ на непонимающее выражение Алли. Она нажала пару клавиш на планшете и выразительно уставилась на левую руку Алли.

Ты наконец-то спихнула Бездарного Лорда на обочину.

Взгляд Алли метнулся к руке, где она увидела... ничего? Она едва слышно выдохнула. Кольца Джулиана не было. Раньше она и не думала о том, как Хадсон снял его с пальца и положил на одну из книжных полок. *Сегодня ты моя.* Пальцы на ногах подвернулись от мысли об его непоколебимой силе и властной решительности. Он полностью завладел ею — разумом, телом и душой.

Это стоит отметить!

Танцы? Выпивка перед этим, само собой.

Мы совершенно точно должны...

Сообщения Харпер сыпались быстрой чередой размышлений о том, как они будут отмечать, но Алли перестала их читать. Она не могла отвести взгляда от ее свободного пальца. Она столь привыкла к кольцу Джулиана, что казалось странным смотреть и не видеть его на руке. Странно и чудесно. Как будто оно было невероятно тяжелым. Словно оковы, привязывавшие ее к жизни, которую она не создавала и которой не наслаждалась. Это ощущалось... идеально.

В тот момент Алли поняла, чего хочет. Глубоко внутри она знала это давным-давно. Джулиан, возможно, был бы правильным выбором для Ингрэм Медиа, но не для нее. Она знала, что родители будут в ярости, но каким-то образом она должна заставить их понять. Прошедшие две недели с Хадсоном изменили ее, пробудили ту часть ее, которая ждала освобождения. Жизнь до него была аккуратной, организованной и адски скучной. Рядом с ним она чувствовала себя как никогда живой.

Это было так же, как и десять лет назад, но связь между ними стала сильнее, крепче. Неужели она действительно думала, что сможет от этого отказаться? Отказаться от него? Необходимость оставить его однажды уже разбила ей сердце. Она ни за что не повторит ту же ошибку дважды.

Собрание тянулось медленно, как и остаток дня. Все время ее мысли возвращались к Хадсону. Она умирала от желания позвонить ему, просто чтобы услышать его голос, но боролась с этим.

Она знала, что если поддастся, то в итоге выложит все по телефону, а она хотела смотреть ему в глаза, когда скажет, что расстается с Джулианом, что выбирает жизнь с ним.

Когда наконец стрелка миновала шесть часов, она послала ему короткое сообщение.

Заеду домой за одеждой. Встретимся в пентхаусе. Поздний ужин?

Ответа не последовало. Если подумать, она ничего не получала от Хадсона весь день. Она была столь занята, пытаясь не позвонить ему, что даже не заметила, что он ей тоже не звонил. Ни разу. Сначала она подумала, что это странно, но потом напомнила себе, что, скорее всего, он занят, разбираясь со всеми звонками, которые игнорировал на выходных. Или, возможно, он с Ником.

Милый маленький Ники. Ее сердце упало при мысли обо всем том, что случилось с этим маленьким мальчиком.

И теперь его состояние еще хуже. Вспомнив, как он вчера выглядел, выходя из лифта, как бездомный бродяга, побитый и голодающий, она задрожала. Она помолилась про себя, чтобы он наконец-то принял ту помощь, что предлагал его старший брат.

Хадсон так и не сказал ей, что произошло после того, как он высадил ее у пентхауса, но это явно было что-то плохое. Очень плохое. И зная, как Хадсон относится к брату, какой груз ответственности на себя взвалил, это должно было рвать его на части изнутри. Что вызвало тот ночной кошмар? Образ его, скорчившегося на кровати и вцепившегося в простыни, наполнил ее мысли. Алли никогда ни у кого не видела таких кошмаров. Видеть, как он мучается от боли, запутавшись ногами в одеяле, как исказилось его лицо, как тяжело вздымается грудь, было просто невыносимо.

Прошлой ночью, в постели, он не стал говорить об этом. Неудивительно. Хадсон всегда был сдержанным, когда дело касалось его жизни и особенно прошлого, но Алли планировала поднять эту тему при первой же возможности. Если они собирались строить совместную жизнь, она хотела быть частью этого. И хорошего, и плохого. Но более того, она хотела помочь ему по возможности. Из того, что она видела, было понятно, что он скрывал что-то глубоко внутри, что-то, всплывающее на поверхность во сне, хватая его в самый уязвимый момент, когда он не мог это контролировать. Она бы сделала все что угодно, лишь бы не видеть его страдания вновь. Что угодно.

В своей квартире Алли быстро приняла душ и переделалась в шоколадно-коричневое

платье, дополнив его серьгами-кольцами, которые, как однажды сказал Хадсон, добавляли золотых искорок в ее ореховые глаза. Она распустила волосы просто потому, что знала — ему это нравится, и в последний момент решила оставить трусики в ящике. При мысли об его реакции, когда он обнаружит отсутствие белья, по всему телу пробежала дрожь.

Сгорая от нетерпения поскорее добраться до пентхауса, она схватила несколько костюмов для работы и закинула их в сумку. Она была на полпути к двери, когда зазвонил телефон. Экран показал "частный звонок". *Хадсон*. Расплывшись в широкой улыбке, она ответила на звонок.

— Соскучился по мне? — промурлыкала она.

На другом конце повисло молчание, затем раздался тяжелый вздох.

— Qui, конечно.

— Джулиан? — она глянула на часы, быстро подсчитывая разницу во времени. — Почему ты не спишь так поздно? Разве в Париже не два часа ночи?

— Я в Чикаго. Точнее, я застрял в гребанном Кеннеди.

— Ты вернулся? — ее слова прозвучали громче, чем она рассчитывала.

— Мои дела завершились быстрее, чем ожидалось, так что я... как ты это говоришь? Схватил билеты на ближайший рейс.

О, дерьмо. Она не ждала этого разговора до следующих выходных. Ей нужно было время подготовиться, время подобрать слова. Возможно, она еще успевала удрать, выменять себе хотя бы одну ночь.

— Ты должно быть устал. Поспи, и встретимся завтра после работы, выпьем. В Пенинсуле, скажем, в шесть?

— Не глупи, — последовала короткая пауза, похоже, он вынул изо рта сигарету. — Я назвал водителю твой адрес.

Она осмотрела комнату, понятия не имея, зачем.

— И далеко ты сейчас?

— Je ne sais pas...*(13) Пятнадцать, может, двадцать минут. Быстрее, если эти гребаные имбецилы научатся водить.

Что? Дорога из аэропорта всегда была кошмаром. И на ее везение, именно сегодня стало исключением.

— Отлично. Тогда увидимся, — Алли постаралась сохранить беззаботный тон, нажимая на сброс вызова. Ей нужно собраться. Ей нужно позвонить Хадсону. Он ждет встречи в пентхаусе. Черт. Это не телефонный разговор.

Звонок перенаправился на голосовую почту, и Алли выдохнула с облегчением. Она знала, что он надавил бы на нее, добиваясь ответов, а сейчас не было времени. Автоответчик Хадсона был угрюмым сообщением чисто по делу, и по какой-то нелепой причине она улыбнулась.

— Привет, это я. Эм... Джулиан только что звонил. Он вернулся в город и направляется сюда, — она помедлила, сомневаясь, что еще сказать. — Мне нужно поговорить с ним. Я перезвоню как только смогу.

Приехав, Джулиан сразу направился на кухню, чтобы налить себе выпить. И судя по налившимся кровью глазам, это была не первая порция за сегодня. И не вторая, если на то пошло. Если Алли попросили бы угадать, она бы предположила, что он выпил несколько во

время перелета через океан. Неужели он всегда столько пил?

Со стаканом в руке он прислонился к кухонной стойке, косым взглядом окинув ее тело.

Она почувствовала, как увлажнились ладони. Здесь не было легкого пути, лучше сразу покончить с этим.

— Джулиан...

— Подожди, — он вальяжно подошел к ней, источая высокомерие. — Кое-что забыл.

Он наклонился ближе, и кислое зловоние алкоголя смешалось со сладким запахом его туалетной воды. Пустой живот Алли едва не взбунтовался.

Что она вообще нашла в этом мужчине? Когда он попытался ее поцеловать, она слегка повернула голову, подставляя щеку.

— Нам надо поговорить, — прошептала она.

Джулиан фыркнул и залпом допил водку.

— Поговорить? *Tu te fous de moi?* *(14) Я весь день провел в дороге, меньше всего я хочу говорить, — он поставил стакан на край стола и скользнул руками на талию Алли.

— Я не могу, — она попыталась высвободиться из его объятий, но он лишь усилил хватку, губами найдя шею.

— Меня не было почти две недели, *ma chérie*, — он был одновременно всюду. Его длинные руки блуждали по ее спине, влажные губы двигались на ее коже, затвердевающая эрекция упиралась в бедро. Упершись ладонями ему в грудь, она попыталась оттолкнуть его, но он не пошевелился.

— Я серьезно, Джулиан. Прекрати.

— Дай угадаю, у тебя голова болит? — его руки скользнули ниже по спине, ощупывая все ее тело и прижимая ближе к себе. — Я думал, эти отмазки начинаются после свадьбы, — сказал он, языком проникая в ее ушко.

— Я не могу выйти за тебя.

Он поднял голову. Алли ожидала шока, даже злости, но глаза Джулиана сверкнули дикой яростью.

— Черта с два ты не можешь, — процедил он сквозь стиснутые зубы.

— Прости, но я не люблю тебя, — сказала она тихо, но решительно.

— Любовь? — он усмехнулся. — Это не имеет ничего общего с любовью, Алессандра, — он отпустил ее, и она выдохнула, внезапно осознав, что до сих пор задерживала дыхание. — Это договоренность. Часть сделки.

Алли широко распахнула глаза. Она была частью сделки? Какой сделки?

— Не изображай такое удивление, — от его улыбки у нее по телу пошли мурашки. — Ты та еще трофейная женушка.

И вот она, горькая правда.

Джулиан взял свою выпивку и направился напрямик к бутылке "Серого гуся", которую оставил на кухонной стойке. Алли смотрела, как он наливает большую порцию со льдом, ведя себя как дома в ее квартире, как поступал и со всей ее жизнью. Она чувствовала себя такой дурой. Ничто из этого не было настоящим. Головокружительный роман, импульсивное предложение, даже слова нежности, прошептанные в подушку.

Когда к горлу подкатила тошнота, Алли закрыла глаза, на мгновение всерьез опасаясь, что ее стошнит. Все было спланировано с самого начала, все было частью плана, чтобы червячком заползти в Ингрэм Медиа.

Кубики льда зазвенели о стенки бокала, и она открыла глаза. Джулиан смотрел на нее,

усмехаясь.

— Ты ни черта не научилась от матери, да?

— Я не такая, как она, — на глаза навернулись слезы злости и досады, и она быстро стерла их рукой.

Глаза Джулиана сверкнули поверх бокала.

— Где твоё кольцо? — спросил он, глядя на её левую руку. И прежде, чем она успела ответить, он с грохотом поставил стакан на стойку и подошел к ней. Алли отшатнулась, но он схватил её за обе руки, до боли вцепившись пальцами.

— Какого хрена ты тут вытворяла, пока меня не было?

— Ты делаешь мне больно.

Он жестко встряхнул её.

— Отвечай. Где блять мое кольцо, Алессандра? — его ноздри раздувались, лицо исказилось от ярости. Алли никогда не видела его таким. Злым из-за испорченного обеда? Конечно. Нетерпеливым со служащим гостиницы? Непременно. Но мужчина, стоявший перед ней, был взрывоопасным, диким и абсолютно себя не контролировал.

— Ты получишь его обратно, — во рту пересохло, и она едва сумела произнести эти слова. — Ты правда думал, что я попытаюсь оставить его себе?

— *Peut-être* *(15), — прорычал он. — Учитывая, сколько денег я обещал твоему отцу, ты не лучше шлюх, которым я плачу.

Сначала она вздрогнула, но затем вздернула подбородок. То, что говорил Джулиан, было нелепо. Он просто сорвался, стараясь сделать ей больно, и будь она проклята, если позволит причинить себе еще больше боли.

— Моему отцу не нужны твои деньги, — она изо всех сил старалась говорить непринужденно, но голос дрожал, предавая её.

— Твой *отец*, — сказал он с полным презрением, — теряет компанию доля за долей, — он издал резкий снисходительный смешок. — Ты же не думаешь, что я действительно торопился жениться, да?

Он помедлил, ожидая реакции, но она отказывалась давать ему это удовольствие.

— Кто-то разыгрывает схему, — продолжил он, — скупая активы направо и налево.

Он нескрывая наслаждался, что открывает ей глаза на эти новости.

— Он нуждается во мне, по крайней мере, в моих деньгах, чтобы спасти фирму.

Все еще крепко держа её за руку, он провел указательным пальцем по её горлу, добравшись до глубокого декольте. Подцепив ткань пальцем, он забрался меж её грудей.

Сердце Алли бешено заколотилось, и она мельком глянула на дверь. Четыре шага, может, пять. Слава Богу, не заперто. Он бы точно поймал её, если бы пришлось сражаться с замком. Все, что нужно — высвободиться.

Что-то темное мелькнуло в глазах Джулиана, и он медленно облизал нижнюю губу.

— Я бы сказал, ты у меня в долгу.

Алли сопротивлялась, но он лишь усилил хватку. Страх сдавил горло, душа её, отчего воздух вырывался прерывистыми вздохами. Она едва могла набрать достаточно воздуха, чтобы говорить.

— Отпусти меня, больной ублюдок.

Его рука, появившаяся из ниоткуда, ударила её по лицу. Сила удара сбила её с ног, и она тяжело упала, с громким треском ударившись головой о кофейный столик. Белая вспышка мелькнула перед глазами, голова взорвалась от боли. Она чувствовала, как по щеке хлынул

поток теплой жидкости, и инстинктивно прижала ладонь к лицу. Посмотрев на пальцы, она увидела, что они окрасились ярко-красным.

Алли подняла взгляд, все расплывалось от слез и крови, и увидела, что он подходит, чтобы продолжить. Она попыталась отползти в сторону, но тут же резкая боль обожгла кожу головы, когда он схватил ее за волосы. Комната покачнулась, когда он силой поднял ее на ноги, и на секунду ей показалось, что она упадет в обморок.

Джулиан дернул ее обратно к себе.

— Ты гребаная сука, — прорычал он ей на ухо. — Все, что от тебя требовалось — сыграть свою роль, встать и сказать Я-нахрен-согласна.

Он резко швырнул ее, перегнув через спинку дивана. Удар по ребрам резко вышиб весь воздух из легких.

— Я выполнил свою часть здесь. И сейчас мой член тверд, ты здесь, и я достаточно пьян, — пинком он раздвинул ее ноги, одной рукой все еще удерживая ее за волосы и вдавливая в диван, а другой расстегнул ширинку.

Паника охватила Алли. Она пыталась кричать, плакать, но не имея возможности вздохнуть, издала лишь безмолвную мольбу. *Нет... пожалуйста, нет...*

*(13) Не знаю (фр.)

*(14) Ты надо мной издеваешься? (фр)

*(15) Возможно (фр.)

Войдя в фойе особняка Алли, Хадсон услышал гортанное мужское рычание, эхом раздававшееся на просторной лестничной клетке. Паника накрыла его, обращая кровь в лед. Не сбиваясь с шагу, он взлетел по лестнице через две ступени. Сердце заколотилось сильнее и быстрее.

Боже, пусть она будет в порядке.

Он ворвался в дверь, и увиденное моментально выжгло у него на сетчатке. Алли перегнута через диван, ноги широко раздвинуты, кровь стекает по лицу. Джулиан стоит сзади, одной рукой удерживая ее, другой расстегивая ширинку.

И он потерял контроль.

Тело Хадсона действовало на автомате, только действия, минимум мыслей. Он рванулся вперед, схватил Джулиана за шею и отшвырнул его от Алли. Джулиан налетел на край стола и свалился на пол, уронив с собой лампу. Фарфоровое основание расколосось под его весом, и осколки разлетелись по всему паркету.

Кое-как поднявшись на ноги, Джулиан повернулся лицом к Хадсону. Глубокий порез на его руке кровоточил, и когда он стиснул кулаки, кровь просочилась сквозь пальцы. Этот парень определенно накачался чем-то, притупившим болевые рефлексy.

Источая спокойную угрозу, Хадсон ждал, пока француз поднимется на ноги.

— Ты так и будешь там стоять, или мы все же сделаем это? — он прищурился. — Я с первой встречи хотел выбить из тебя дерьмо.

Джулиан помахал руками в приглашающем жесте, разбрызгивая кровь.

— Ну разве не мило, рыцарь прискакал спасти свою шлюху, — насмехался он. — Вот кто она, лишь некто для того, чтобы смочить головку твоего члена.

Парень точно решил умереть.

Во вспышке слепой ярости Хадсон набросился на Джулиана, и двое мужчин столкнулись, сила против силы, кулак против кулака.

Алли бросилась к ним.

— НЕТ! Хадсон, пожалуйста... — она разрыдалась, будучи не в силах остановить яростную схватку, разворачивавшуюся перед ней.

Пропустив двойной удар по ребрам, Хадсон тяжело втянул воздух, заглушая боль. Он методично вернул услугу, пришибив Джулиана мощным апперкотом, голые костяшки пальцев приняли на себя удар. Кости треснули, хлынула кровь. Голова Джулиана запрокинулась, и Хадсон отскочил от сильного удара слева, разбившего ему бровь.

Настойчивый улюдок не собирался сдаваться.

Джулиан вытер кровь с лица предплечьем и вновь бросился на него.

Хадсон увернулся в сторону, и удар Джулиана пришелся ему по почкам, лишая равновесия. Боль пронзила позвоночник, отдаваясь в ноги. Лицо его скривилось, зубы стиснулись. Проклятье, больно. Ярость Хадсона подскочила на несколько градусов. Вот в

чем фишка боли — она либо сбивает с ног, либо воспаляет тебя. Сейчас она адски мотивировала.

Не успев осознать, что делает, Хадсон метнулся вперед, схватил Джулиана за горло и швырнул на пол. Джулиан выпучил глаза, раздувая ноздри, когда Хадсонов ботинок от Феррагамо надавил на его горло. Он схватил его за ботинок обеими руками, пытаясь отодвинуть, но Хадсон продолжал давить на его шею.

— Ты знаешь, что даже небольшое давление способно переломить твою трахею?

Лицо Джулиана покраснело, дрожащие руки пытались оттолкнуть Хадсона.

— Еще раз подойдешь к ней, и я вырву твои кишки и буду использовать их вместо садового шланга. Теперь кивни.

Джулиан кивнул, руки продолжали до побеления костяшек стискивать ботинок Хадсона.

— Хороший мальчик, — он убрал ногу с горла и оставил его кашлять на полу.

Хадсон повернулся к Алли, и вид ее в слезах и крови ударил сильнее, чем кулак Джулиана. Он снял пиджак и накинул ей на плечи.

— Ты в порядке?

Она обмякла в его руках, едва умудрившись кивнуть.

— Пойдем, — крепко держа за плечи, он вывел ее из квартиры, защищая от любопытных взглядов соседей.

Алли прикрыла глаза от яркого света и задрожала.

— Замерзла? — Хадсон опустился перед ней на колени, бережно вытирая кровь с ее лица теплым полотенцем.

Она покачала головой, отчего вся комната закружилась.

— Нет, я просто не могу перестать дрожать.

Он нахмурился, между бровей залегла глубокая складка.

— Это адреналин. Дай я перевяжу рану, а потом найдем для тебя одежду потеплее, — он убрал полотенце и быстро сложил его вдвое, но она успела увидеть кровь. *Столько много крови.*

— Насколько все плохо? — она отчасти боялась спрашивать. Он усадил ее на край ванны спиной к зеркалу, и она начинала думать, что выбор был неслучайным.

— Похоже, кровоточить наконец перестало. Но у тебя будет тот еще фингал, — Хадсон потянулся в аптечку за коричневой бутылочкой. Мгновение спустя он держал ватный шарик, смоченный в антисептике. — Закрой глаза.

Он осторожно промокнул прохладной влагой рану над ее глазом. Ай! Острый укол боли заставил ее вздрогнуть, и она услышала, как Хадсон прерывисто и сочувственно вздохнул.

— Боже, Алли, я хотел его убить, — его тон был угрожающе спокойным.

Алли открыла глаза. Хадсон смотрел на нее, сжав губы в тонкую линию и продолжая очищать ее раны. Она сидела неподвижно, позволяя ему позаботиться о ней, зная, что ему это нужно не меньше, чем ей. Закончив, он выбросил ватный шарик в мусорку и нашел в аптечке широкий бинт, на который нанес антисептическую мазь.

— Я никогда не видела Джулиана таким, — прошептала она. — Как будто он был одержим или типа того. Он просто сорвался.

Мускул на подбородке Хадсона дернулся, но он не отрывался от дела. Отбросив ее волосы со лба, он аккуратно прижал бинт к ране.

— Что вывело его из себя?

— Я сказала ему, что все кончено.

Он замер.

— Сказала?

Алли кивнула.

— Помнишь, вчера ты сказал, что двух недель будет недостаточно? Я тоже так думаю.

Она помедлила, пытаясь прочесть его реакцию, но он ничего не сказал. Ее сердце заколотилось от непрошеной мысли, что она поторопилась. Что, если она слишком долго его отвергала? Холодок пробежался по спине. Она не могла сделать ничего, только выложить все начистоту и надеяться, что у него еще остались к ней чувства. Она прерывисто выдохнула и продолжила:

— Я не могу отказаться от нас, Хадсон. Не в этот раз. Мне нужно, чтобы ты был в моей

жизни.

Его выражение смягчилось, став неожиданно уязвимым, и он бережно взял ее лицо в руки.

— Ты тоже мне нужна, — прошептал он.

Алли накрыла ладонями ее руки, желая удержать не столько момент, сколько мужчину, стоявшего перед ней на коленях. Он склонился ближе, прижимаясь к ее губам теплым, долгим поцелуем. Все ее тело задрожало от чистого удовольствия, за которым тут же последовала волна физической боли. Это было слишком, сила ее чувств к нему и отрезвляющая реальность того, что почти случилось в ее квартире. Захлебнувшись эмоциями, она зарыдала.

— Не надо, — прошептал он, большими пальцами рук вытирая ее щеки и ловя слезинки. — Я на куски рвусь, глядя как ты плачешь.

— Если бы ты не пришел в тот момент...

— Тише, я здесь, — обняв ее сильными руками, он бережно усадил ее себе на колени, баюкая так, словно она была из самого хрупкого стекла. — Ты в безопасности со мной, Алли. Всегда будешь в безопасности, — он прижал ее ближе, успокаивая ласковыми словами и нежными прикосновениями, пока ее дыхание не перестало срываться на дрожащие рыдания. Когда она наконец успокоилась, он поставил ее на ноги.

— Идем, давай уложим тебя в постель.

Хадсон максимально бережно раздел ее, медленно снимая заляпанное кровью платье. Когда он стянул его с плеч, глаза его вспыхнули. Алли проследила за его взглядом и посмотрела на свои ребра, где уже начали формироваться темные синяки.

— Выглядит хуже, чем ощущается, — она попыталась заверить его.

Он напряженно кивнул и потянулся к стопке аккуратно сложенного белья на краю постели.

— Можешь поднять руки? — спросил он. Тон его был мрачным.

Она подчинилась, и он натянул на нее футболку, стараясь не задевать повязку на лбу. Алли глубоко вздохнула, когда мягкий хлопок скользнул по лицу. Он пах свежестырированным бельем и Хадсоном Чейзом. Эта комбинация вызвала ощущение тепла и безопасности, и впервые за вечер ее тело начало расслабляться.

— Подними ногу, — он присел перед ней, держа в руках свои боксеры.

Его вид размыл тонкую грань между эмоциями, и несмотря ни на что, с ее губ сорвался смешок. Он посмотрел на нее снизу вверх, сбитый с толку.

— Что смешного?

Алли улыбнулась, проводя пальцами по его непокорным волосам.

— Ты предлагаешь мне свое нижнее белье.

Хадсон усмехнулся.

— Хоть я и предпочитаю его снимать, сейчас едва ли подходящее время. Тебе нужно отдохнуть.

На этот раз он не встретил возражений. Она сделала, как он просил, опираясь рукой на его плечо и поднимая сначала одну ногу, затем другую.

— У меня есть спортивные штаны, если хочешь. Можно закатать штанины.

— Мне и так хорошо.

Он отбросил пуховое одеяло, и она забралась в постель. Прохладные хрустящие простыни показали раем для ноющих мышц. Он накрыл ее одеялом, затем нагнулся и

коснулся губами лба над самой повязкой. Когда он повернулся, чтобы уйти, она потянулась и схватила его за руку.

— Разве ты не идешь в постель? — она сама могла слышать панику в своем голосе.

Хадсон успокаивающе сжал ее пальцы.

— Я просто принесу тебе обезболивающее. Сейчас вернусь.

Спустя пару минут он вернулся с двумя таблетками и высоким стаканом воды.

— Спасибо.

— Всегда пожалуйста, — он изучал ее лицо, пока она принимала лекарство. — Это должно помочь от боли.

— Я уже чувствую себя лучше.

Его ответная улыбка не достигла глаз. Она знала, что Хадсон ей ни на секунду не поверил, но не стал спорить и вместо этого быстро расстегнул пуговицы своей рубашки. Алли откинулась на подушку, впитывая каждую деталь. Жесткие контуры его груди изогнулись, когда он снял рубашку и бросил на ближайший стул; мышцы пресса сократились, когда он одним движением стянул брюки и боксеры; и наконец, упругие округлости его задницы, напрягшиеся, когда он натянул на бедра пижамные брюки. То еще шоу.

Приготовившись ко сну, он скользнул рядом, осторожно прижимая ее к груди и целуя в макушку. Алли вздохнула, тая от тепла его тела. Она долго лежала так, дыша в идеальном ритме с ровными поднятиями и опаданиями его груди, пока кое-что не пришло ей на ум.

— Почему ты пришел ко мне сегодня? — спросила она, поднимая лицо, чтобы посмотреть на него.

Он погладил ее щеку костяшками пальцев.

— Я не собирался отпускать тебя без борьбы. Знаю, я сказал, что приму любое твоё решение, но потом я получил то твоё сообщение, что Джулиан вернулся... — Хадсон раздраженно провел рукой по волосам. — Проклятье, Алли, ты не отвечала на звонки.

— Извини, что заставила беспокоиться, — тихо сказала она.

Вскинув брови, он поднял голову, чтобы посмотреть на нее. Рука все еще была в его волосах.

— *Беспокоиться?* Да я с ума нахрен сходил от мысли о том, что ты в одной комнате с этим ублюдком, — уронив голову обратно на подушку, он сердито выдохнул. — Честно, что ты вообще в нем нашла?

— Я сегодня задавала себе тот же вопрос, — Алли пристроила голову на груди Хадсона. Оглядываясь назад, она чувствовала себя идиоткой, что вообще связалась с Джулианом.

Но оглядываясь назад, всегда видишь лучше, и хотя вопрос Хадсона был риторическим, Алли все равно ощущала необходимость как-то оправдать свои решения.

— Джулиан может быть само очарование, если захочет. Вначале он был очень внимательным, даже заботливым.

Хадсон издал резкий смешок.

— Знаю, сложно представить, но он был таким. Он удивлял меня цветами без причины, приезжал на ланч просто потому, что соскучился, или даже оставлял маленькие записки на моей подушке.

Непрощеное упоминание о делении постели с Джулианом бездумно сорвалось с языка, и она тут же пожалела об этом. Чувствуя, как напряглась рука Хадсона, обнимавшая ее, она быстро увела разговор в другую сторону.

— Конечно, теперь я знаю, что он преследовал свою выгоду.

— Что ты имеешь в виду?

— Джулиан собирался жениться на мне только ради контроля над Ингрэм Медиа. Сегодня он сказал, что кто-то скупает активы, и отец всерьез рискует потерять компанию. Всю — газету, журналы, даже кабельную сеть. Думаю, Джулиан обещал дать ему деньги, необходимые для сохранения контроля, — Алли села, поморщившись от боли в ребрах. От резкого движения голова закружилась, но это не помешало кусочкам пазла сложиться воедино. — Теперь я понимаю.

Недоумение отразилось на лице Хадсона.

— О чем ты?

— Мой отец собрался рано на пенсию. Это было так внезапно. Только что он работал по восемьдесят часов в неделю, и тут заявляет, что хочет в отставку, совершенствовать свою игру в гольф с другими членами клуба. Кто бы ни стоял за этим захватом, он, должно быть, подобрался вплотную.

— Почему ты так думаешь?

— Все эта спешка с походом к алтарю. Я думаю, Джулиан придерживал деньги до свадьбы. Перенесение даты никак не связано с арендой "Дрейка". Все дело в спасении компании. Поначалу я не думала о том, как быстро развивались наши отношения. Это был головокружительный роман с того самого момента, как отец познакомил...

— О Боже, — Алли задохнулась в удушающем рыдании. — Это было подстроено с самого начала. Я была лишь очередным активом, которым управляют. Способом удержать компанию в семье, — она сгорала от стыда. — Как я могла быть настолько глупой? Эти трое все это время играли со мной как с дурой.

Слезы потекли по ее лицу, и Хадсон потянулся к ней, привлекая обратно в свои объятия.

— Шшш, я держу тебя.

Алли свернулась в его руках, все эмоции сегодняшнего дня обрушились на нее. Хадсон крепко держал ее, пока она тихо рыдала у него на груди. Где-то на рассвете, когда уже не осталось невыплаканных слез, она наконец уснула в его руках.

Открыв глаза — один шире, чем другой, Алли содрогнулась. Не нужно было смотреть в зеркало, чтобы понять, насколько сильный был отек. Наполовину поднявшееся веко сказало все, что ей нужно было знать. Она поморгала, и взгляд сфокусировался на лице перед ней. Хмм, рай для воспаленных глаз. Буквально. Она определенно могла привыкнуть просыпаться рядом с прекрасным лицом Хадсона на соседней подушке. Конечно же, просыпаться с ним между бедер было не хуже.

— Доброе утро.

Она сонно улыбнулась ему.

— Доброе утро. Давно проснулся?

— Не очень, — Хадсон потер грубую щетину, отросшую за ночь. — Как ты себя чувствуешь?

Алли провела ревизию своих травм. Глаз, очевидно, опух еще сильнее, но голове стало лучше. Она потрогала повязку на правой стороне лба. Вчерашняя пульсация стихла до тупой боли. Она медленно пошевелилась, проверяя конечности. Руки и ноги вроде бы в норме.

— Все еще немного болит голова, но в остальном я в порядке, насколько это возможно. — Она перевернулась на бок и резко втянула воздух.

— Ребра?

Она кивнула.

— Просто неудобно двигаться, — боль быстро отступила, и Алли ободряюще улыбнулась. Не просто для его успокоения. Несмотря на все случившееся, она чувствовала себя до странного умиротворенно после ночи в руках Хадсона. — Спасибо, что так хорошо позаботился обо мне вчера.

— Не за что, — подняв руку, он погладил ее щеку костяшками пальцев. — Нет ничего, что я не сделал бы для тебя, Алли. Хотя мне правда хотелось бы отвезти тебя в госпиталь. Тебе стоит сделать рентген.

— Честно, я чувствую себя лучше, — Алли старалась сохранять спокойствие, пока его пальцы касались ее, осторожно ощупывая.

— Может быть трещина на ребрах. Или перелом.

— Или просто ушиб, — возразила она.

Он нахмурился, очевидно, не убежденный.

— Обещаю, если вечером все еще будет болеть, обращусь в больницу, — Алли подвинулась ближе, и Хадсон обнял ее, пальцами ритмично поглаживая спину. Она тихо выдохнула. Почти все в ее жизни перевернулось с ног на уши, но в данный момент ее совершенно устраивала возможность игнорировать весь остальной мир, сосредоточившись на единственном, что было идеально. Она задалась эгоистичной мыслью, сколько еще у нее времени осталось до того, как пузырь ее счастья лопнет от звонка будильника.

— Который час?

Хадсон через плечо глянул на часы.

— Восемь.

— О, дерьмо! Мне надо собираться на работу, — Алли подскочила на постель. *Оу!* Ее мозг как будто отставал от тела, врезавшись в череп от резкого движения.

— Вовсе нет, — Хадсон обнял Алли за плечи, бережно укладывая обратно в постель. — Ты сильно пострадала и должна отдыхать.

Это не было просьбой, и судя по тону его голоса, спорить бесполезно. Сильно пострадала? Алли осторожно потрогала нежную кожу у глаза.

— Насколько плохо все выглядит?

Хадсон нахмурился.

— Настолько плохо, да? — ее сердце упало. После стольких лет они с Хадсоном наконец вместе, а она выглядит как после восьми раундов на боксерском ринге.

Смягчившись, он убрал прядку волос ей за ухо.

— Ты выглядишь прекрасно, Алли. Я просто подумал, что будет лучше, если тебе не придется объяснять.

— Мм, разумно, — меньше всего ей хотелось отвечать на вопросы о синяках на лице. Чем больше людей будут знать о нападении Джулиана, тем больше вероятность, что это просочится в новости.

Ее отец несомненно запретит распространять новость через филиалы Ингрэм, но его влияние не простиралось дальше. Множество желтых газет и вебсайтов с радостью будут смаковать историю избитой наследницы. Сохранность ее тайны была важнее, вот почему она решила не обращаться в полицию. Без сомнений, Джулиан заслуживал сесть в тюрьму, но звонок в полицию привлечет внимание прессы.

И хоть образ Джулиана в оранжевом костюме, негодующего из-за нехватки икры и французского шампанского, был заманчивым, это не стоило того, чтобы терпеть всю грязь, которую выльют на нее таблоиды.

Она знала, что ни один из ее коллег не сообщил бы в прессу. Большинство были друзьями, другие же слишком боялись Виктории Синклер, чтобы рискнуть. Но она также знала, что если появится в офисе, то будет лишь вопросом времени, когда информация об ее состоянии дойдет до матери. А она еще не была готова к этому противостоянию. В конце концов, она скажет родителям, что этот монстр сделал с ней. Монстр, которого они же спустили с цепи. Но пока она не желала покидать объятия Хадсона, не говоря уж о пентхаусе.

Алли закрыла глаза.

— Боль усиливается? — спросил Хадсон с плохо скрываемой заботой.

Она открыла глаза и встретила с его напряженным взглядом.

— Нет, — она накрыла ладонью его щеку и улыбнулась. — Намного лучше, на самом деле.

Впервые в жизни Алли была именно там, где хотела быть.

— Итак, день в постели? Это ваш профессиональный совет, доктор Чейз? — ее пальцы пробежались по его обнаженному плечу и ниже, к бицепсу.

— Если голова все еще болит, возможно, у тебя сотрясение. Так что да, день ты проведешь в постели.

— Звучит идеально, — пальцы Алли скользнули по его животу, исчезая под одеялом.

— Возможно, вы бы хотели провести более тщательный осмотр?

Хадсон поймал ее за запястье.

— Отдыхая в постели, Алессандра.

Ой-ой, полное имя.

— Куда ты пошел? — спросила она, когда он встал с постели.

Наклонившись, он запечатлел быстрый поцелуй на ее губах.

— В душ.

Алли ощутила укол разочарования.

— Собираешься в офис?

— Нет, сегодня поработаю из дома.

Не то, чего ей хотелось, но лучше альтернативы. Она прислонила подушку к изголовью и откинулась назад, скрещивая руки на груди.

— Ну, мне все равно надо позвонить в офис, — надулась Алли.

— Уже сделано. Я вчера написал Харпер, сообщил, что ты нехорошо себя чувствуешь.

Она раскрыла рот.

— Как ты это сделал?

— С помощью телефона. А теперь отдыхай.

Алли хотела уточнить, но Хадсон исчез в ванной до того, как она успела что-либо сказать. Она покачала головой. В нормальных условиях такое вмешательство выбесило бы ее. Но как она могла злиться на него за такое поведение альфа-самца, когда он каким-то образом знал, что именно ей нужно?

Звук льющейся воды донесся из хозяйской спальни. Хадсон в душе. Голый.

Ее мысли наполнились образами воды, стекающей по его груди... его тела, прижимающего ее к холодному граниту... его пальцев, скользящих по ее влажной коже... его руки, поднимающей ее ногу на его талию...

На секунду она подумывала присоединиться к нему, но понимала, что мистер Гиперопека не купится на это, несмотря на то, что еще в постели он был явно тверд как камень.

Серьезно, из-за чего вся эта шумиха? Она чувствовала себя хорошо. Более того, отлично. Даже свободно. Она наконец-то контролировала свою жизнь. Первый шаг — порвать с Джулианом. Надо признать, прошло не очень хорошо, но результат был тем же. Он покинул ее жизнь. Что касается родителей, она перестала позволять семейному долгу определять ее поступки, и собиралась предъявить родителям всю их ложь и манипуляции, как только приведет жизнь в порядок. Наверху ее списка дел был пересмотр предложения работы от Харрис Груп. Одна лишь мысль о должности, которую она будет занимать из-за своих заслуг, а не сертификата о рождении, заставляла улыбаться.

Новое начало. То, что нужно. И чем быстрее, тем лучше.

Приняв решение, Алли отбросила покрывало, не желая ждать ни минуты и начать новую главу в жизни. Она выскользнула из постели и направилась в прилегающий к спальне кабинет, чтобы позвонить Оливеру Харрису. Хадсон будет в восторге, когда она сообщит ему хорошие новости. Празднование не заставит себя ждать.

Пока шли гудки, она откинулась в кожаном кресле Хадсона. Легкое покачивание вызвало воспоминания о том звонке, которому она помешала. Развратная улыбка осветила ее лицо. С другой стороны, может, она все же присоединится к нему в душе. Незачем откладывать начало празднования.

Секретарь приемной ответила на звонок, прерывая неприличные мысли Алли. Быстро и деловито она переадресовала звонок персональному ассистенту, как думала Алли.

— Мистер Харрис, — сказала она, с удивлением услышав, как он ответил лично. — Это Алессандра Синклер. Мы говорили несколько недель назад.

— Конечно же, мисс Синклер, как я мог забыть? Не каждый день я приглашаю кого-то присоединиться к моей компании.

— На самом деле, по этому поводу я и звоню. Я бы с удовольствием пришла работать в Харрис Групп, — тут в голову пришла мысль, и она добавила: — Конечно же, если вакансия все еще открыта.

— Несомненно. Это отличные новости, Алессандра. Мы уже обсуждали зарплату, но уверен, у вас есть вопросы насчет пакета привилегий. Мой директор по персоналу может обсудить с вами все вопросы и начать оформлять документы. Сейчас дам вам ее имя и номер.

Алли повертелась в кресле Хадсона, ища в ящиках бумагу и ручку. Когда она открыла центральный ящик, ее взгляд зацепился на имя на документах. Она просмотрела несколько пунктов типичного юридического жаргона, едва слушая Оливера Харриса, который сообщал необходимую информацию.

... соответствующее наложение ареста на основные активы в обеспечение долга...

— У меня хорошее предчувствие, — сказал он. — Я бы хотел, чтобы вы приступили как можно скорее.

... противодействие поглощению...

— Полагаю, вам нужно будет сообщить нынешнему работодателю?

Алли ответила, почти не обдумав вопрос.

— Да.

... через оффшорные компании и благотворительные фонды...

— Вы сумеете приступить через две недели?

... Чейз Индастриз... достаточный пакет акций...

Горло обожгло, она с трудом сглотнула.

— Отлично, — пробормотала она.

— Замечательно. Тогда до встречи.

... для права руководства Ингрэм Медиа.

Алли не была уверена, удалось ли ей попрощаться перед тем, как бросить трубку и рухнуть в кресло Хадсона.

Хадсон прислонился к стене душевой кабины. Горячая вода стекала по мышцам груди и пресса, пена сбегала по ногам, капая с головки все еще эрегированного члена. Он изо всех сил пытался не думать о женщине в соседней комнате, с которой он жаждал заняться любовью. Он умудрился убедить себя не возвращаться в спальню, но его стояк все еще был нестигаемым.

Боже, неужели ему хватит сил пройти через это, зная, что для нее это глубоко личное? Альтернативой было сказать ей, что это по кускам скупал компанию ее отца по сложной схеме, нацеленной на то, чтобы убрать Ричарда Синклера с дороги.

Блять. Как будто у него был выбор.

— Алли, — крикнул Хадсон, выключив воду. Выходя из душевой в собственноручно созданный ад, он схватил полотенце со стойки и обернул вокруг бедер. — Алли?

Выйдя из ванной и не обнаружив ее в постели, он направился к гостиной, но остановился на полпути, заметив открытую дверь офиса.

— Вот ты где. Почему ты встала из постели?

— Мне надо было воспользоваться телефоном. Я хотела согласиться на работу в Харрис Групп, начать сначала, — вся кровь, похоже, схлынула с ее лица, когда она закончила предложение.

Дюжины мыслей пронеслись в голове Хадсона.

— Ты в порядке?

Взгляд Алли опустился на документ, лежавший перед ней на столе.

— Я искала ручку...

Хадсон подошел ближе и застыл на месте, увидев имя компании в заголовке документа.

— Я собирался тебе сказать. Я хотел, чтобы ты узнала от меня.

Ее взгляд метнулся к нему.

— Когда, Хадсон? Когда ты собирался сказать мне?

— Я ждал подходящего момента.

— И долго ты собирался трахать меня, пока не настанет подходящий момент?

Челюсть Хадсона напряглась, плечи расправились.

— Ты никогда не была лишь трахом.

— Забавно, потому что именно так я себя и чувствую, — горькое выражение сошло с ее лица, слезы навернулись на глаза. Она вскочила из-за стола и выбежала обратно в спальню.

Хадсон последовал за ней, крепче стискивая полотенце.

— Проклятье, Алли. Дай мне объяснить.

— Думаю, все и так ясно. Что мне непонятно, так это зачем?

— Все просто. Компания идеально подходит под мой профиль. Я увидел возможность, я ей воспользовался.

— И еще лучше, что ей владела моя семья, да? — Алли глянула в ванную, где ее запачканное кровью платье висело на краю ванной. Она схватила спортивные штаны, которые он предлагал ей вчера, и быстро надела. — Это что, какой-то план мести за то, что

десять лет назад я причинила тебе боль? Или просто по приколу, завладеть компанией, пока имеешь меня в постели?

— Ты никогда не была частью плана, Алессандра. Шестеренки уже крутились задолго до того, как я увидел тебя в музее, — Хадсон резко выдохнул. — Боже, я даже не знал, что это компания твоей семьи.

— И ты думаешь, я в это поверю? — Алли закатила глаза, засовывая ноги в туфли.

— Я знал тебя как Алли Синклер. Как, черт побери, я должен был догадаться, что ты чертова Ингрэм?

— Уверена, ты просмотрел список членов совета, собирая информацию о компании. Имя Ричарда Синклера ничего не напоминает?

— Я не знал, что твоего отца зовут Ричард. Если помнишь, ты не водила меня знакомиться с родителями.

Алли протиснулась мимо него в гостиную.

— Проклятье. Катись оно все в гребаный ад, — Хадсон следовал за ней по пятам. — Когда я осознал связь, мы...

Резко остановившись, Алли крутанулась на месте. Ее взгляд был полон ярости.

— Я поняла. Когда ты осознал связь, ты уже трахал меня по всей гостинной. Зачем портить удовольствие, ведь можно водить меня за нос, пока сделка не будет заключена.

— Я должен был сказать тебе, но я хотел выиграть время, чтобы узнать тебя заново. Я боялся, что ты не дашь нам шанс, если узнаешь об этом, — комнату заполнила напряженная тишина, он ждал знака, хоть какого-нибудь знака, что она может его простить.

— Ты мог остановить сделку, — ее голос дрогнул, растрескиваясь.

Когда он не ответил, Алли схватила сумочку со стула и направилась к лифту.

Хадсон пошел следом.

— Это бы ничего не изменило, — предложил он жалкое утешение. — Компания твоего отца — тонущий корабль, и он знает об этом. Если бы я не начал скупать Ингрэм, кто-то другой сделал бы это.

— Но это не сделал кто-то другой, Хадсон. Ты это сделал. Ты ответственен за все это.

Черта с два он примет удар вместо Джулиана и ее отца.

— Не я торговал твоими чувствами, — он чертовски хорошо знал, что это была жалкая попытка, и пожалел об этом, едва слова сорвались с губ.

Блять.

Слезы полились из ее глаз. Алли вздрогнула и ударила по кнопке вызова лифта. Он хотел, чтобы она вместо этого ударила его. Выместила боль на нем. Дала ему кожей почувствовать ее злость и разочарование.

И закончив, позволила ему держать ее, пока она выплачется.

— Мне жаль, — сказал он. — Я не должен был...

— Почему нет? Это же правда, не так ли? Вчера, до нападения, Джулиан сказал мне, что я не лучше шлюх, которым он платит, — слезы продолжали катиться по ее щекам. — Я ненавидела его за эти слова, но он был прав. Моя помолвка была ни чем иным, как сделкой моих родителей с лучшим продавцом, — она вытерла слезы тыльной стороной ладони. — Хуже всего, что мне было все равно. Я продолжала думать, что все это неважно, потому что спустя столько лет мы с тобой наконец-то могли быть вместе.

Алли вошла в ждущий лифт и нажала кнопку.

— Я думала, ты был единственным, на кого я могу положиться.

Хадсон вскинул руку, чтобы не дать дверям закрыться.

— Прости меня. Я никогда не хотел причинить тебе боль, — в горле встал ком, грудь его пылала обжигающей болью. Глядя на нее, он видел в ее глазах решимость и душераздирающую боль предательства, которая будет преследовать его до конца дней. Он отпустил двери лифта, позволяя им закрыться.

И вот так просто она ушла.

Четыре дня спустя...

Алли надела солнцезащитные очки и завела двигатель своего серебристого БМВ. Последние четыре дня она проторчала в своем особняке, залечивая синяки и пытаясь разобраться с хаосом в своей жизни. Потребовалось бесчисленное количество часов самокопания и до неприличия огромное количество шоколада, но она наконец была готова к разговору с родителями.

Готова начать жить на своих условиях.

И она должна сделать *все* сама. Ни особняка на Астор Плейс. Ни кредитки от Barneys. Ни финансовой помощи трастового фонда. Ничего. Она будет жить на доходы от новой работы, как и любая другая 27-летняя девушка.

Встроившись в дорожное движение, Алли ощутила, как вскипают нервы. Она пыталась отвлечь себя перечислением следующих пунктов в списке дел. Надо найти соседа по комнате. Арендная плата в Чикаго была запредельной, и пусть в Харрис Груп будут платить лучше, чем на прежнем месте, едва ли этого будет достаточно.

Алли набрала номер Харпер и подождала, пока Bluetooth-система машины дозвонится до нее.

— Боже, я думала, что он тебе вздохнуть не даст, — сказала Харпер вместо 'привет'.

— Что?

— Хадсон.

Сердце Алли содрогнулось от звука его имени. Именно сейчас королева нелепых прозвищ изменила своим привычкам. Она могла справиться с любым бесячим титулом, которые Харпер так любила использовать, но от имени Хадсона, эхом прокатившегося по салону, в горле встал ком.

— Я имею в виду, я могу лишь предполагать, что он ответственен за твой внезапный приступ ужасного гриппа, — сказала Харпер, саркастично подчеркивая последнее слово. — Учитывая, что ты за три года не взяла ни одного отгула по болезни, — Алли въехала на свободное место парковки, пока подруга продолжала болтать без умолку. — А еще я предполагаю, что он все это время держал тебя привязанной к изголовью кровати, что объясняет кучу сообщений, на которые ты не ответила.

— Закончила? — спросила Алли, стараясь сохранять голос ровным. Она могла составлять какие угодно списки, но это не сотрет из ее памяти его образ... или его прикосновения.

— Пока да. Как дела?

— Ты свободна вечером? Ужин?

— Снова заглянем в Синюю Агаву?

Алли почти слышала, как Харпер пускает слюни в трубку.

— Конечно.

— Отлично. Давай пораньше, чтобы у меня была отговорка пропустить спортзал.

Несмотря ни на что, Алли улыбнулась.

— О, и у тебя есть костюм? Некоторые бары снижают плату за вход, если принарядиться.

Алли совсем забыла, что сейчас Хэллоуин.

— Давай я чуть позже скину тебе смс, на каком поезде приеду, — она притормозила на красный и вытащила из сумочки расписание. Поезда с Лейк Форест вечером ездили редко, но некоторые из них могли доставить ее в город как раз вовремя, чтобы встретиться с Харпер за ужином. И если повезет, к вечеру у нее будет сосед по комнате.

— Поезд?

— Да, я сейчас направляюсь в дом родителей, а обратно поеду на метро.

— И с какого черта тебе это делать?

Потому что не могу же я сказать им, что начинаю жить своей жизнью, и уехать на машине, которую они мне купили, верно?

— Я все объясню тебе вечером, — Алли не хотела пересматривать события прошлой недели по телефону. На самом деле, она даже подождет, пока минимум одна маргарита окажется в ее крови, и только потом все выложит.

— Да, уж лучше объясни. И я хочу режиссерскую версию, а не обрезанную с рейтингом 13+.

— Обещаю, я расскажу тебе всю историю, — сказала Алли, въезжая в ворота Мэйфлауэр Плейс. Она знала, что Харпер будет разочарована, когда узнает, что не было никаких пикантных деталей.

Но она также знала, что подруга будет в ярости, когда узнает о случившемся. Джулиану и Хадсону в ближайшее время лучше не пересекаться с Харпер Хейз.

Опять-таки, возможно, этого они и заслужили. И даже больше.

Четыре дня.

Четыре дня прошло с тех пор, как Хадсон в последний раз видел своего брата. Четыре дня с тех пор, как он осознал, что Ник настолько глубоко провалился в медикаментозную кроличью дыру, что не достигнет дна, пока не окажется в могиле. Никакие слова не могли описать ужас всех возможных 'а что, если', и Хадсон понял, что у него один выбор — отправить Ника на реабилитацию.

Строгие правила не разрешали Хадсону видаться с Ником во время фазы детоксикации, но теперь его перевели в другое крыло, где разрешались посещения. Подойдя к стойке регистрации, он внезапно понял, что не хочет быть здесь один. Ему безумно захотелось потянуться к единственному человеку, который мог бы утешить его. Но пальцы схватили лишь воздух.

— Могу я вам помочь? — спросила медсестра.

— Я пришел навестить Николаса Чейза. Сегодня его перевели из лечебного блока в центр реабилитации.

— А вы?

— Его брат.

Она выгнула бровь, доставая толстую голубую папку из шкафа.

Он раздраженно выдохнул.

— Хадсон Чейз.

Медсестра тщательно изучила папку, закрыла и вернула на место.

— Вам нужно надеть это, — она положила на стойку бейджик 'Посетитель'. — Он должен быть на виду все время.

Хадсон взял бейджик и прицепил к V-образному вырезу кашемирового свитера.

— И мне нужен ваш телефон, — сказала она, привычным движением протягивая руку. — Вы получите его обратно, когда будете уходить.

На мгновение он поколебался.

— Таков протокол, — она пошевелила пальцами, поторапливая его. Потянувшись назад, Хадсон достал телефон из кармана джинсов и мельком глянул на экран. Он оставил множество голосовых сообщений для Алли, и все они остались без ответа. Ее посыл был ясным, и ждать звонка когда-ад-замерзнет было маловероятно.

Чувствуя себя так, будто получил удар под дых, он выключил телефон и протянул медсестре. Мгновение спустя замок открылся с легким щелчком. Хадсон миновал центр детоксикации, не желая нарушать тишину. Атмосфера здесь была слишком спокойной и безмятежной. В отличие от его жизни.

Толчком он открыл дверь в холл. Как и остальные помещения, комната была обставлена лишь необходимыми предметами — больничным диваном, стулом и столом.

Сняв кожаную куртку и перебросив через спинку дивана, Хадсон засомневался, чего ждать, когда появится Ник. Он вспомнил день, когда привез его сюда. В выражении его лица не было обещаний счастья или какого-то удовлетворения. Лишь сильное желание, надежда на счастье своего братишки. И единственная информация, которую дали ему доктора — гребанные тонны 'он мог бы' или 'он может быть'. Хуже всего, они понятия не имели, как Ник будет себя чувствовать после детоксикации.

Ручка повернулась, массивная дверь открылась, и вошел Ник.

— Привет.

Хадсон повернулся и осмотрел Ника с ног до головы. Темные волосы распущены, чистые. Глаза усталые, несомненно, после жесткой недели детоксикации.

Ник прошлепал через бедно обставленную комнату и сел на стул. Хадсон последовал за ним, сев напротив него на диван.

— Как ты себя чувствуешь?

Ник наклонился вперед, упираясь локтями в колени и потирая глаза, потом посмотрел на Хадсона.

— Как будто проснулся после самого жесткого в мире похмелья.

— Не сомневаюсь.

Тишина между ними была пустячной. У них же всегда было о чем говорить, хоть о ерунде, подразнить друг друга. Теперь? Ни черта ему не приходило на ум.

— Хадсон, — Ник наконец заговорил тихим голосом. — Я не помню ничего, кроме редких моментов. Все расплывчато. Скажи мне, что я этого не делал.

После долгой паузы Хадсон ответил.

— Я не могу тебе этого сказать.

— О боже... Блять, — Ник прочистил горло, будто собираясь продолжить, но ничего не сказал.

— Ты не должен беспокоиться, ясно? Я позаботился об этом.

— Что ты имеешь в виду?

— Я сказал, не беспокойся. Сосредоточься на том, чтобы бросить.

Ник уронил голову на руки, плечи его затряслись. Хадсон подвинулся ближе и привлек Ника к себе, скорее чувствуя, нежели слыша, как брат плачет. И от этого первый слой на стенах, выстроенных Хадсоном, начал рушиться. Оба они немало перенесли в жизни, и это лишь очередное испытание, которое они должны сообща пройти, выстояв против остальных.

— Все будет хорошо, Ники. Просто сосредоточься на том, чтобы очиститься. Я позабочусь об остальном.

Его голос звучал абсолютно уверенно, но он чувствовал, будто стоит на зыбучем песке и медленно тонет.

Чего бы это ни стоило, он ни за что не потеряет брата снова.

Наплевав на политику отеля Пенинсула в отношении курения, Джулиан достал пачку сигарет из нагрудного кармана. Мальборо все еще были запакованы в целлофан, и Джулиан вытряхнул их на ладонь.

— Fils de pute*(16)! — он выругался, задев повязку на ладони. Эта шлюха обошлась ему в двадцать гребаных швов.

Расплывшись в ухмылке, он посмотрел на невзрачный бумажный конверт — маленький подарок от частного детектива, которого он нанял. За свои услуги парень просил немного, но результат был бесценен, когда дело касалось не самых приятных сделок, не говоря уж о более личных делах. Источники и молчание стоили любых денег.

Зажав губами сигарету, он прикрыл конец и поджег быстрым щелчком зажигалки. Бросив горящую сигарету на кофейный столик, он разорвал конверт.

Внутри было полное досье на Хадсона Чейза. Он попросил детектива нарыть информацию на загадочного мистера Чейза в ту ночь, когда этот сукин сын пожертвовал миллион долларов, чтобы потанцевать с его гребаной невестой, но до сих пор у него не было оснований вскрывать пакет.

Теперь есть.

Джулиан большим пальцем пролистал первый пакет документов. Списки собственности, корпоративные вклады, несколько благотворительных организаций. Ничего необычного. Затем он взял фото слежки. На нескольких Чейз покидал пентхаус, на одном — садился в лимузин у офиса, и на одном был с мужчиной, удивительно на него похожим. Перевернув последнее фото, Джулиан прочел подпись.

Объект: Николас Чейз. Возраст: 22.

Далее следовал детальный отчет. Несколько странных мест работы, нигде не более двух месяцев, и если источник был верен, как и всегда, младший мистер Чейз имел немало проблем с законом в подростковом возрасте.

Прилагалось еще три снимка, на которых брат Хадсона покидал забегаловку под названием 'Якоря'.

Будучи братом миллиардера, он проводит время в этой дыре? Джулиан нахмурился, бросил документы на столик и глубоко затянулся сигаретой. Кончик занялся оранжевым, мягкая бумага потрескивала, сгорая. В идеально отполированном оружии нашлась трещина, и он точно знал, как ее использовать.

*(16) Сукин сын (франц.)

Продолжение следует...

